

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣ "Уніонъ"
состоится
Двонъ.

ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ 6 этажа

состоится
только

одинъ

КОНЦЕРТЪ

Маріи Ивановны Долиной

извѣстной артистки.
вслухъ и зрѣніемъ

Х. К. Акцери Л. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (47)

Август - сентябрь. 2002 год

2002 год — год 150-летия замечательного одесского художника К.К. Костанди. Памятник ему планируют воздвигнуть по проекту скульптора Н.И. Степанова во дворе Художественного музея.

Всем
читателям
"Всемирных
одесских
новостей" —
сайт
Всемирного
клуба
одесситов

www.odessitclub.org

От Семена Лившиина из США — Юрию Овтину — как предисловие к книге о конкурсе "Сетевой Дюк"

КАЛИТКА В ДЮКОВСКИЙ САД

Эта книга, согретая любовью к Одессе... Рассказы и стихи, где плещется Черное море...

Солнце Одессы. Оно преламилось в сетях Интернета...

Н-да. Ничего, здесь, в Калифорнии, тоже, слава богу, есть приличные вина. Конечно, это не "Перлина степу", но все-таки. Взять хотя бы сухой мускат "Канели". И налить стакан. Прохладного. Или два. Чтoб было с кем чокунуться. Мускат слегка горчит, зато так приливает к литературе и жизни.

Короче говоря, в этой книге собраны лучшие работы интернетовского конкурса "Сетевой Дюк". Отсюда и название: "Дюковский сад".

Память панорамирует по пыльным кустам и ностальгическому саду. В его дряблом глади отражается тень лебедя Борьки, освещенного как-то по пьянке местными хулиганами братьями Демченко.

Да. Книга и впрямь выросла, как старый одесский сад или парк. Пусть тебе и калямна с опухшими листьями, и глечница, что мелко лепечет на ветру: "А вот калы стучит, стучит свежее!" — и пыльная разварная сирень, особо везучий сорт для экзаменов: любой цветков — о пяти лепестках, и высокие платаны, на которых тучами гадают вороны, но если фронто хлопнуть в ладоши, вороны на них замолкают, и этот опустевший луг вдруг заполняется легким журчаньем: вечность? Ворона из лопнувшего на Персони мерицана?

Ну и, конечно, в этом садо-парке полно акации. В Калифорнии она тоже есть, но совсем не пахнет и произносится чуть ли не "акакия". Хи, а вдруг Акакий Акакиевич — главный герой одесской акации! Дальше — виноград "Лаксингтон". Худая жимолость лоза, вся в накалах, а фронки тамные, жевательные, вино по осени густое, пахучее. И мысли от него не растекаются по дрябле, как от муската "Канели". А как насчет айрикозов? Конечно! Во-первых, жердоч, маленькие, пятнистые и вдобавок сладкие оттого, что даровые. Во-вторых, анасанские айрикозы. Сочные, сочные, перезрелые. Ночью они густо буркаются о землю, отбивая часы и минуты мая.

Если бы Ньютон сидел под таким деревом, он открыл бы закон всемирного тяготения к Одессе.

Так. Пора бы уже сказать о книге что-то конкретное.

Например: многое в ней вызывает чувство так называемой хорошей зависти. Например, когда люди могут и стихи, и прозу. Или что-нибудь одно, но так просто и так нежно. Хотя нежность то и дело переходит в сентиментальность. Начинается суть, наша южно-избыточная артикуляция-жестикация, такой переход подробностей, что их даже Марселю Трүсту хватило бы на целую пачку.

Кстати, а почему бы не назвать эту книгу по-чужбине: "В поисках потерянного места"? Ну, как говорил в свое время наш редактор на летучке, люди нас не

поймут. А может, все-таки?... Хотя нет — книга ведь уже напечатана. И по-том, авторские права Трүста... У него, кстати, были дети? По стилю вроде не похоже. Ладно, оставим это название про запас: вдруг когда-нибудь появится еще один такой сборник, а название-то уже есть — падежа!

А в этой книге мне особенно понравилась Мария Талина, особенно стихи. Так просто и так нежно. Ах, да, это я уже говорил. Ну понравилась мне, и точка. И Ефим Ярошевский особенно понравился, особенно "Провинциальный роман-с". Хотя вхожу в текст и живу там, тяготясь этой жизнью и меланхолично любясь ею... И, конечно, особенно понравился Евгений Толубовский. Его эссе, которые давно уже пора выпустить отдельным изданием, это просто классика — давайте так и скажем Жене прямо в лицо. И Наталья особенно Лайкина мне понравилась, со второго, правда, раза, эта ее лукавая рецензия "Война и мир" Михаила Жванецкого". И еще особенно мне понравилась.

Кстати, о Жванецком. В Одессе трудно было писателем. Стать можно — быть трудно. Со всех сторон над тобой нависают знаменитые предшественники. Говоря по-нынешнему: авторитеты. Их тексты давным-давно уже разобрали на цитаты, которые с детства впитали зрение мальчики и девочки. Куда ж ты ткнешься со своим самопальным компасом, если вокруг тебя такая мощная литературная аналогия: олеши-бабей-шор-петров-кайев-на-устовский-жванецкий... Нужно или не читать их, утверждаясь в собственной оригинальности, или цекать, как все они, из Одессы и писать о ней издавна.

Многие авторы "Дюковского сада" так и сделали. Кто эмигрировал в Москву, кто в Нью-Йорк, Пель-Авив... А может, наоборот: это Одесса нашей молодости ука-тила от нас далеко-далеко?

И только иногда, в разгар пустой зимы, она вдруг напалит о себе, мелькнет, как узкая белая полоска от купальника на спящей спине, загоревшей где-нибудь на черт, второе "на" подража! Двенадцатой станции Фонтана или же на Карлино-Буразе, где несмелое море нашей мечты соседствует с плоским лиманом нашей жизни... Но если медленно-медленно вести рукой по этой незагорелой полоске на спящей спине, неторопливо путешествуя от одной родинки к другой, как от островка к островку, то кажется, что снова лето, полнотелое, и что песчаные часы пляжа будут всегда пересекать...

Да — книга. Одних ее авторов я знаю по прежней одесской жизни, кого-то — по нынешней, третьих — только по "Сетевому Дюку", где состоял членом жюри. Эти люди — как большое одесское семейство: все едят, говорят и поют одновременно, помалу, что слишком долго ждали своего часа. Потерянное поколение 60 — 90-х, которое нашлось благодаря своему телементу и Интернету.

Олег Тубар и Юра Овтин, прописавшиеся в Одессе, когда она еще называлась Хад-

жидеем, и терпеливо объяснявшие Де Руба-су, как ему попасть на его бурную улицу, — иначе бы так у них такое знание зрелой жизни? Олег Юрьев, единственный из авторов, кто отважился на циничный жанр, — спасибо! Дима Ярошевский, лихой нью-йоркский репортер, знающий Город Желтого Дьявола как свои пять — шесть пальцев, — и, пожалуй, в духе такой отчаянной лирики, даже лирический тенор. Боря, Боря Херсонский, я слышу его бесстрашный неторопливый голос психиатра и псаломщика, он читает свой "Семейный архив" для тех, кто понимает.

Вот именно. Эта книга — для тех, кто понимает. В ней надо родиться, испытать все предписанные тебе неприятности, чтобы только потом понять: оказывается, это и было твоё счастье.

Когда-то мы свято верили в то, что Одесса — лучший город на свете. Потом, по-видимому Париж или Рим, с наслаждением находили там целые куски старой Одессы, тактично разбавленные коллизиями и цифрами, акиками, и понимали, откуда что взялось. И каким оно могло бы стать, если бы Приморский райисполком фрал при-мер с Емисейского. Выходит, это был почти областной центр со всеми его вторичными признаками?

Но тяга к городу нашей молодости не исчезает от понимания того, кто есть кто. Хотя старые одесские знакомые в основном на кладбище или за границей, а кое-кто успел оказаться сразу там и там... и по-нимать наизусть все эти обрывы, расскази-еся лестницы, облупленные дома и заборы, среди которых — новенький особняк с авто-номной подкачкой-светом-газом вдруг сверкает, как посвежевшая фиска в черта-то ритм... Но как вкусно все! Сколько му-зыки! какие люди, с какой охотой! Новое поколение девчушек, которое широко рас-крывает свои. Или просто делает вид — они же всегда только делаем вид.

И снова песок, шалабол, ракушняк. Спа-янный доисторической общностью коллектив моллово, мирно переживший феодализм, капитализм, социализм, национализм, еще один капитализм, рэкет с человеческим ли-цом...

Город-риф. Город-риф. У него невоз-можно взять реванш. Об этом городе мож-но только писать.

Мне кажется, эта книжка получилась очень одесской. Во всех смыслах.

За это и хочется выпить.

За тех, кто в Одессе.

Где бы она ни находилась.

Даже в книжке.

Семен ЛИВШИИ.
Сан-Диего, Калифорния.

От Михаила Обуховского — всем читателям журнала "Фонтан"

БРЫЗГИ ФОНТАНСКОГО

"Фонтан", он и в Лионе "Фон-тан".

Выймаю из почтового ящика све-жий номер журнала, и сразу "пахнет морем" и "Фонтаны покрываются цветущими садами". По поводу за-казываю: "Шампанское!" — но не "Юрт", который мы еще по студен-ческой классификации, называли "кисляк", а розовое мускатное одес-ского разлива. Плутенцы почему-то не считают его ни вином, ни, тем бо-лее, шампанским — несомненно на ма-гическое имя "Родерер", успешно скрытое большевиками под названием "Советское". Как я понял, моя осно-вательная забота шампанских вин на Пролетарском якобы бываре уже не является стратегическим секретом.

Настоящий "Родерер" во Франции считается раритетом, и никто не верит, что этот изысканный по каче-ству и пролетарский по месту уско-ренной промывленной ферментации напиток продавался за всего лишь три двенадцать. Но родереровское шампанское, согласитесь, нельзя от-нести к категории "Берёж или Не берёж". Бутылка "Родерера" (по-крытая пылью с октября 17-го года, спрятанная от конницы Котовского и большого любителя шампанского — Чапаевского Петьки) — мечта каж-дого знатока-француза, готового ехать за своей мечтой в Одессу, в отличие от нас, чужающих за меч-той вначале в тундру (или в тай-гу), а затем на историческую (или экономическую) родину.

И вот, когда по поводу одесского юристорического издания, домешего до Франции, уже было "полито", мы явно почувствовали брызги... Фон-танского. И какие брызги! Эти смешные украинцы описывают тех смешных китайцев, старые евреи из-деваются над новыми русскими. Раскопки Тубаря фонтанируют ин-тересными фамилиями одесситов, и где-то совсем рядом рождается Наш Новый Бабель.

Я подумал: "А что, здесь, во Франции, своих фонтанов нету?". Вот: во французском Петергофе Большой Фонтан Версаля назван "Нептун", который на четверке лошадей пытается вырваться из бассейна, собравшего струи этого фонтана. А всего в двух часах от ав-тострады от моего дома, на берегу Женеваского озера, Очень Большой фонтан угрожающе поднимается на недосигаемую ни одним фонтаном мира высоту, выражаемую трехзнач-ной цифрой (в евро). Масса воды в секунду могла бы заменить великий Каракумский канал, оросить Фер-ганскую долину и стать еще одной великой стройкой коммунизма в ге-ниальном плане преобразования приро-ды.

Средних Фонтанов здесь, в отличие от Одессы, много. На наш Средний Фонтан надо было ехать на 18-м трамвае, открытые вагоны которого скорее похожи на украшенную пре-красными одесскими веранду, чем на коммунальный транспорт. Здесь же, во Франции, Самый Средний фонтан действительно находится последние Прованса. Называется он "Фонтаны Воклюза", хотя это опять-таки не фонтан, а падающий со скалы водопад. Висте 18-го трамвая к каскаду летают на дель-тапланах. Главное же (забудьте дышание, любители аналогий) — как и в Одессе, этот фонтан не только выражает географическое название, но и качество воды. Если вода не так кристально чиста, как в этом каскаде, то она "не фонтан".

Обычно-Средние фонтаны в цент-ре городов — самые буржуазные, в бронзе и мифологических героях. Но — при всей их французскости — дети иммигрантов там моют ноги.

Малые фонтаны, как и у нас, про-стой публике неизвестны, хотя их красоты и описывает гид туристам, глазеющим совсем в другую сторону. Когда же говоришь французю о малом фонтане, он представляет себе диде.

По старой традиции фонтаном называют бочонок с вином на народ-ных праздниках. Но это явно "не фонтан", так как во Франции надо заказывать этикетку, а не вино. И тогда начинается чудодейство "виного" изтра, рассказывающего о микроклимате, аромате, составе

почвы и древности поместья (как свободна о засидевшейся невесте в Егу-пове). И уж если все же кто-то и пьет вино из такого "нефонтана", то проверьте, не носит ли он накал-ку "Нет счастья в жизни".

Есть здесь и готовые садовые уст-ройства, которые продаются в спе-циализированных, где вы можете купить фонтан любого размера, но при усло-вии, что он будет средним.

Прилагательное "фонтанский" всегда было одесским знаком каче-ства. Ну, скажем, фонтанская полиго-ра или фонтанский айрикоз, я не го-ворю уже про фонтанскую дачу. Верные мичуринцы выращивали фон-танскую черешню размером со сливу, со вкусом персика и запахом "Шане-ли № 5" (да других "Шанелей" про-сто и не было, сразу номер 5, как СКБ-3 — не один, не два, не три и четырнадцать сотых, не, тем более СКБ-семь соток. Это СКБ за "жел-чугу стакан" продавало для само-стоя изданным план родных, длин, Фонтанов).

Вот только шампанское не было Фонтанским, оставаясь советским, т.е. не шампанским вообще, а так, изысканным атрибутом власти, в ряду изобретателей радио, паровозов и тройного одеколона. "Фонтан" же, как приз, селекционированной шутке присваивает прилагательное "фонтанская". Я увидел, как фон-танирует одесский банк юмора и как что-то фонтанское поднимается у факера на рисунке, спрятанном за инициалами Л. А. Я был счастлив, как совслужащий, которому дали по-носить кепку Ильича. Я был споко-ен — бывать Французский по-преж-нему весь в цвету...

И если в захолустный Лион одес-ский журнал пришел в месяце его вы-хода в столице юмора, то распрост-раняется он со скоростью пандемии до изобретения пеницилина. Даже месячной свежести "Фонтан" оста-вался "Фонтаном", в отличие от убековеченной Булгаковым осетри-ны...

Среди воистину одесских районов выделялись два: Молдаванка, еще со времен еврейских погромов ставшая исконно украинской, и Фонтаны, ко-торые не знали национализма. Фон-таны были пролетарскими (Малые) или буржуазными (Большой). Эти районы соперничали и в литературе: участок на Молдаванке горел, как свечка, тогда как Фонтан покрывался черешней. Чувствуете разницу — ни того, ни другого никогда и не бы-ло.

А дачи фонтанские сдавались лю-дям особой национальности — обко-ловской. Не живет ли в них сейчас гетман, или шахиншах, или городской голова, или старший чабан, или отец нации... Летом (а это почти круг-лый год) фонтанские пляжи приоб-ретают цветовой гамму украинского флага. А флаг фонтанский? Почему бы не добавить, по праву дубави-ка, розовый цвет вспененных весной фонтанских садов?

Вот тут я и подумал, что Одессу мы любим просто так, как маму, но еще и за Фонтаны. А Францию? Францию-то за что? — за Париж-скую Колмуну, сожравшую своих де-тей? за Парижскую школу живописи, созданную нашим Шагалом и оравой наших европейских художников, за ис-конно французских писателей — Ле-мингуза и Бунина? Можно за жен-щин. А можно и за кухню, неописче-ную, волшебную, или нежный роко-ро, завернутый в виноградные листья.

А "Фонтан" я полюбил за то, что далеко не все лица фонтанской наци-ональности стигнут сейчас розы на собственных вилах в Калифорнии или плавают не в сточных водах нечесто-ного моря. Неновые и нерусские, они, как и я, мечтают о тех же Брызгах Фонтанского, что поспасившись ощутили мне, открыл одесский юри-сторический журнал с понятием и во Франции названием "Фонтан".

Михаил ОБУХОВСКИЙ.
Лион, май 2002.

От выпускников школы № 107 — всем выпускникам этой школы

ПОЛВЕКА ПОЗАДИ, И МЫ ЕЩЕ ЖИВЕМ, ПОЧТИ ВСЕ...

50 лет прошло с тех пор, как мы, учащиеся 10-го класса Одесской сред-ней школы № 107, получили 23 июля 1952 года на руки аттестаты зрелос-ти, окончив в водоворот бурного пла-вания по валнам жизни. Хотя были еще счастливые студенческие годы, но школьные сохранились как самые яркие, светлые, бесшабашные и, навер-ное, поэтому более запоминающиеся.

Большинство наших выпускников — в Одессе, 15 человек; кто-то за ее пре-делами, но все равно они всегда с нами, и, надеюсь, что мы тоже — с ними.

Если вспомнить те далекие годы, время было тяжелое, а мы, дети вой-ны, хорошо ощущали лишения и невзо-рот, выпавшие на долю наших ровесни-ков, близких и знакомых: систематиче-ское недоедание, карточная система, очереди, репрессии и прочие "прелести" системы. Все твердо знали, во всяком случае, большинство из нас, что надо не просто учиться, а хорошо учиться, что-бы чего-то достичь в жизни. Об этом нам всегда говорили родители. Мы, в ле-ру своих способностей и усидчивости, успешно окончили школу. Ребята почти все поступили в высшие учебные заве-дения и получили высшее образование: кто стал инженером, кто — врачом.

С большой теплотой вспоминаем на-шего классного руководителя, дорогого Бориса Ильича Хуторецкого — препода-вателя русского языка и литературы, преподавателя от Бога. Ему

в конце 2001 года испол-нилось 80 лет, живет он

и здравствует в г. Бостон (штат Массачусетс). Пользуясь случаем, хо-тя со значительным опозданием, поз-дравляем Бориса Ильича от всех наших еще не совсем состарившихся сердец со славными юбилеем и желаем ему креп-кого здоровья и долгих лет жизни.

Наши старшие друзья по школе вы-пуска 1949 года (со многими из них мы общались в те далекие годы), прожи-вая в настоящее время в Америке, в статье, опубликованной в конце про-шлого года в "Одесском листке", изда-ющемся в Сан-Франциско, высказали много теплых слов в адрес школы: профессионализм, обаяние, исключи-тельная порядочность. Он — кладов-ый обширнейших знаний как по основна-м предмету, так и по разным разделам математики, физики; прекрасный шахматист. Он всегда приходил на по-мощь отстающим ученикам, не счита-ясь со своим личным временем. Он привил нам любовь к русскому языку и литературе, которые знал в совер-шенстве, на всю оставшуюся жизнь на-учил нас правильно разговаривать и грамотно писать. Это снижало ему любовь и уважение учеников.

Из нашего выпуска в настоящее вре-мя в Одессе находятся 15 ребят. Де-сять из них 25 мая 2002 года (не-много раньше положенного срока, так получилось), в 13 часов по местному времени, встретились возле нашей шко-лы, сфотографировались на память, поднялись на второй этаж, зашли в наш класс, сели за парты и предались юнотеским воспоминаниям. К сожа-лению, юное ребят большинство — Паша Крайца, Юра Багина, Фадим-

тейна, Тарика Мильштейна и Жору Манолова — не удалось разыскать.

После посещения школы уже в не-официальной обстановке, за праздни-чными столами, произнесли тост за всех нас, живущих еще на этой планете, за живущих и здравствующих препода-вателей; поманили безвременно ушед-ших учителей и наших одноклассников: Пашка Роскарино, Женя Бычкова, Котю Анохина, Мирика Лещинского и Селена Абовского.

Чтобы ребята, прочитавшие эти за-метки, знали хотя бы, где проживают разбросанные по всему свету одноклас-ники, сообщаем, что в Америке прожи-вают: в Детройте — Валя Кавнац-кий, Жора Брандж; в Лос-Анжелесе — Трима Ргисин; в Нью-Йорке — Сама Харьковский; в Израиле — Трима Бер-тадский и Вади Данилюк; в Герма-нии — Осик Штейман (г. Эрфурт). В России — Руслан Бакалов, Дима За-вадский (Москва), Боря Воздаев (Московская область, Балашиха).

Все, кто захочет откликнуться на эти заметки "по поводу" и по зову сердца, напишет по адресу: 65072, г. Одесса, Украина, до востребования Владимир Цосирович Штейндеру, который уведомит Феликса Шапо и Хаима, Лену Гринштейна и Гиллефа, Диму Арова, Вадику Данилюк, Воло-ду Левитта, а также находящегося не в рабочем состоянии Юру Чайков-ского, Витю Лобазникова и Борю Юкелсона, их номера телефонов иле-ются.

Лока же все мы — одеситы по мес-ту проживания, всех инородных одес-итов крепко обнимаем и ждем руки. Дай Бог, может быть, когда-нибудь и увидимся.

До свидания.

Выпускники школы
№ 107 1952 года.
Май 2002 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА В РИШЕЛЬЕВСКИЙ ЛИЦЕЙ

Третьего июля во Всемирном клубе одесситов состоялась презентация книжки "Борисфен. Хаджибей. Одесса", которая подвела итоги наших археологических усилий в историческом центре Одессы в 1995 — 2001 годах. Главное — удалось показать, что историко-археологическое наследие Одессы безмерно, уникально и бесценно. Оно совершенно иное, нежели представлялось ранее. Мы провели диагностику культурного слоя города, преимущественно, в терапевтической методике: путем повсеместных наблюдений за его поверхностью, а также собирая и обобщая все имеющиеся сведения. Полученную информацию мы лишь уточняли с помощью "точечных" археологических шурфов в разных местах города. Так мы собираем фонд источников по предистории и ранней истории Одессы. Этот фонд лег в основу созданного нами музея археологии Одессы, а также всей презентационной книжки.

Наверное, подобная методика аналогична пункциям внутренних органов при медицинском обследовании. Она позволяет минимально разрушить сохранившиеся древние культурные остатки. Именно такой "пункцией" нам удалось найти археологические остатки ритуала основания Одессы, совершенного Иосифом Де Рибасом со товарищи.

Сходным образом — более широкими археологическими "пункциями" на Приморском бульваре — удалось доказать и сам факт повсеместного существования культурного слоя античного города — Борисфена. Этот город, как выяснилось, был основан греческими колонистами в середине VII в. до н. э. А территорию между Карантинной и Военной балками, от Приморского бульвара до улицы Греческой занимает крупный античный некрополь VI — IV в. до н. э. Известна дата основания "Борисфена в Понте" — 647 г. до н. э. Это позволяет в текущем году отпраздновать 2650-летие античного предшественника Одессы.

Таким же способом, еще более глубинными археологическими "пункциями" — несколькими "точечными" шурфами глубиной до 7 — 8 м — нам удалось "достать" слои турецкого Хаджибея под многометровыми завалами одесского строительного мусора у Городской Думы, Оперного театра, в Карантинной балке и в парке им. Шевченко. В этом, "турецком", слое обнаружались фрагменты керамики, датирующиеся XIII — XIV веками. Такие находки могут связываться со средневековой итальянской стоянкой Джинестра, отмеченной в навигационных пособиях того времени на берегу нынешнего Одесского залива. Кроме того, мы нашли остатки "Гаджибейского замка" на месте Воронцовского дворца, а также оконтурили пределы Хаджибейского поселка под историческим центром современной Одессы. Поселок (как и его античный предшественник Борисфен) располагался между Карантинной и Военной балками, а также простирался вдоль морского побережья до мыса Ланжерон. А в районе улиц Дерибасовской, Греческой, Екатерининской находится, видимо, и средневековый могильник.

Нам удалось собрать обширную (более 10 тысяч экземпляров) коллекцию предметов материальной культуры античного, средневекового и "одесского" времени, которые ныне экспонируются и обрабатываются в музее археологии Одессы при Южноукраинском педуниверси-

тете. При этом наши "археологические пункции" нанесли культурному слою Одессы минимальный ущерб. Наверное, для его дальнейшей диагностики оптимально именно такое "научное поведение". Оно позволяет выявить наиболее ценные участки древних напластований и, тем самым, даст возможность в дальнейшем их сохранять более внимательно, чем это делали наши предшественники.

А наши предшественники (и современники) строили и продолжают строить, перестраивать Одессу без всякого археологического "контроля". Такое строительство уже уничтожило (и продолжает уничтожать) древние культурные остатки под одесской городской застройкой. Этот ущерб необратим и никак не восполним. Наверное, поэтому культурный смысл своей археологической деятельности (или миссии?) мы видим лишь в том, чтобы показать, продемонстрировать: культурный слой Одессы обилен, повсеместен, богат и бесценен. Одесса стоит на останках своего знаменитого и древнего античного предка — Борисфена. Быть может, осознание этого факта общественным мнением и властями города хоть как-то приостановит его бездумное разрушение. С этой целью и написана книга "Борисфен. Хаджибей. Одесса". С этой же целью мы создали музей археологии Одессы и продолжаем свои поиски.

Поэтому на другой же день после означенной презентации мы приступили к следующему этапу исследований. И на этот раз задача наша сводится к диагностике культурного слоя опять-таки в историческом центре, однако, уже на некотором удалении от приморских обрывов. При этом мы ориентируемся на территории, которые минимально или никогда не застраивались в одесские времена. То есть мы получаем представление о древнем культурном слое в чистом виде. Где же найти подобные площадки в самом сердце Одессы? Задача непростая, но разрезаемая, если четко понимать, где искать, опираясь на знание истории градостроительства.

Очевидно, помимо скверов, газонов и проезжей части, в нашем распоряжении остаются дворы, причем дворы именно тех зданий, которые простояли на своем месте с конца XVIII — начала XIX столетия. Здесь у нас есть шансы "достать" нетронутые позднейшим строительством древние культурные напластования. Сложность лишь в том, что эти нетронутые слои могут прорезаться многочисленными траншеями, канавками и прочими выборками под различные коммуникации. Таких зданий сохранилось ныне не так уж много, но все же для наших целей их пока достаточно. Это, например, дома Дерибаса — на одноименной улице, Прокопеуса — на Екатерининской, Мими — на Преображенской, Грохольского и Дерибаса — в Малом переулке и на Гаванной и др. И, кстати, дом Вагнера, корпуса которого выходят одновременно на Дерибасовскую, Екатерининскую и Ланжероновскую.

Дом Вагнера оказался нам самым привлекательным по разным причинам: по близости к античному и средневековому "эпицентру", по обширности старого лицейского двора и иным ученым соображениям. Но были и эмоциональные причины. Ведь этот дом — подлинный мемориал, поскольку изначально при-

надлежал знаменитому Ришельевскому лицей. В разные годы здесь пребывали самые выдающиеся исторические персонажи: российский и европейские монархи, Пушкин и Мицкевич, Батюшков и Жуковский, Вяземский и Волконская, не говоря уже о Ланжероне, Кобле, Воронцове, Пирогове, Менделееве и др. Мы знали, что "Пушкин заходил в старшие классы, между прочим, и в ту классную комнату, которая обращена теперь в пивную, в доме Вагнера". Речь идет

о тонком пласт турецкого Хаджибея. Остальная часть этого слоя образована разновременными внутренними перестройками и перепланировками дома, которые оставили соответствующие датированные свидетельства в "разрезе двора". Обнаружены фрагменты изразцовых лицейских печей, английская посуда начала XIX века, в том числе роскошная фрагментированная тарелка мануфактуры Веджвуда, великолепный восьмигранный стакан, поддон дорогого бокала,

нера, переместившегося сюда из дома Кирико во второй половине 1860-х. Укусный графинчик, очевидно, маркирует "деятельность" знаменитой реставрации Николаи, впоследствии — Брунса.

Можно видеть: результаты нашей новой археологической "пункции" в Ришельевском лицее — доме Вагнера впечатляют. Дабы их увековечить, мы решили закрепить успех закладкой мемориальной бутылки — "капсулы времени". В бутылку все участники раскопок — студенты Южноукраинского педуниверситета и мы, их руководители, — положили по 10-копеечной монетке "на счастье", а также фотографию нашего незабвенного Учителя — профессора Петра Осиповича Карышковского. И написали записку потомкам, "в вечность", на которой все и расписались. Затем мы тщательно закупорили эту капсулу и захоронили ее в материковом слое желтой глины на глубине более трех метров.

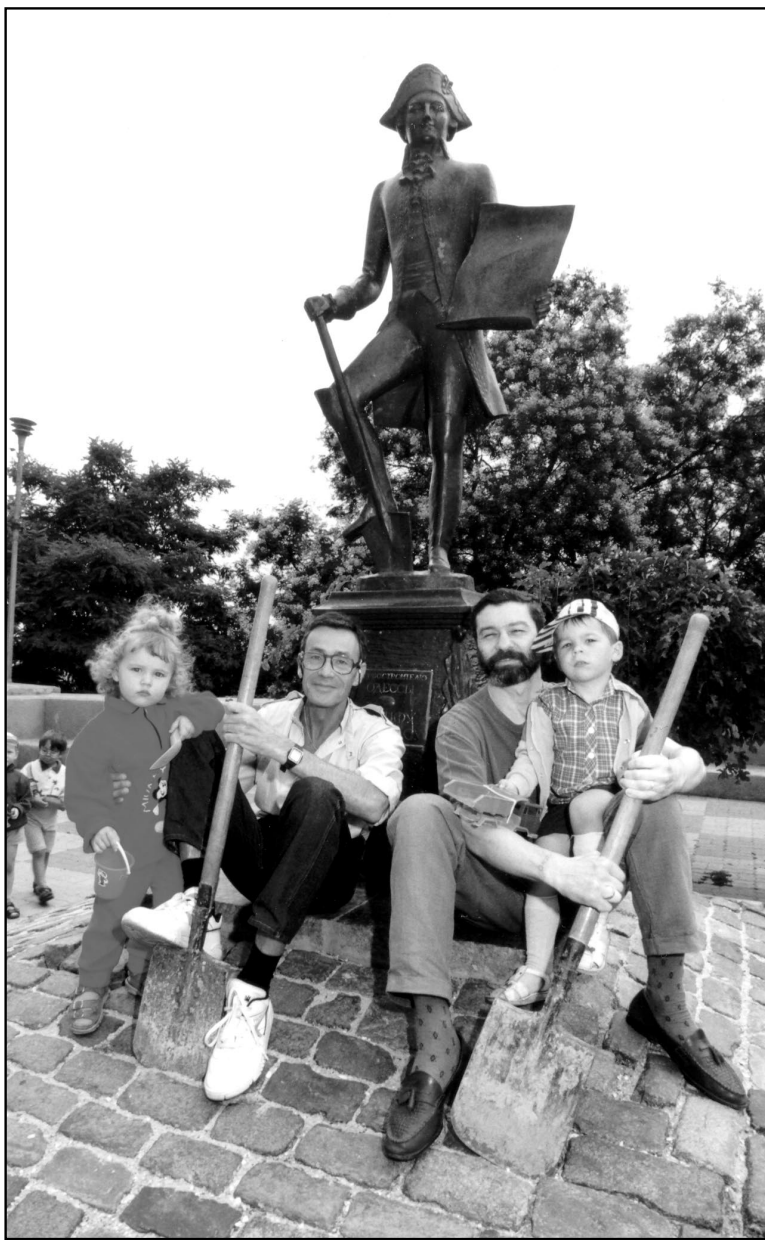
Так мы воспроизвели поступок Иосифа Де Рибаса, совершенный им при закладке Одессы. Археологические следы этого нам удалось обнаружить спустя два столетия. Вряд ли нашу "капсулу" кто-нибудь когда-нибудь найдет. Но пусть она послужит надежным оберегом всей нашей деятельности.

Не менее обещающим нам кажется археологическое изучение плато к юго-востоку от Карантинной балки, где ныне расположен парк им. Шевченко. Здесь, закладывая "точечные шурфы" вдоль побережья, мы нашли остатки культурного слоя Хаджибейского поселка, который тянется вплоть до мыса Ланжерон. Не исключено, что здесь сохраняются и остатки античного времени. Удачно, что в "одесские времена" территория парка почти не застраивалась. Куда менее удачным для наших целей оказалось устройство здесь огромной земляной крепости в самом начале строительства Одессы. Эта крепость быстро потеряла свое военное значение и в первой половине XIX века была заброшена. А в 1930-е г. г. в ее центре была вырыта огромная чаша стадиона ЧМП. Остатки земляных валов крепости до сих пор сохраняются по периметру стадиона (примерно 500 x 500 м) и маркируют, тем самым, участок, где более древние культурные пласты были уничтожены. Зато за пределами этой крепости вероятность их сохранности очень велика. Поэтому мы намерены продолжить свои исследования и в этом районе.

Причудливой судьба располагала наш музей археологии Одессы в здании по улице Канатной, близ спуска на Таможенную площадь. Именно на этом месте, в квартире И.П. Бларамберга, в 1820-е годы зародился Одесский археологический музей. Эту квартиру посещал Пушкин. И как знать, не осенил ли его гений завидную судьбу коллекции Бларамберга, которая превратилась в крупнейшую археологическую сокровищницу Северного Причерноморья...

Семь лет тому мы начинали свои раскопки лишь с целью пополнить коллекцию Пушкинского музея. А в результате обустроили музей археологии Одессы в том месте, которое Александр Сергеевич освятил своим живейшим интересом к античным древностям (как, впрочем, и к дочерям Бларамберга). Быть может, и дальнейшую судьбу нашей коллекции благословит бессмертный гений поэта?

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ,
доктор исторических наук.

о популярнейшей пивной зале Николаи, впоследствии — ресторации Брунса, которую посещали знаменитые литераторы, художники и вообще местная богема. Удивительно, но этот мемориальный флигель — двухэтажное строение начала XIX столетия в глубине лицейского двора — сохранился до сегодняшнего дня. Никакой мемориальной доски здесь, конечно, нет.

Разумеется, мы "забили" свой небольшой (1,5 x 1,5 м) шурф именно под стенами этого флигеля. И достали в нем неповрежденную "дневную" поверхность турецкого времени, на которой начала строиться Одесса — степную поверхность чернозема конца XVIII столетия. Этот слой оказался на глубине более 2 метров от современной поверхности двора. Это же означало, что "одесский" культурный слой здесь нарастал со скоростью более одного сантиметра в год.

В разрезе "одесского" слоя обнаружены материалы, четко фиксирующие все стадии существования "дома Вагнера". В нижней его части найдена турецкая поливная керамика, которая маркирует сам момент строительства корпусов здания, когда при выборке земли был потре-

уникальная расческа (вполне вероятно, обиходный предмет лицейского быта), а также двухкопеечные монеты 1815 и 1819 годов, две серебряные серьги, а также несколько пуговиц от нижнего белья.

В целом, вся нижняя часть одесского слоя совершенно надежно и определенно датируется концом XVIII — первой половиной XIX столетия. И ничто не мешает предполагать, что утерянные монеты, серьги и другие предметы могут оказаться связанными с именами Пушкина или Воронцова, Ланжерона, Мицкевича, Волконской, обронивших здесь какой-нибудь из перечисленных предметов при посещении лицея.

Кроме того, ближе к верхней части шурфа отыскивались разнотипные предметы, имеющие отношение уже к постлицейскому периоду. Тогда этот комплекс строений принадлежал крупному предпринимателю Вильяму Вагнеру, преобразовавшему его в огромный, лучший в Одессе торговый центр. Чрезвычайно изящная чашка, осколки заварного чайника, блюдо, датирующиеся концом 1860-х — 1870-ми годами, происходят, вероятно, из "Английского магазина" Ваг-

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

ЛИНИЯ ФРОНТА

Господи! Почему так хорошо!
И в жару, когда сунешь руку в раска-
ленный воздух, а потом голову, а потом
самое.
И крики с пляжа, будто со сковороды.
С воплями погружают — кто красное
тело, кто белую ногу.
А кто-то под водой взглядом субмари-
ны все это ощущивает.
Из песка вырастают женщины.
Мужчины, как стихи, из мусора и водки.
И поплыли. Вид на человечество
снизу.
Зажгли лампы. Почему так хорошо?
И в жару...
И когда налетает ветер и все кричат.
— Мама! Смотри... Нет, не туда.
Наверх...
Огромное черное одеяло натягивают с
берега.
Море встречает его темно-зеленым.
Светлая полоса всё уже.
Туда-сюда прокатывается гром.
Крики: это фронт.
Фронт идет!..
Отдельные внутри клубятся облака и
ходят по своим орбитам.
Советчики.
Острые выпышки.
Сполохи.
Всё вертится в разные стороны.
А вместе движется на нас.
С теми же воплями выскакивают
охлажденные люди.
Уже черная Аркадия, еще белая Луза-
новка.
Но она уже сломлена и ждет.
Фронт неумолим. С нами уже не гово-
рят — мы в дыму.
Мы неинтересны.
Туда, туда, где люди резвятся, ныря-
ют и женщины вырастают из песка и
колеблются в воде.
Всё! Мы в плену.
В домах зажались огни.
Мы арестованы в квартирах.
И лишь по телефону:
— Ты понял, Гриша?
— Понял! Понял!
Но где же дождь? Ведь вы же
обещали?
Но фронт идет вперед. Не до дождя.
Вот так. Любая власть надует. Ей глав-
ное — отнять у нас веселье.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

В автобусе 135 битком.
Едет мрачный народ после работы.
Вдруг водитель заговорил с пассажи-
рами нежно и шутиливо:
— Ну, какая будет следующая оста-
новка, кто догадается?
— Лесная, — ответил ребенок.
— Правильно, Лесная. Выходите осто-
рожно: на остановке гололед. Ногами
раскатали снежные комки.
Это было так непривычно. Люди
улыбались.
Кто открыто. Кто скрывая. Кто опустил
лицо в книжку.
И улыбался себе в книжку.
И так стало тепло в автобусе.
И люди заговорили вдруг между
собой.
Заговорили о том, что скоро Новый
год.
И шампанское дорогое.
И скоро праздник. И кто-то
засмеялся.
А кто-то сказал:
— Нет, девушка, это вы напрасно...
— И откуда вы знаете? Может, и мне
туда же.
А кто-то сказал:
— А здесь будет баня.
А кто-то сказал:
— Вот сейчас бы — эх!
— Эх, — сказали, — так ведь ванна.
— Разве ванна — это баня?
— Баня — это праздник.
— Баня — это коллектив.
— Баня — это свобода.
— Баня — это мужики.
— В баню идешь одним, выходишь
другим.
— А здесь — автобус...
— Да, а баня будет. Лужков сказал,
значит, будет.
А мне раньше. Я поднялся и посадил
на свое место женщину.
Она была не одна, а с двумя
кошелками.
И уговорила, вот уговорила меня на ее
кошелки поставить свой тяжелый портфель.

Так мы и наградили друг друга и еха-
ли — кто 20, кто 25, кто 40 минут — без
злости и подозрений.
Каждый может стать артистом, когда
люди уже собрались.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Мальчик лет 15, чудный, тихий, начи-
танный, вышел из дома на часок
прогуляться.
И пошли звонки из милиции, из "ско-
рой помощи", из МЧС.
Плохо, что при нем какой-то документ
был.
Деньги он где-то добыл.
Так что отпустили.
Он вернулся, прошел тихо к себе,
включил торшер и лег книжку дочиты-
вать — смешную и поучительную.
Господи! А мы все-то, оказывается, из
воды...
И даже наш Президент.
И даже олигархи.
И даже железнодорожники.
И даже генералы.
И даже депутаты.
И, когда одно ведро воды кричит на
другое:
— А ты не та вода! Ты живи среди
своих!
— У нас вода другая.
— Понаехало чужое H₂O...
А если вода из нас выйдет, останет-
ся 20 кг сухих костей, которым все рав-
но, где валяться и кто на них будет ва-
ляться после нас.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Случай с моим другом А.М. Л.
Они лежали.
Вдруг звякнул замок.
Они вскочили, стали лихорадочно
одеваться.
Он полуодетый выглянул на лестнич-
ную площадку с носком в руке.
Никого.
Он облегченно обернулся...
В комнате стоял такой же полуодетый
мужчина с носком в руке.
Двое с носками в руках.
Тот приехал ночью домой.
Хотел незаметно войти.
Этот хотел незаметно выйти.
20 лет прошло.
Ужас в его сердце до сих пор.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Он ей очень нравился.
Она позвонила ему и сказала, что у
нее есть два билета в театр.
Билеты сейчас дорогие.
Он пошел с ней.
У театра она сказала, что пошутила,
что нет у нее никаких билетов.
Он честно сказал:
— Вас сейчас оставить или проводить
куда?
Она сказала — оставьте сейчас.
И он ушел.
А билеты у нее, конечно, были...

ПУЛЯ

А не удивительно ли, что такая ма-
ленькая пуля убивает человека?
Как изобретательны люди. На таком
расстоянии. Неизвестно откуда.
Шальная.
Летают пули вместо пчел. Предупре-
дительный свист.
Он даже не предупреждает, он
уведомляет.
И...
Полная тишина наступает в двух слу-
чаях.
Если нет всех.
И если нет тебя.
Что по-настоящему совершенствует-
ся?
Спички — не меняются.
Лампы — не меняются.
Велосипед — не меняется.
Оружие — каждую секунду.

И вы хотите, чтобы оно не применя-
лось?

Владимир НАБОКОВ

Пожалуй, никто так не понимал трагическую непереводаемость русских стихов на ан-
глийский язык, как подлинно двуязычный поэт и писатель — Владимир Набоков. Отча-
явшись перевести "Евгения Онегина", он представил англоязычному читателю прозаич-
еский перевод, снабженный подробнейшим комментарием. По словам самого Набо-
кова, ради точности он "пожертвовал всем: красотой, благозвучием, ясностью, хоро-
шим вкусом, нормами современного словоупотребления и даже правилами граммати-
ки". А затем написал два стихотворения на английском языке "К переводу "Евгения
Онегина". Написал онегинской строфой и отомстил переводческому тупику. Так можно
отомстить только самому себе. Английские стихи Набокова почти так же непереводи-
мы на русский. Автор сделал для этого все возможное — просчитал, просинкопировал,
вдоволь поиграл английскими созвучиями и сосмыслиями. В приводимом (переводи-
мом) ниже стихотворении "Вечер русской поэзии" он дает неуклюжие транскрипции
особенно невыносимых для американского уха российских слов...

ВЕЧЕР РУССКОЙ ПОЭЗИИ

"...похоже, это наилучший поезд.
Мисс Этель Винтер
с кафедры английского языка
встретит Вас на станции и..."
**Из письма, адресованного
приезжему лектору**

Предмет, что выбран для беседы, тонок,
витают всюду: круче берега
базальтовые стали, и река
вновь говорит по-русски, как ребенок
сквозь сон, скороговоркой, наугад.
Мой маленький помощник,
слайд проворно
вставляя в фонарь волшебный и лучом
на весь экран высвечивая повторно
мое ли имя, иль иной фантом
славянский. Что ж, благодарю покорно.

Свой алфавит под клекот журавлиный
грек на холмах, коль вспомнишь ты,
писал;
и стрелы то в закат, то в ночь метал.
А наше небо, запаха древесины
и меда вкус перекроили дивно
и стрелы, и заимствованных птах.
Что, Сильвия?
"Зачем же о словах
мы говорим? Ведь знание важнее".

Затем, что звук слит с формой —
вот идея.
Все неразрывно: жидкость и сосуд,
и мед, и вереск. Радуга есть суть
всех линий, и земля кругла, и с нею
сам русский стих, и звучность
русских гласных
подобна писанкам, цветкам атласным,
в которых золотистый шмель жужжит,
ракушкам, в чьих устах прибой шумит.
Еще вопрос?

"Закон просодий ваших?"
Что ж, Эмми, наш пентаметр для вас
звучит, как ямб хромой,
едва продравший,
а может, так и не продравший глаз
от снов, где важно властвовал пиррихий.
Закрой глаза. Мелодия растет,
и длинно слово среднее; вот стих, и
диовинной змеей ползет он; вот
удар, ты слышишь тень другого, бьет
в гонг третий. И четвертый
вздрыгнет тихо.

Все это создает чудесный фон,
Неспешно раскрываясь, как бутон
в каком-то фильме, где сюжет не нов.

Но рифма — день рождения стихов.
Есть в русском языке, как и в любом
другом, ты знаешь, близнецы. В альбом
тебе всегда срифмуют кровь
с любовью,
природу со свободой, с голью — боль,
Рифмуют человеческий — вечный, боле
того — с печалью даль, луну —
с чем хошь.
На жизнь и смерть ты рифмы
не найдешь.

Я ржанье существительных своих
гнедых за океаном слышу; шорох
причастий, вниз спускающихся, их
шаги, их поступь мягкую сквозь ворох
листвы, как шлейф волокающей; и, и,
глаголом обтекаемое. Ночи
Алтая, заводь звуков с "и" для лилий.
Бокала звон, который погубила
Ладонь, его накрывшая среди прочих.

"Деревья? Звери?
Ваш любимый камень?"

Береза, Синтия. Сосна, Джоанна.
Как гусеница там, на высоте,
мое качалось сердце на листе,
давно засохшем, но висевшем сносно.
На цыпочках, как ветер ей велел,
стоит березка стройная. И в соснах
закат горит, как уголья в золе.

А в прозе среди всех зверей порой
лопочет птица бардов — гость ночной,
чье горло, подражая звукам клейким,

журчит, свистит, поет в глуши лесной —
ну, все равно, что призрак или флейта.
Эпитетов граненых не сыскать.
Не нам владеть рубинами Вселенной.
Разделены и грань, и блеск, пока
сокровища сокрыты наши. В ночь
ненастную, все ювелиры, прочь!

Спина, как Аргус. Я опасность чую.
Ползут за мною тени по пятам.
По только что написанным конюют
страницам, оставляя кляксы всуе,
читая в лупу их то здесь, то там.
А в сумерки под окна моей спальни
являются устало, молча ждут
под дверью, и звонками будят память,
и убегают, когда день на сани
садится, отправляясь в зыбкий путь.

Как быстро протекает время. Мнится,
что Пушкин, расстегнувши воротник
дорожного плаща, в карете мчится,
подремывая, мимо вереницы
бесформенно желтеющих rakeet —
кусты у нас такие. Песню тянет
ямщик, и запах трав вдыхает грудь.
И длится небо над землей бескрайней,
И бесконечна песнь, и долог путь.
И вдруг синкопа,

тихий всхлип (Некрасов!).
Одышку тянут слоги за собой.
Навязчиво повторны и ненастны,
иным они милей, чем стих любой.
Влюбленных пара говорит о жизни,
о счастии в растрепанном саду,
где под луной значительней,
чем в жизни,
и дерева, и их сердца в саду.

Страсть расширять понятия присуща
поэзии всей нашей. Чудеса
мутации вещей меняют сущность —
крот обернется птицей в небесах.
Но, преданные символам ненужным,
С попутчицей — наивною тропой
Для ног босых, дороги наши дружно
к молчанью ссылки нас ведут порой.

Не позволяет время завершить
Сей сказ неповторимый — neighukluzhe,
Nevynossimo — надо уходить.

Что я сказал? Дыханье затая,
с укрытой в шляпе птицей слепой
беседу вел я и кропил поля
Желтком ее яиц, разбитых для
забавы пальцев.

В заключение тут же
напомню: тени следуют за мной.
Пространство распадается. Укоры
щедротам скудным памяти. Так вот,
в одном местечке пыльном
в графстве Мора,
(где на холме унылое растет
мескитовое дерево), а также
в Вирджинии (где теплой пеленой
дождь сад укрыл и спрятал
кустик каждый)
запахло вдруг родимой стороной.
Сквозь сон малыш —
послышалось тогда же —
Забормотал по-русски, что — неважно.

Свои пожитки бедные упрячет
Волшебник-ящик, с дном двойным
стихи,
цветной платок, канат, волшебный мячик.
И ты почти раскроешь пасс случайный,
но все же фокус остается тайной.
Чек на конверте подан. Взмах руки.

"А как по-русски
"разговор прекрасен"?"
"Спокойной ночи" как?"

Ну вот, смотри:

Bessonnitza, tvoy vzor oonyl i strashen;
Lubov moya, otstoopnika prostee.

(Бессонница, твой взор уныл и страшен,
любовь моя, отступника прости.)

Перевод с английского
Людмилы СУХАРЕВОЙ.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

“Я СКАЖУ ЭТО НАЧЕРНО, ШЕПОТОМ...”

В мае 1973 года мы с Глебом приехали в Москву и вышли из метро “Новые Черемушки”. Подошли к дому, вокруг которого было много солнца и одуванчиков. Но пока я не сплела венок из одуванчиков, мы в дом не вошли...

А когда вошли, то этот мой венок на голове обрадовал хозяйина, и сразу все у меня с ним получилось. Мы друг другу очень понравились. А у Глеба с ним получилось раньше, в его первый приезд. Хозяином дома в Черемушках был Михаил Яковлевич Гефтер. Мы называли его М. Я. — он не возражал.

Письменный стол М. Я. стоял чуть наискосок у окна. И вот М. Я. сидит в кресле за столом, я — перед ним на корточках, потатарски. А Глеб к двери плечом прислонился... И мы говорим: об Одессе, о цветах, почему-то о Дантоне, французской буржуазии, Твардовском и о детях (а я уже немножко беременная Сережкой, но это пока тайна для всех — и тут я призналась ему, сразу ставшему своим и родным).

Мы потом с Глебом убежали по Москве гулять, к Генриху Батищеву поехали (мы тогда оставались у Генриха в его поселке Северный).

После первой же встречи с М. Я. у меня началась с ним переписка, сразу — глубоко, лично, всерьез. И длилась она до его ухода, до 95 года.

Письма вращались в жизнь, и благодаря этой переписке проза начала из меня расти, как дерево, ветвясь в разные жанры, а М. Я. говорил: пиши не только стихи, пиши и прозу, не бойся, у тебя получится. И давал мне задания: написать о вещах из Одесского археологического музея, по которому мы с ним любили бродить. И я долго сочиняла разные сказки — об окаменевшем хлебе древних египтян (который мы с ним даже погрызли, таясь от моих коллег, я тогда в музее экскурсоводом работала) — он по вкусу напоминал ракушняк и каменно рассыпался на зубах, о “дельфинчиках” — монетках жителей греческого полиса Ольвия, о египетской танцовщице Неси-Та-Уджат-Ахет...

На Ланжероне (одесский пляж) как-то мы нашли домик рачка-отшельника, раздавленный, вдруг М. Я. говорит: “Наверное, древние увидели вот такую же раковинку и придумали амфору”.

Мне потом сделали распил похожей раковины — два плоских среза, и стала очевидна форма сосуда; один из них М. Я. положил в кармашек своей знаменитой рубашки в клеточку, второй хранится у меня.

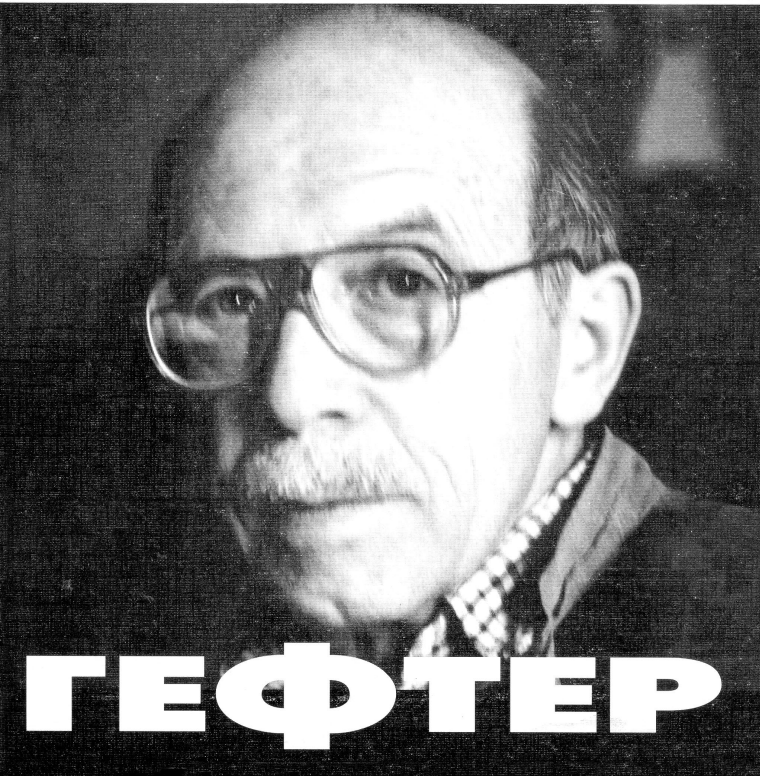
Виделись мы часто, я, приезжая в Москву, теперь жила в черемушкинском доме, и Рахиль Самойловна с Михаилом Яковлевичем первый вечер всегда проводили по-одесски: мы готовили икру из синеньких с “Привоза”, бродили по аркадиевской дороге над морем и долго еха-

ли по любимому восемнадцатому маршруту на Большой Фонтан, и еще дальше, уже на “тянитолкайчике” (это маленький трамвайчик с мордой в обе стороны) до писательского дома, где однажды отдыхала Рахиль Самойловна, с обязательностью забредая в старый монастырь — когда-то М. Я. сказал

кой Отечественной, мы познакомились, и М. Я. сказал: а ты покажи ей Одессу и одесские памятники этого времени, ты же все их, наверное, знаешь?

Я действительно объездила многие кладбища в области, описывая воинские захоронения, и Нина с мужем приехали в Одессу, мы встретились...

МИХАИЛ

ГЕФТЕР

мне, глядя на могилу святого Кукши, что хотел бы так уверовать, чтобы решиться принять крещение... К этой проблемной для М. Я. теме мы не раз возвращались в беседах.

М. Я. любил вспоминать “об одесском периоде” — о любимой Фриде (Фриде Владимировне Блюменфельд, родной тете М. Я., очень мужественной, жизнерадостной, с трагической личной историей. Я долго дружила с Фридой, не зная, что они с М. Я. родственники, пока однажды в разговоре не пересеклись имена — и состоялась встреча М. Я. с Фридой через тридцать лет не встреч; потерялись по жизни — страшные события: лагеря, война, гибель родных людей — разбросали семью).

Потом перебрасывался мостик в Крым — и начинался “симферопольский период”: детство, мама и брат, друзья. И всегда вспоминалась скатерть из детства, из лоскутков — на квадратном столе в центре комнаты — М. Я. эту скатерть из детства очень любил, она стала для него символом домашнего тепла и уюта.

Он вообще любил дом, и когда за большим столом собирались, чай пили — вприкуску с разговором. Однажды приехала из Америки Нина Тумаркина, рассказывала о своих поисках памятников погибшим на Вели-

Это обычное дело для М. Я. — расширять свой обеденный стол на страны и города, чтобы за ним поместилось как можно больше разного симпатичного народа. Такая вот счастливая особенность характера.

Однажды нам с М. Я. приснился один и тот же сон, то есть — сны пересеклись; ему снилась война, не отпускавшая его память: московское ополчение, зима, метель, он пробивается с солдатами-однокурсниками через ветер, вдруг взрыв гранаты, и... граната влетает в мой сон о Переяславской Раде, и огонь бежит по сухой степной траве в жарком моем сне, мы вскакиваем и сталкиваемся у двери: “Ты что видела?” — спрашивает взволнованно М. Я. “А ты?” — и больше никакого сна, потому что возник разговор, на который приходит Рахиль Самойловна, ставит чайник, и уже втроем не спим. Рахиль Самойловна рассказывает нам успокаивающие истории из жизни их мальчиков, Валентина и Володи: как М. Я. учил их храбрости.

Смеется — М. Я. точно так же учил храбрости нашего с Глебом Сережку: прыгать с бордюриков, заборов, ходить по бревну; а когда заморочишься с ответами на бесконечные детские вопросы — останавливать их поток каким-нибудь загадочным для ребенка словом, в Се-

режком случае таким словом, с легкой руки М. Я., стал “перпендикуляр”.

На даче в Салтыковке по ночам любили слушать, как яблоки в саду падают в траву — с глухим теплым стуком. Рахиль Самойловна сердилась, что не высыпается, что режим нарушаем.

Я варила мелко нарезанные кислые яблоки в большой жестяной кружке, М. Я. хотел много сахара, а Рахиль Самойловна сахара хотела поменьше, и смешно спорили, а потом придумывали “сладкие истории” из жизни, чтобы не грустило. Грустило же слишком часто. Времена были сложные, и состояния у всех непростые, и разговоры соответственные. Боже, как много их было, и какие прекрасные и неожиданные случались...

...Очень интересно становилось, когда приходили гости, я любила слушать беседы М. Я. с Юрием Григорьевичем Буртиным.

Помню почти четырехчасовую беседу о любимом М. Я. Гамлете, плавно перетекающую в любимого же Пушкина и далее — в метельные темы России: бесы Пушкина-Достоевского, бесы “разных времен и народов”, страшный сталинский бес...

...Когда умирала Фрида, мы с М. Я. были рядом, и она говорила с нами о жизни-смерти, рассказывала о том, как в лагерь умирала, в Казахстане — а она выписывала карточки, хитро выписывала, “прятала” покойников, чтобы еще “пожили”, чтобы их пайки доставались доходягам, которых мертвые могли спасти для жизни... Очень страшно было, мы все плакали, нет, Фрида не плакала, она нас... утешала.

Это была идея М. Я. — на Фридину могилу положить большую столешницу серого мрамора (с обеденного стола Фриды) и собрать под этой столешницей — ЗА этой столешницей — растерзанную советским временем семью Фриды: расстрелянного в лагере мужа Дудю — Давида Блюменфельда, убитого под Симферополем фашистами, вместе с бабушкой (мамой Михаила Яковлевича) убитого — сына их Вову. Над этой могилой стоят два бетонных куба, памятник, сделанный руками Вячека Игрунова, и стальная дощечка, которую М. Я. привез из Москвы. На ней три имени — Фриды, Дуди и Вовы. Семья воссоединилась.

Вообще тема соединения для М. Я. — одна из наиглавнейших. Он писал мне: “...самое нужное на свете — соединиться одиноким и заброшенным. Неизвестно, сильнее или слабее они вместе или еще слабее, чем в одиночку.”

Мне показалось, что ты “прочла” мои весенние письма, прочла душой, 68-й год встретился с 42-м. Это хорошо, это прекрасно, но как это распределить по листочкам нашего календаря, где день, а затем

ночь, а потом снова день... Рецепта нет. А есть тоска и обаянность — жить, а не влачиться. “Единственный доступный нам заменитель бессмертия — начинать, начинать несколько жизней в одном существовании... Близость, взаимопонимание не непременно требуют пуда соли. Естественнее, сильнее, глубже — с ходу, “От Бога”. Сквозь барьеры лет, состояний, обстоятельств. В межвременье нет ничего спасительнее и существеннее такого взаимопонимания: близости. А ведь наше межвременье — одно из самых долгих и тяжелых. Оно требует выдержки. И более, чем какое другое, глубины. Не жестов, поз, красивых слов, котурнов, а стремления добраться до корня, упорства в этом стремлении (или даже одержимости этим).

Мы явным образом застряли на “предварительных истинах”, обвелись ими.

Одних тошнит, другие по инерции продолжают долдонить то же самое, притом совсем не плохие продолжают, хотя и легко от самообмана переходят к обману, врастают в него, даже по-своему профессионализируются.

Мир несвободы и привилегий (две стороны одной медали) не то чтобы адаптирует — к этому он менее всего пригоден, а скорее, обминает, подгоняя под себя, незаметно опустошает. Сопротивляться... чем? Мозгом. Нравственностью мозга. Той независимостью, которой дано не отделять людей от людей, а приближать к людям с интересом и участием. С тем и другим.

Но все прописи плохи тем, что прописи. А как решить сегодня — это делать или не делать, так или иначе? Вот где она, “наша Голгофа”. Запрограммированность быта, каждого дня...

Мы часто бродили вдоль прибой втроем, с Вадимом Сергеевичем Алексеевым-Поповым, Михаил Яковлевич смешно говорил — они родственники: Пушкин, Жан Габен и Мандельштам. Они родственные души, поэзия всегда объединяет и роднит — читаем стихи любимых, кто первым? И начинал с любимого:

*Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра...*

М. Я. научил меня важной вещи — слушать “шум истории” — как это, спрашиваю, как она шумит? “В кронах хвойных деревьев”. “Почему хвойных?” “Мне так слышится”. Обнял, посмотрел внимательно и сказал: не умеешь? А ты прислушайся ко мне, через меня услышь...

Мне теперь шумит История в кронах деревьев — разных, не только хвойных, в этот шум вплетен родной голос Михаила Яковлевича — я различаю его, потому что он говорит мне, со мной — постоянно. И об этом я обязательно еще расскажу.

23 февраля 2002 г.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Г.
Послушай, Москва, в твоём зимнем затворе,
в колючей поземке — одесское море
и пряность бульваров, акаций озноб,
Соборная площадь, ракушечный грот.
Зевки паровозных прощальных гудков
и оторопь чаек от рыбных лотков
на “Новом базаре”, на старом “Приводе”,
столица, я вся — поцелуй на морозе!

Ты помнишь мои ослабевшие руки,
когда, зажимая искусанный рот,
я молча кричала в бутырский сугроб.
Шел снег. Бинтовал застаревшие раны.
Еще о тепле говорить было рано —
грядет на дворе осемнадцатый год.
Поправь меня, милый, был восьмидесятый.
Потом еще долгих два года брели

по темной брусчатке на площади Красной
прекрасной, распутной, служивой страны.
Был страшен майор, что ключами гремел,
к тебе пропуская в тюремный предел.
Замерзший цветок на рубиновом снеге
навязчиво лгал о возможном побеге.
Что мне до надежды на стильной земле,
когда — ты меня — разлучала с любимым —
Москва! Сумасшедшая спящая дива
забытая, словно молитва в Кремле.
Простые слова повторить не боюсь,
пусть с ритма и пифмы, как школьник, собоюсь:
“Сын и муж. Вот и вся Россия.
Вешки — вежи — кресты косые”.

1983 — 99.

Когда Одесса провожает,
приглушен свет у фонарей.
А из окошек долетает:
“А зохен вэй, а зохен вэй”!

Теперь гуляю по Москве.
Моя рука в ее руке.
... И свет Кремля невдалеке.

2001.

Москва. Июньский зной.
А у тебя в зрачке
осколок голубой
на ледяном крючке.

Опять ты смотришь вглубь,
прислушиваясь чутко.
Но музыка молчит
торжественно и жутко.

И в этой тишине
я паузу держу.
И музыке твоей
молчанием служу.

Вокруг метет метель
древесным спелым пухом.
Мой Моцарт был глухим.
С немзыкальным слухом.

2000.

ЖАБОТИНСКИЙ — КОРРЕСПОНДЕНТ "ОДЕССКИХ НОВОСТЕЙ"

В лице Владимира Жаботинского еврейство обрело крупного теоретика и "осуществителя" идеи сионизма, а русская литература и европейское языкознание потеряли замечательного писателя и выдающегося лингвиста. По поводу второй утраты И. Штейнберг (автор иврит-русского словаря), узнав, что Жаботинский владеет более чем десятком языков, воскликнул: "Молодой человек, оставьте своих сионистов и прочую чепуху и отдайтесь языкам. Я вам гарантирую, что вы станете первым лингвистом Европы". Как известно, молодой человек не внял этому призыву: он уже ощущал себя призванным под другие знамена — бело-голубые знамена возрождаемого Государства Израиль.

Что же касается потери первой — литературной, то сегодня стали общеизвестными слова Осоргина о Жаботинском, отзывы других литераторов о его классических переводах По и Бялика. Менее известны другие отзывы. Например, прочитав раннюю комедию Жаботинского "Чужбина", Горький писал знаменитому еврейскому адвокату Оскару Грузенбергу: "...Превосходное произведение, и вообще Жаботинский удивительно интересный человек... его комедия взволновала меня до глубины души". Иосиф Недава, израильский исследователь творчества Жаботинского, приводит в своей книге слова Куприна: "У него врожденный талант, он может вырасти в орла русской литературы, а вы (сионисты — О. К.) украли его у нас, просто украли... Боже мой, что вы сделали с этим молодым орлом? Вы потащили его в еврейскую черту оседлости и обрекли его крылья". Чуковский назвал Жаботинского "самым талантливым" из людей, встреченных в юности, и был уверен, что его ожидает широкая литературная дорога...

У сегодняшнего читателя, уже знакомого с сочинениями Жаботинского, может возникнуть вопрос: а нуждается ли его литературная репутация в таких авторитетных "подпорках", не говорят ли его книги сами за себя? Мне представляется, что нуждается, и вот почему.

Биографы Жаботинского в перечне его дарований и достоинств обычно редко упоминают (если совсем не избегают разговора) о его литературных заслугах. Это может быть объяснено тем, что все известные (мне известные) на сегодняшний день биографии Жаботинского написаны в Израиле, и жизнь Владимира Евгеньевича Жаботинского в них увидена как жизнь Зеева Жаботинского глазами еврейских авторов. Понятно, что взгляд из "страны победившего сионизма" будет отличным от взгляда из "города — колыбели сионизма" (а разве не подходит это название к Одессе, родине Леона Пинскера и Владимира Жаботинского?).

Владимир ЖАБОТИНСКИЙ

7 мая 1903 года

НЕ О ЮБИЛЕЕ ПЕТЕРБУРГА

Вчера в Петербурге праздновали юбилей, и поэтому во всей России, вероятно, много думали и говорили о Петербурге. Это дает мне право не писать сегодня о Петербурге, а писать о других городах, в частности, нашем городе. Ибо в самом деле, что сказать о Петербурге? Город-молодец, нечего и говорить.

В Костроме, в Умани, в Богородске являлись на свет умные люди или даровитые люди, съезжались в Петербург, и выходило так, что ум и талант происходят не из Умани или Богородска, а как будто из Петербурга. И так оно шло благополучно двести лет. Двести лет Россия со всех концов отправляла лучшие свои соки в одно место, и получалось такое впечатление, что это место весьма богато соками. Двести лет такой карьеры — счастье не из дюжины. Есть с чем поздравить. И поздравляем от всего сердца. Но к поздравлениям иные прибавляют и пожелания: "Дай, мол, Б-г, чтобы и впредь так же"... А иные не прибавляют пожеланий. Как думаете вы, одеситы: прибавите ли к поздравлениям пожелание "впредь того же"? Сомневаюсь...

Но я, собственно, хотел писать о нашем городе. Позавчера выпал довольно ясный день и недурная звездная ночь. Я много гулял и усиленно вдыхал запах акации. Я родился и вырос в Одессе. Место, где мы родились, не всегда есть наша родина. Моя историческая родина не на этих берегах; но я всегда очень любил Одессу и даже когда покинул ее, не разлюбил. Четыре года подряд я не слышал запаха акации; и когда он случайно доносился до меня из-за ограды какого-нибудь сада, я вспоминал Одессу и умилялся душою. Однажды я купил за 4 франка бутылку духов "Акация" и каждое утро брызгал себе на платок и вспоминал Одессу.

Третьего дня, наконец, после четырех лет, я снова досыта надышался ароматом акации и, вдыхая его, вдруг почувствовал и вспомнил в полном объеме всю мою любовь к Одессе, всю любовь, которую события заслонили, но не задушили. Вспомнил любовь и замечался о будущем этого города. Я часто мечтаю о будущем его. И прежде мечтал, и теперь, хотя и жду нетерпеливо мгновения покинуть его, тоже мечтаю.

Петербург, конечно, умный город, хороший город. Пошли ему судьба всякое благо, и

пусть он навеки будет умным и хорошим городом. Но пусть платит за это из своего кармана, а не из нашего. Не отдавайте ему больше ваших хороших и умных людей. Оставляйте их у себя.

Вокруг Одессы огромный район, величинной с доброе государство Западной Европы. Этот район тяготеет к ней и виден в ней свой естественный центр. Этот район достаточно огромен для того, чтобы требовать себе центра первоклассного, заправского, а не второстепенного, с обстановкой второго сорта. Большой и богатый район имеет право требовать, чтоб в его естественном районном центре людям подавалась свежая и полноценная пища, а не объедки с табльдота столицы. Провинциальным центрам пора опомниться, и честь и слава будет тому из них, который опомнится первый и покажет пример другим. Провинция должна дорожить местными силами и лелеять их, чтоб не потерять. Провинция должна страстно поддерживать все, что хоть на йоту повышает культурную деятельность района.

Провинциальные деятели — гласные, журналисты, благотворители — жалуются на мелкоту интересов:

— Разбираться в том, урезал или не урезал домовладелец Кукиш пол-аршина городской земли...

— Писать о том, что Петров с Ивановым потаскали друг друга за волосы; или давать рецензии о третьестепенной труппе...

— Распространять носовые платки между уличными мальчишками, которые все равно не станут утирать носа...

Да, все это скучновато. Но осветите все это одной идеей, и оно оживится и блеснет совсем иначе. Осветите ваше дело идеей эмансипации провинциального центра. Скажите себе:

— Не должны мы быть пригородом у столицы, а должны быть сами по себе.

И вы почувствуете почву под ногами и добрую глину в руках. Журналист увидит перед собой дорогу трудную, но заслуживающую труда. До сих пор он говорил в газете о художнике таком-то потому, что брат художника — его приятель. Оттого не вникал в дело и не старался быть справедливым. Но теперь для него этот самый художник стал дорог, как рабочий в его собственной мастерской, и оттого он пишет о нем иначе.

И благотворителем быть тоже скучно. Но осветите благотворительность той же идеей — и вы увидите разницу.

О муниципалитете, у которого в руках городские деньги, нечего и говорить. Осветите перед ним его деятельность этим новым зна-

Посвятивший большую часть жизни борьбе за свою историческую родину, Жаботинский никогда не отказывался от другой (вернее, первой) родины — Одессы. Создатель еврейского легиона (и книги о нем) присягнул на верность легендарной палестинской Аркадии, стране будущего счастья евреев. Но и создатель романа "Пятеро" присягнул на верность реальной одесской Аркадии, оставшейся в прошлом счастливой стране своей юности...

Русская культура, русская литература, впитанная им в одесской юности, питала его Музу в зрелости. И хотя между двумя этими эпохами его жизни — громадный промежуток, заполненный деятельностью, казалось бы, бесконечно далекой от нужд русской культуры, но кто решится утверждать, что они не связаны, что вторая не оглядывается на первую, что первая не питает вторую?

Уже выбором литературного имени Владимир Жаботинский отсылал читателей к родной — русской — литературе. И к литературной родине — к Одессе.

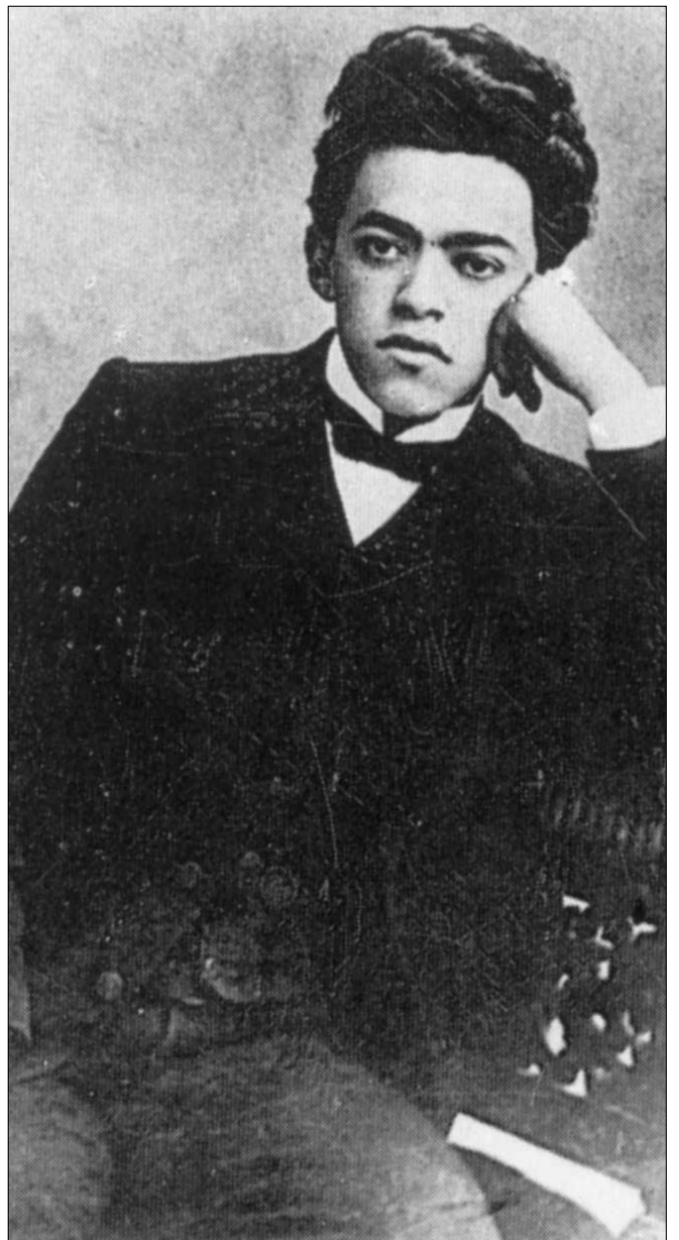
Мне кажется, что если бы биография Жаботинского писалась в Одессе, она началась бы главой о Жаботинском-литераторе. А эта глава, конечно, должна была бы начинаться рассказом о Жаботинском-одессите. Одесса Владимира Жаботинского — это прежде всего Одесса романа "Пятеро" (написанного в Европе в 30-е годы) и Одесса фельетонов в одесских газетах начала века. Собранные в книгу, эти фельетоны (а их несколько сотен) могли бы составить тоже своего рода "повесть об Одессе", и интересно было бы "поверить" одной книгой другую...

Иначе было с Жаботинским. Сегодня мы присутствуем при процессе "репатриации" его книг на родину. Нет, не на ту родину — в Государство Израиль — куда он так стремился всю жизнь, да так и не попал и куда его прах был перенесен спустя 24 года после смерти. А на ту, откуда ведут происхождение идеи его сионизма и мотивы, сюжеты, образы его книг. Поэтому нам особенно интересно сегодня прочесть его ранние фельетоны — разве не из них вырастает роман "Пятеро", разве не их отблески можно увидеть в "Самсоне Назорее", других книгах Жаботинского?

Публикуемые сегодня (с сокращениями) фельетоны впервые были напечатаны в "Одесских новостях" в 1902 — 1903 г. г. под псевдонимом Altalena.

Ольга КАНУНИКОВА.

В планах Всемирного клуба одесситов издать 4-й том сочинений В. Жаботинского — его публицистику.

чением — и уж он не согласится вычеркнуть кредит на школы и на городской ломбард и на эти деньги отремонтировать каланчу.

Жалуются люди, что нечего делать в провинции. Смешно. Дело есть, завидное и большое дело, достаточно трудное и достаточно прекрасное для того, чтобы мог его себе облюбовать энергичный человек; но беда, что людей мало, что большинство роется или ленится, предпочитая плестись без усилий, куда ноги несут. Только была бы энергия, да поняли бы вы, провинциалы, что глупо, невыразимо глупо жить в постоялом дворе, когда можно — и средства есть — устроить первоклассный отель.

Не учиться у столицы, не брать ее примером, а соперничать с нею независимо и самостоятельно.

Пусть себе навеселится вдосталь город Петербург своим вторым столетним юбилеем: vivat, crescat, floreat; но уж третьего юбилея такой исключительной, такой уродливой гегемонии над духовной жизнью России — не праздновать ему веки.

Баста.

18 сентября 1902 г.

ЕГО ЗАСЛУГИ

Многих изумило, что Эмиль Золя вмешался в дело Дрейфуса.

Со стороны публициста это было бы вполне естественно. Со стороны поэта это было бы объяснимо, потому что поэт предполагается нервным и впечатлительным. Со стороны критика это было бы неожиданно, но допустимо, потому что, как бы то ни было, критику приходится иметь дело со злостью дня.

Но романист! И какой романист: автор эпопеи в двадцати толстых книгах! Эти двадцать книг вызвали представление вовсе не о нервности или впечатлительности, но о самом что ни на есть кабинетном темпераменте. Публицист должен быть гражданином, поэт может им не быть, и критику не возбраняется. Но в романисте видеть активного гражданина как-то ни одна душа не ожидала.

И это было всего несправедливее именно по отношению к Золя. Потому что Золя давно, всю свою жизнь, каждой своей строчкой неустанно повторял: "Я гражданин". Есть поэты, которые не откликаются на злобу дня. Их называют жрецами искусства для искусства; это название неполно, потому что искусство всегда для искусства. Служебное искусство немисливо. Но искусство — только фор-

ма, в которой предполагается содержание. И вот, есть поэты, умеющие облекать в ризы, тканые искусством, только такое содержание, которое не есть злоба дня. Прошло уже то время, когда мы думали, что у этих поэтов "чистого искусства" нет заслуги перед человечеством. Умирая, они оставляют потомству страницы, которым в течение десятилетий или даже веков предстоит служить большую социальную службу, питать эстетическую жажду человечества. Но Эмиль Золя не принадлежит к числу этих поэтов.

Он тоже был художником, истинным художником во всех фибрах своего существа. Он тоже никогда (я не говорю о последних его романах, вышедших после "Парижа", потому что они явно созданы не поэтом, а борцом) не подчинял своего вымысла мимолетным требованиям сегодняшней тенденции.

Но он всегда был гражданином. Он не коверкал жизни в угоду своему тезису, он отражал жизнь во всей ее гармонии. Но он подставлял свое зеркало всегда с тех сторон, к которым страстно приковано внимание современного интеллигентного человека. Его произведения дают одинаково богатый материал и художественному критику, и социологу. Он взял карандаш в руки и пошел по лазарету жизни. Язвы его не пугали. Он останавливался перед ними и смело заносил их в свой альбом. И так он обошел все койки и все палаты этого огромного лазарета. И обо всем, что видел, рассказал человечеству, с потрясающей точностью, выпуклостью, жесткостью — со священной жесткостью хирурга или прокурора. Он ничего не забыл, он по всем клавишам ударил.

И перед глазами зрителей развернулась галерея, пестревшая всеми оттенками: от голодной нищеты до золотой роскоши, от аскетизма до последних извращений разврата, от подвига до гнусного преступления, от бездны позора до вершин почести. Вся колоссальная хроматическая гамма той клавиатуры, которая называется буржуазным обществом. И когда все это было сделано, Эмиль Золя обвинил в пессимизме. Если не в клевете. На обвинение в клевете он не отозвался, и не стоило. На обвинение в пессимизме он гордо ответил: "Нет оптимиста больше меня!".

Он был прав. Он ничего хорошего не ждал от общества, как оно скроено и шито ныне. Потому что оно извращает и коверкает человека совокупностью самых неестественных условий. Оно делает из здорового цельного человека односторонний обломок, половину человека, огрызок человека. Но Золя верил в будущую победу здорового цельного человека. От-

того у него с такой любовью, с таким триумфом и восторгом изображены все те моменты, когда свободная всетворящая сила жизни торжествует над путами предрассудков.

Наше время познало главную задачу прогресса в оздоровлении общества, в возрождении человека, исковерканного историей; наше время поняло, что этим возрождением, ради него и во имя его должны совершиться те перемены, которые мы уже предвидим и радостно торопим. И самым громким из проповедников этого оздоровления был Эмиль Золя. Воистину бессмертно имя и громадна заслуга этого человека. Потому что он пережил время большого шатания и сам не пошатнулся.

Посреди декадентов и эстетиков, посреди апологетов грязи, панегиристов гноя, Пиндаров болезненности, посреди всей этой вакханалии во славу лазарета Эмиль Золя непоколебим и громко призывал человечество к истокам чистого воздуха. Он учил и теперь учит красоте и величию жизни, истинной жизни, радостной, потому что здоровой, плодотворной, правдивой, трудовой.

Я не знаю смерти, к которой более подходило бы русское выражение "приказал долго жить". Это нам, наследному поколению, он приказал долго жить — долго жить и много работать для того, чтобы действительно некогда осуществилась, наконец, такая жизнь на земле.

13 марта 1903 года

ВСКОЛЬЗЬ

Коллега Теофраст Ренодо рассказывает, что в Луврском музее оказалась поддельная реликвия — золотая тиара, будто бы найденная на раскопках в Крыму, а на самом деле кем-то нарочно сфабрикованная.

Но кем?

Одни указывают на какого-то парижского искусствника, другие — на одессита, ювелира Рахумовского. Мой парижский коллега называет г. Рахумовского "легендарным г. Рахумовским". Но г. Рахумовский вовсе не миф, а живой человек и одессит. О нем не так давно писали в одесских газетах и печатили снимки с его ювелирных миниатюр: гроб со скелетом, какой-то барельеф и еще что-то.

Его ли рук дело эта луврская тиара, или нет — но факт тот, что у нас под боком живет оригинальный и бесспорно талантливый художник-самоучка, "одесский Бенвенуто Челлини", и... И добрые девять десятых нашей публики даже имени его не знают. В Европе такой человек жил бы в атмосфере всеобщего внимания. Устраивались бы выставки его работ. Публика ходила бы в его мастерскую, как ходят в картинную галерею. Газеты писали бы: "Он начал новый барельеф-миниатюру", "Он закончил художественную солонку в виде девочки с передником".

В Одессе — ничего подобного. Никто не слышал, никто не знает. Да один ли г. Рахумовский? Один из лучших художников нашего города — виртуоз-акварелист г. Л. — тоже представляет собой на три четверти миф даже для той публики, которая уже научилась ходить на южнорусские и передвижные выставки. Правда, есть в этом доля собственной вины: зачем самому художнику уклоняться от публики, от выставок?

Но в том-то и дело, что мы не Европа. В Европе не допустили бы. Талант вырыли бы из земли, вытащили бы полунасильно в большую публику. А у нас равнодушие. Покажут — посмотрим, не покажут — не полюбим. Скверно...

28 марта 1912 года

ВСКОЛЬЗЬ

II.

Глядя со стороны

Когда-то я любил праздники всех народов. В Риме с большим треском обыкновенно справляют так называемый Befana — "крещенский вечерок". На площади piazza Navona собирается масса народу разного сословия. У всех в руках дудки, погремушки, хлопушки, всякие штуки, производящие гром, шум, рев, стук, звон, свист, визг, писк, треск. Вдруг у вас под ногами взрывается шутиха и, как лягушка, начинает прыгать по мостовой среди общего переполоха. Встречный фант подносит руку к губам, надувает щеки — и вдруг из его руки вытгивается наполненная воздухом длинная-длинная бумажная колбаса и с жалобным писком шлепается вашей даме в лицо. И так далее в этом роде; все очень глупо и удивительно забавно. И я все это в свое время проделывал самым точным, самым набожным образом. Так как я не итальянец, то и в юности не умел веселиться так беззаветно, как они, и мне минутами надоедало швыряться конфетти и размахивать трещоткой. Но я держал себя в руках и добросовестно старался не отстать от людей, быть как все, дошалить до конца, пока не начнут расходиться.

Кроме того, у римлян есть еще один шумный праздник, и тоже такой, до которого мне, собственно, не было никакого дела: Сан-Джованни — Ивановская ночь. Они тогда собираются на громадной площади перед Латеранским собором и тут уже, пользуясь летним временем, кутят и веселятся всю ночь напролет. Приезжают целые семьи в каких-то рыдванах дикого обличья или просто на тачках; иногда в тачку запрягают вола и в таком виде странствуют по площади. Звонят в глиняные колокола, бьют в барабаны; один раз на подводе от мебели въехали на площадь двенадцать господ, все с контрабасами. Это был концерт! Даже лошади путались. Должен признаться, что в числе этих двенадцати был я. Играть на контрабасе я не умею, но это и требовалось. Мои спутники, закончив концерт, сели закусьвать улитками. Это специальное лакомство Ивановской ночи. Они называются lumache; они в сваренном виде красные, толстые, как сосиски, и плавают в сладком жиру. Это ужасно. Но я не отстал от приятелей и проглотил порцию улиток. Все во славу Сан-Джованни! Конечно, у меня и тогда уже была своя, совсем не католическая точка зрения на событие 29 августа 32 года, на Иоанна, Иродиаду и Саломею, а потому, значит, и на дату 24 июня. Но я тогда умел все это отбрасывать, а считался только с одним: у людей праздник, людям весело, ну и пусть; я за них очень рад и буду веселиться с ними. Когда у соседа горе, надо с ним погрузиться, когда радость — порадоваться.

Все наше поколение было так настроено, по крайней мере, то, которое выросло и воспиталось в нашем городе. Одесса очень своеобразный город; один из главных элементов ее своеобразия — отсутствие того, что называют "устоями". Это город новоселов, здесь очень трудно найти человека, чей отец и дед родились в Одессе; коренного населения здесь почти нет, поэтому не может быть и традиций, сложившегося быта, прочных привычек. В таком городе люди всегда несколько легкомысленны, поверхностны, несколько более гибки и покладисты, чем подобает джентльмену; правда, у них нет предрассудков, но зато нет и убеждений; душевный грунт у них очень рыхлый, не за что уцепиться, не в чем укрепить корни. У жителей такого города не может быть даже настоящего темперамента. На вид они как будто и горячие южане, кричат, размахивают руками, но, в сущности, кровь у них жидкая, они вспыльчивы, не обидчивы, не злопамятны, не умеют долго ненавидеть и не теряют головы, когда влюблены. С широкой социальной точки зрения, это не очень доброкачественный сорт людей, но для обиходного соседства он довольно удобен и, по моему, даже симпатичен. С такими людьми нетрудно ладить; даже если вчера вы их под пьяную руку поколотили, завтра можно будет помирились, достаточно поманить пальцем. Они по природе ласковы, как ласковое теля, и, право, не из расчета или подхалимства, а просто так — за отсутствием сильных, поглощающих всю душу, ревнивых переживаний.

Но теперь еще примите во внимание ту эпоху, когда воспитывалось и формировалось поколение, о котором я говорю. Это была первая половина девяностых годов. Мы как раз тогда выходили из отрочества. Стоял апогей безвременья, не было ничего яркого ни в жизни, ни в литературе. Ничего похожего на общественное движение. Что-то делалось глубоко в подполье, но мы о том ничего не слышали; да здесь на юге и подполье в те годы опустело. Было так тихо и так скучно, что скука и тишина, в конце концов, даже хорошо действовали на нервы. В особенности на детские нервы. Наше поколение росло сравнительно спокойно, не зная никаких высших томлений духа. Мало читали, и читали все больше беллетристику. Кружков самообразования почти совсем не было; те, что возникали, скоро сами собою распадались. Зато подростки обоего пола охотно играли в фанты с поцелуями или просто в поцелуи без фантов. Это никогда не принимало болезненных форм. "Огарков" тогда не знали. Просто позволяли себе вольности, без дурного умысла, без жадности, не придавая всему этому большого значения. Словом, учились жить легко, без записки, не вкладывая души ни во что слишком глубоко. Такова была атмосфера. Были в ней, пожалуй, и свои хорошие стороны. Теперь об этом трудно беспристрастно судить, потому что мы невольно теперь все сравниваем с поганым кошмаром, среди которого живем, и прошлое кажется от контраста гораздо лучше. Но, во всяком случае, такая атмосфера и в таком городе должна была в результате дать поколение безбидных и добродушных людей, ласковых на все стороны и готовых праздновать с кем угодно его праздники.

Так мы относились и к русской Пасхе. Тогда племенная рознь культивировалась официально, но в обществе она дремала так же мирно, как и все прочие социальные импульсы. Даже начальство, заезавшись, иногда забывало о ней. У нас в прогимназии я числился дискантом и пел в хоре все молебны, в том числе и на Пасхе. До сих пор еще помню, как нас учили петь по-гречески: "анести эк некрон, фанато фанатон патисас ке тис эн тис мнимаси зонин харисаменос". И это никого не

смущало — ни инспектора, ни хормейстера, бывшего семинариста Прошку, ни других дискантов, ни меня. Евреи приносили в класс на Пурим полные ранцы гаменаухи, на свою Пасху — мацу — и угощали русских; зато один соученик всегда сберегал для меня кусок кулича и приносил после каникул в класс (теперь он жандармский ротмистр). И долго еще после того я любил, когда случалось быть весною в Одессе, потолкаться в пасхальную ночь на Соборной площади. Так приятно было чувствовать, что у многих тысяч людей легко и светло на душе, что они идут домой совершать хорошие, красивые, наивные, чистые, глубокие обряды; забывалось, что это не мои обряды, вообще не шла в голову мысль о моем и твоём. Им радостно? И слава Богу, я тоже за них рад. Как теперь помню это ощущение, хотя уже давно его не переживал и никогда больше не испытаю. В последний раз это было ровно десять лет тому назад, весной 1902 года. Через год после того, в ночь на 7-е апреля в 1903 году, я уже не пошел на Соборную площадь. На другой день к вечеру стали приходить телеграммы из Кишинева.

С тех пор все пошло по-другому. Профессор Сикорский, ученый из Киева, произвел химический анализ мацы и установил, что в состав этого продукта входит кровь православных малышей. Состав гаменаухи профессор еще не установил, но если прикажут — не замедлит, и невозможно предугадать, какие тогда откроются горизонты. Во всяком случае, мне говорили знакомые гимназисты, что товарищи-христиане из маленьких теперь не только не просят у них мацы, но и брать не хотят, а косятся и отплевываются. Перед еврейской Пасхой в Киеве распространяют специальное воззвание: Христиане, такого-то числа начинается ихний Песах — берегите своих детей! И, должно быть, не одна молодая мешанка, нянча на груди первое дитя, в святой простоте своей верит и содрогается: как бы не влез ночью в окошко некто черный, горбоносый, пейсатый в белом талесе, не украд бы ее сокровище, не унес бы в свой вертеп, чтобы там замучить и выпедить кровь... О, святая простота! Это о тебе сказано мудрое слово, что ты "хуже воровства" — опаснее всякого злодеяния. А с другой стороны, когда подходит русская Пасха, начинают дрожать евреи. В эту форму вылилось теперь у нас участие в праздниках друг друга. Весело!

Жаль ясного прошлого, сказал бы я, если бы слово "жалею" не потеряло смысла. Так случилось, что сложилось, значит, иначе нельзя. Люди умнеют, по крайней мере, в том смысле, что становятся все больше себе на уме; это называется прогресс, и это совершается само собою, неудержимо, непреодолимо. Вымирает святая простота — но не та, которая верит в бабай и в черных пейсатых кровоедов, а та, которая лежит в основе широкой натуры и любит целоваться добродушно с другом и с недругом. Радоваться празднику соседа — собственно, ведь и это была святая простота. Это было неумение дифференцировать, отграничивать, отличать, свойственное детям и диаркам. Так, говорят, старый бур Крюгер, наполювину дитя, наполювину дикий, пришел освятить синагогу в Иоганнесбурге, снял шляпу и сказал: во имя святой Троицы освещаю эту синагогу. И никто не рассердился, все поняли, что синагога действительно освещена, ибо что более свято, чем вера дикий и ребенка? Но дикий цивилизуется, а дети вырастают, и это называется прогресс. Лучше ли от того становятся те и другие, это вопрос старый, премудрый и бесполезный. От Руссо до Толстого никто не мог его решить. Бросим его. Нет никакого "лучше", ни "хуже", нечем радоваться и не о чем жалеть. Все равно как не повторяется школьная дружба и первая любовь, так не вернется простодушное, беззлобное чувство ясной радости за ближнего, у которого праздник.

Или, быть может, оно еще вернется — когда-нибудь, через много лет, когда мир и эта земля будут переустроены по-новому. Тогда вымерет давно поколение ласковых, безбидных, добродушных людей, готовых улыбаться от чистого сердца на все стороны. Но здесь будут жить тогда гордые, суровые, ревнивые народы; каждый из них будет строить свою башню и зорко сторожить свое богатство, и будут они уважать и бояться друг друга, и оттого будут доверять друг другу, как в старину доверяли один могучий рыцарь другому. В их среде не будет старшего и младшего, но каждый из них будет в собственных глазах старшим, избранным народом. И тогда, быть может, они снова научатся веселиться на празднике соседа, но не как ласковые телята, и не как хлебники чужой культуры, у которых ничего своего за душой не осталось, а как важные, почетные, желанные гости, которые явились почтить своим приходом чужую радость и через час уйдут к себе, под собственную кровлю, и в свой праздник будут ждать ответного визита.

Ваш покорный слуга тоже любит помечтать, и тоже на тему о братстве и мире. Только по-другому.

17 марта 1905 года

ВСКОЛЬЗЬ III.

Два предателя

На суд Господу привели ангелы двоих смертных, которые были когда-то людьми на земле.

Один из них был ростом мал и тщедушен видом, и глаза его тревожно посматривали туда и сюда; другой же был сед и благообразен, и от лица его исходила спокойная кротость. Долго смотрел на обоих пронизающим взором Вседержитель, и потом повелел первому:

— Расскажи нам, как провел ты свои дни на земле.

Тогда повергся тщедушный у подножия Престола и бил себя в грудь, извиваясь, и возопил воплем одержимого:

— Я был доносчиком на Твоей земле, Господи! Я прятался под окнами и подслушивал голоса людей в те часы, когда они себя мнили наедине и открывали друг перед другом сердца; я передавал их речи врагам их, и многие через меня приняли крестную муку; а я получал за то серебреники, цену моего дела, и кормил этим серебром моих детей. Я был доносчиком, Господи!

И выль тщедушный, и корчился у подножия престола; а Всевышний отвратил взор от него и сказал:

— Имя тебе — предатель.

И обратился к другому. И повелел:

— Расскажи нам, как ты жил на земле.

И поник благообразный тихо и достойно, и был его голос полон скорби и кротости, и отвечал он:

— Я прожил свой век на земле Твоей, Господи, и никому не сотворил зла.

Тогда потемнел лик Всевышнего, и раздалось его слова:

— Здесь ли, перед лицом ли Бога твоего хочешь ты лгать, дитя человека? Ибо вот ты говоришь: я прожил век и не сделал зла никому, — а я знаю, что не может ни один человек приветствовать вечер на земле, не сотворивши злого дела в течение дня. Я Бог твой, Судия и Ревнитель, но и Я тоже, если бы сошел человеком на землю, не сохранился бы чист от зла; как же ты, смертный, киешься безгрешностью перед очами Повелителя?

Было кротко и скорбно лицо благообразного, и в голосе его звучала покорность и достоинство, и он ответил:

— Истинно говорю Тебе, Владыка, я прожил век и никому не сотворил зла на Твоей земле.

И вновь стали пасмурны взоры Божьи, — и, обратясь к ангелам, так повелел Господи:

— Вы, посланники, ведущие книгу жизни этого человека, выступите и уличите.

Но выступили ангелы, и преклонились у подножия Престола, и сказали:

— Прав этот смертный, Господи, ибо нет за ним злого дела в книге жизни его.

И возгласил Всевышний:

— Дивно!

И, по недолгом молчании, обратился к отвечавшему и повелел:

— Расскажи нам о жизни твоей на земле.

И так повествовал человек:

— Во всю жизнь мою, Господи, я не знал ни мгновения мира; гнали и мучили меня близкие и далекие, но я никому из них не пожелал зла. Когда ввергли меня безвинно в темницу, я укрепил сердце мое надеждою на твое милосердие и никого не проклял; когда ограбили меня, я протянул руку во имя Твое за подаванием — и никого не проклял; когда посетил меня гнев молнии небесной, я горько заплакал над пожарищем моего дома и над холодными трупами детей — и никого не проклял. И вчера, когда я умирал, голодный, под забором, вокруг пировали и ругались надо мною притеснявшие меня; но и тогда я никому не пожелал зла и умер, никого не проклиная.

Долго молчал после того Всевышний и долго смотрел в кроткие и скорбные глаза старца, и многое таинственное было тогда написано во взоре Повелителя.

И прозвучало затем слово Господа:

— Имя тебе — предатель.

Тогда побледнело лицо того человека, и впервые загорелась искра негодования в глазах его; и, отступив, он возопил:

— Как, о Господи? Я безмолвно томился на земле, как убийца на пытке, ибо я верил, что Царь мой на небе воздаст мне за все мои муки единым словом благоволения; Ты же клеймишь меня позорнейшим из имен. Во всю жизнь мою не познал я чувства гнева, Господи, но ныне трепещу гневом у подножия Твоего престола!

Был темен и полон пламени взор Вседержителя, и загремел голос его, подобно гулу многих землетрясений:

— Имя тебе — предатель. Вот лежит рядом с тобою брат твой, предававший за деньги, и корчится, и воеет неподобно человеку; ты же стоишь, кичливый и благообразный, и у Меня, у Царя над царями, требуешь ответа и отчета.

ЖАБОТИНСКИЙ — КОРРЕСПОНДЕНТ "ОДЕССКИХ НОВОСТЕЙ"

В лице Владимира Жаботинского еврейство обрело крупного теоретика и "осуществителя" идеи сионизма, а русская литература и европейское языкознание потеряли замечательного писателя и выдающегося лингвиста. По поводу второй утраты И. Штейнберг (автор иврит-русского словаря), узнав, что Жаботинский владеет более чем десятком языков, воскликнул: "Молодой человек, оставьте своих сионистов и прочую чепуху и отдайтесь языкам. Я вам гарантирую, что вы станете первым лингвистом Европы". Как известно, молодой человек не внял этому призыву: он уже ощущал себя призванным под другие знамена — бело-голубые знамена возрождаемого Государства Израиль.

Что же касается потери первой — литературной, то сегодня стали общеизвестными слова Осоргина о Жаботинском, отзывы других литераторов о его классических переводах По и Бялика. Менее известны другие отзывы. Например, прочитав раннюю комедию Жаботинского "Чужбина", Горький писал знаменитому еврейскому адвокату Оскару Грузенбергу: "...Превосходное произведение, и вообще Жаботинский удивительно интересный человек... его комедия взволновала меня до глубины души". Иосиф Недава, израильский исследователь творчества Жаботинского, приводит в своей книге слова Куприна: "У него врожденный талант, он может вырасти в орла русской литературы, а вы (сионисты — О. К.) украли его у нас, просто украли... Боже мой, что вы сделали с этим молодым орлом? Вы потащили его в еврейскую черту оседлости и обрекли его крылья". Чуковский назвал Жаботинского "самым талантливым" из людей, встреченных в юности, и был уверен, что его ожидает широкая литературная дорога...

У сегодняшнего читателя, уже знакомого с сочинениями Жаботинского, может возникнуть вопрос: а нуждается ли его литературная репутация в таких авторитетных "подпорках", не говорят ли его книги сами за себя? Мне представляется, что нуждается, и вот почему.

Биографы Жаботинского в перечне его дарований и достоинств обычно редко упоминают (если совсем не избегают разговора) о его литературных заслугах. Это может быть объяснено тем, что все известные (мне известные) на сегодняшний день биографии Жаботинского написаны в Израиле, и жизнь Владимира Евгеньевича Жаботинского в них увидена как жизнь Зеева Жаботинского глазами еврейских авторов. Понятно, что взгляд из "страны победившего сионизма" будет отличным от взгляда из "города — колыбели сионизма" (а разве не подходит это название к Одессе, родине Леона Пинскера и Владимира Жаботинского?).

Владимир ЖАБОТИНСКИЙ

7 мая 1903 года

НЕ О ЮБИЛЕЕ ПЕТЕРБУРГА

Вчера в Петербурге праздновали юбилей, и поэтому во всей России, вероятно, много думали и говорили о Петербурге. Это дает мне право не писать сегодня о Петербурге, а писать о других городах, в частности, нашем городе. Ибо в самом деле, что сказать о Петербурге? Город-молодец, нечего и говорить.

В Костроме, в Умани, в Богородске являлись на свет умные люди или даровитые люди, съезжались в Петербург, и выходило так, что ум и талант происходят не из Умани или Богородска, а как будто из Петербурга. И так оно шло благополучно двести лет. Двести лет Россия со всех концов отправляла лучшие свои соки в одно место, и получалось такое впечатление, что это место весьма богато соками. Двести лет такой карьеры — счастье не из дюжины. Есть с чем поздравить. И поздравляем от всего сердца. Но к поздравлениям иные прибавляют и пожелания: "Дай, мол, Б-г, чтобы и впредь так же"... А иные не прибавляют пожеланий. Как думаете вы, одеситы: прибавите ли к поздравлениям пожелание "впредь того же"? Сомневаюсь...

Но я, собственно, хотел писать о нашем городе. Позавчера выпал довольно ясный день и недурная звездная ночь. Я много гулял и усиленно вдыхал запах акации. Я родился и вырос в Одессе. Место, где мы родились, не всегда есть наша родина. Моя историческая родина не на этих берегах; но я всегда очень любил Одессу и даже когда покинул ее, не разлюбил. Четыре года подряд я не слышал запаха акации; и когда он случайно доносился до меня из-за ограды какого-нибудь сада, я вспоминал Одессу и умилялся душою. Однажды я купил за 4 франка бутылку духов "Акация" и каждое утро брызгал себе на платок и вспоминал Одессу.

Третьего дня, наконец, после четырех лет, я снова досыта надышался ароматом акации и, вдыхая его, вдруг почувствовал и вспомнил в полном объеме всю мою любовь к Одессе, всю любовь, которую события заслонили, но не задушили. Вспомнил любовь и замечался о будущем этого города. Я часто мечтаю о будущем его. И прежде мечтал, и теперь, хотя и жду нетерпеливо мгновения покинуть его, тоже мечтаю.

Петербург, конечно, умный город, хороший город. Пошли ему судьба всякое благо, и

пусть он навеки будет умным и хорошим городом. Но пусть платит за это из своего кармана, а не из нашего. Не отдавайте ему больше ваших хороших и умных людей. Оставляйте их у себя.

Вокруг Одессы огромный район, величинной с доброе государство Западной Европы. Этот район тяготеет к ней и виден в ней свой естественный центр. Этот район достаточно огромен для того, чтобы требовать себе центра первоклассного, заправского, а не второстепенного, с обстановкой второго сорта. Большой и богатый район имеет право требовать, чтоб в его естественном районном центре людям подавалась свежая и полноценная пища, а не объедки с табльдота столицы. Провинциальным центрам пора опомниться, и честь и слава будет тому из них, который опомнится первый и покажет пример другим. Провинция должна дорожить местными силами и лелеять их, чтоб не потерять. Провинция должна страстно поддерживать все, что хоть на йоту повышает культурную деятельность района.

Провинциальные деятели — гласные, журналисты, благотворители — жалуются на мелкоту интересов:

— Разбираться в том, урезал или не урезал домовладелец Кукиш пол-аршина городской земли...

— Писать о том, что Петров с Ивановым потаскали друг друга за волосы; или давать рецензии о третьестепенной труппе...

— Распространять носовые платки между уличными мальчишками, которые все равно не станут утирать носа...

Да, все это скучновато. Но осветите все это одной идеей, и оно оживится и блеснет совсем иначе. Осветите ваше дело идеей эмансипации провинциального центра. Скажите себе:

— Не должны мы быть пригородом у столицы, а должны быть сами по себе.

И вы почувствуете почву под ногами и добрую глину в руках. Журналист увидит перед собой дорогу трудную, но заслуживающую труда. До сих пор он говорил в газете о художнике таком-то потому, что брат художника — его приятель. Оттого не вникал в дело и не старался быть справедливым. Но теперь для него этот самый художник стал дорог, как рабочий в его собственной мастерской, и оттого он пишет о нем иначе.

И благотворителем быть тоже скучно. Но осветите благотворительность той же идеей — и вы увидите разницу.

О муниципалитете, у которого в руках городские деньги, нечего и говорить. Осветите перед ним его деятельность этим новым зна-

Посвятивший большую часть жизни борьбе за свою историческую родину, Жаботинский никогда не отказывался от другой (вернее, первой) родины — Одессы. Создатель еврейского легиона (и книги о нем) присягнул на верность легендарной палестинской Аркадии, стране будущего счастья евреев. Но и создатель романа "Пятеро" присягнул на верность реальной одесской Аркадии, оставшейся в прошлом счастливой стране своей юности...

Русская культура, русская литература, впитанная им в одесской юности, питала его Музу в зрелости. И хотя между двумя этими эпохами его жизни — громадный промежуток, заполненный деятельностью, казалось бы, бесконечно далекой от нужд русской культуры, но кто решится утверждать, что они не связаны, что вторая не оглядывается на первую, что первая не питает вторую?

Уже выбором литературного имени Владимир Жаботинский отсылал читателей к родной — русской — литературе. И к литературной родине — к Одессе.

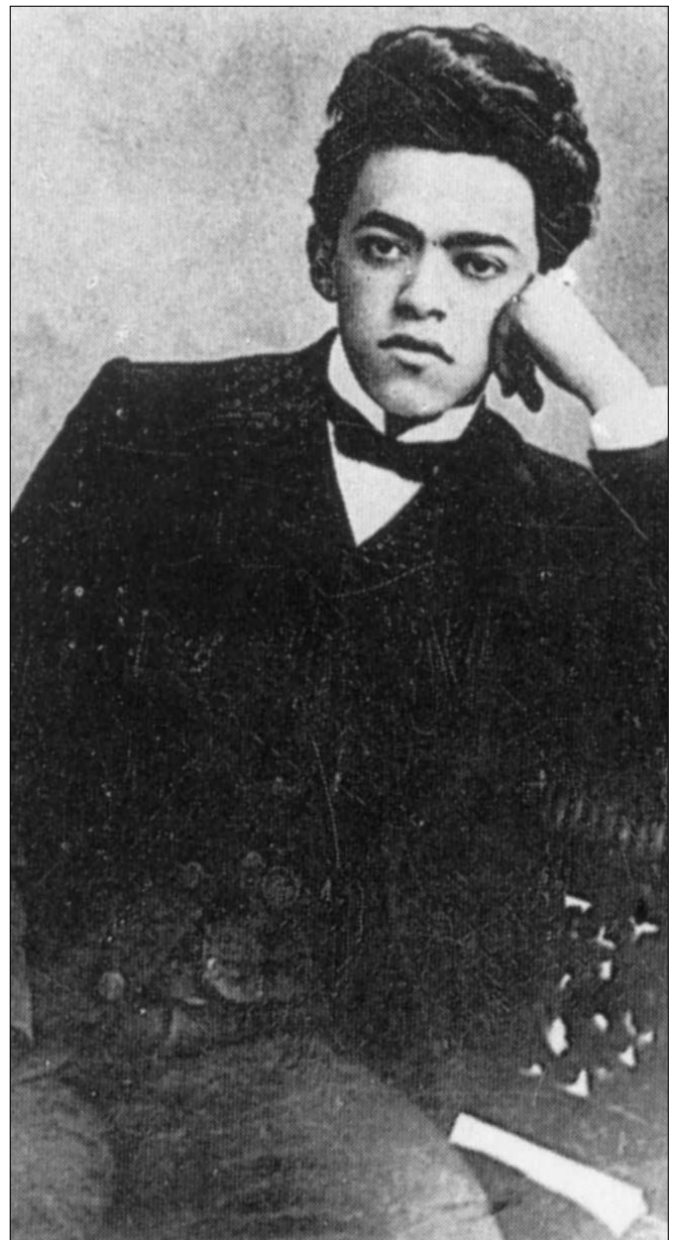
Мне кажется, что если бы биография Жаботинского писалась в Одессе, она началась бы главой о Жаботинском-литераторе. А эта глава, конечно, должна была бы начаться рассказом о Жаботинском-одессите. Одесса Владимира Жаботинского — это прежде всего Одесса романа "Пятеро" (написанного в Европе в 30-е годы) и Одесса фельетонов в одесских газетах начала века. Собранные в книгу, эти фельетоны (а их несколько сотен) могли бы составить тоже своего рода "повесть об Одессе", и интересно было бы "поверить" одной книгой другую...

Иначе было с Жаботинским. Сегодня мы присутствуем при процессе "репатриации" его книг на родину. Нет, не на ту родину — в Государство Израиль — куда он так стремился всю жизнь, да так и не попал и куда его прах был перенесен спустя 24 года после смерти. А на ту, откуда ведут происхождение идеи его сионизма и мотивы, сюжеты, образы его книг. Поэтому нам особенно интересно сегодня прочесть его ранние фельетоны — разве не из них вырастает роман "Пятеро", разве не их отблески можно увидеть в "Самсоне Назорее", других книгах Жаботинского?

Публикуемые сегодня (с сокращениями) фельетоны впервые были напечатаны в "Одесских новостях" в 1902 — 1903 г. г. под псевдонимом Altalena.

Ольга КАНУНИКОВА.

В планах Всемирного клуба одесситов издать 4-й том сочинений В. Жаботинского — его публицистику.

чением — и уж он не согласится вычеркнуть кредит на школы и на городской ломбард и на эти деньги отремонтировать каланчу.

Жалуются люди, что нечего делать в провинции. Смешно. Дело есть, завидное и большое дело, достаточно трудное и достаточно прекрасное для того, чтобы мог его себе облюбовать энергичный человек; но беда, что людей мало, что большинство роется или ленится, предпочитая плестись без усилий, куда ноги несут. Только была бы энергия, да поняли бы вы, провинциалы, что глупо, невыразимо глупо жить в постоялом дворе, когда можно — и средства есть — устроить первоклассный отель.

Не учиться у столицы, не брать ее примером, а соперничать с нею независимо и самостоятельно.

Пусть себе навеселится вдосталь город Петербург своим вторым столетним юбилеем: vivat, crescat, floreat; но уж третьего юбилея такой исключительной, такой уродливой гегемонии над духовной жизнью России — не праздновать ему веки.

Баста.

18 сентября 1902 г.

ЕГО ЗАСЛУГИ

Многих изумило, что Эмиль Золя вмешался в дело Дрейфуса.

Со стороны публициста это было бы вполне естественно. Со стороны поэта это было бы объяснимо, потому что поэт предполагается нервным и впечатлительным. Со стороны критика это было бы неожиданно, но допустимо, потому что, как бы то ни было, критику приходится иметь дело со злостью дня.

Но романист! И какой романист: автор эпопеи в двадцати толстых книгах! Эти двадцать книг вызвали представление вовсе не о нервности или впечатлительности, но о самом что ни на есть кабинетном темпераменте. Публицист должен быть гражданином, поэт может им не быть, и критику не возбраняется. Но в романисте видеть активного гражданина как-то ни одна душа не ожидала.

И это было всего несправедливее именно по отношению к Золя. Потому что Золя давно, всю свою жизнь, каждой своей строчкой неустанно повторял: "Я гражданин". Есть поэты, которые не откликаются на злобу дня. Их называют жрецами искусства для искусства; это название неполно, потому что искусство всегда для искусства. Служебное искусство немисливо. Но искусство — только фор-

ма, в которой предполагается содержание. И вот, есть поэты, умеющие облекать в ризы, тканые искусством, только такое содержание, которое не есть злоба дня. Прошло уже то время, когда мы думали, что у этих поэтов "чистого искусства" нет заслуги перед человечеством. Умирая, они оставляют потомству страницы, которым в течение десятилетий или даже веков предстоит служить большую социальную службу, питать эстетическую жажду человечества. Но Эмиль Золя не принадлежит к числу этих поэтов.

Он тоже был художником, истинным художником во всех фибрах своего существа. Он тоже никогда (я не говорю о последних его романах, вышедших после "Парижа", потому что они явно созданы не поэтом, а борцом) не подчинял своего вымысла мимолетным требованиям сегодняшней тенденции.

Но он всегда был гражданином. Он не коверкал жизни в угоду своему тезису, он отражал жизнь во всей ее гармонии. Но он подставлял свое зеркало всегда с тех сторон, к которым страстно приковано внимание современного интеллигентного человека. Его произведения дают одинаково богатый материал и художественному критику, и социологу. Он взял карандаш в руки и пошел по лазарету жизни. Язвы его не пугали. Он останавливался перед ними и смело заносил их в свой альбом. И так он обошел все койки и все палаты этого огромного лазарета. И обо всем, что видел, рассказал человечеству, с потрясающей точностью, выпуклостью, жесткостью — со священной жесткостью хирурга или прокурора. Он ничего не забыл, он по всем клавишам ударил.

И перед глазами зрителей развернулась галерея, пестревшая всеми оттенками: от голодной нищеты до золотой роскоши, от аскетизма до последних извращений разврата, от подвига до гнусного преступления, от бездны позора до вершин почести. Вся колоссальная хроматическая гамма той клавиатуры, которая называется буржуазным обществом. И когда все это было сделано, Эмиль Золя обвинил в пессимизме. Если не в клевете. На обвинение в клевете он не отозвался, и не стоило. На обвинение в пессимизме он гордо ответил: "Нет оптимиста больше меня!".

Он был прав. Он ничего хорошего не ждал от общества, как оно скроено и шито ныне. Потому что оно извращает и коверкает человека совокупностью самых неестественных условий. Оно делает из здорового цельного человека односторонний обломок, половину человека, огрызок человека. Но Золя верил в будущую победу здорового цельного человека. От-

того у него с такой любовью, с таким триумфом и восторгом изображены все те моменты, когда свободная всетворящая сила жизни торжествует над путами предрассудков.

Наше время познало главную задачу прогресса в оздоровлении общества, в возрождении человека, исковерканного историей; наше время поняло, что этим возрождением, ради него и во имя его должны совершиться те перемены, которые мы уже предвидим и радостно торопим. И самым громким из проповедников этого оздоровления был Эмиль Золя. Воистину бессмертно имя и громадна заслуга этого человека. Потому что он пережил время большого шатания и сам не пошатнулся.

Посреди декадентов и эстетиков, посреди апологетов грязи, панегиристов гноя, Пиндаров болезненности, посреди всей этой вакханалии во славу лазарета Эмиль Золя непоколебим и громко призывал человечество к истокам чистого воздуха. Он учил и теперь учит красоте и величию жизни, истинной жизни, радостной, потому что здоровой, плодотворной, правдивой, трудовой.

Я не знаю смерти, к которой более подходило бы русское выражение "приказал долго жить". Это нам, наследному поколению, он приказал долго жить — долго жить и много работать для того, чтобы действительно некогда осуществилась, наконец, такая жизнь на земле.

13 марта 1903 года

ВСКОЛЬЗЬ

Коллега Теофраст Ренодо рассказывает, что в Луврском музее оказалась поддельная реликвия — золотая тиара, будто бы найденная на раскопках в Крыму, а на самом деле кем-то нарочно сфабрикованная.

Но кем?

Одни указывают на какого-то парижского искусствника, другие — на одессита, ювелира Рахумовского. Мой парижский коллега называет г. Рахумовского "легендарным г. Рахумовским". Но г. Рахумовский вовсе не миф, а живой человек и одессит. О нем не так давно писали в одесских газетах и печатили снимки с его ювелирных миниатюр: гроб со скелетом, какой-то барельеф и еще что-то.

Его ли рук дело эта луврская тиара, или нет — но факт тот, что у нас под боком живет оригинальный и бесспорно талантливый художник-самоучка, "одесский Бенвенуто Челлини", и... И добрые девять десятых нашей публики даже имени его не знают. В Европе такой человек жил бы в атмосфере всеобщего внимания. Устраивались бы выставки его работ. Публика ходила бы в его мастерскую, как ходят в картинную галерею. Газеты писали бы: "Он начал новый барельеф-миниатюру", "Он закончил художественную солонку в виде девочки с передником".

В Одессе — ничего подобного. Никто не слышал, никто не знает. Да один ли г. Рахумовский? Один из лучших художников нашего города — виртуоз-акварелист г. Л. — тоже представляет собой на три четверти миф даже для той публики, которая уже научилась ходить на южнорусские и передвижные выставки. Правда, есть в этом доля собственной вины: зачем самому художнику уклоняться от публики, от выставок?

Но в том-то и дело, что мы не Европа. В Европе не допустили бы. Талант вырыли бы из земли, вытащили бы полунасильно в большую публику. А у нас равнодушие. Покажут — посмотрим, не покажут — не полюбим. Скверно...

28 марта 1912 года

ВСКОЛЬЗЬ

II.

Глядя со стороны

Когда-то я любил праздники всех народов. В Риме с большим треском обыкновенно справляют так называемый Befana — "крещенский вечерок". На площади piazza Navona собирается масса народу разного сословия. У всех в руках дудки, погремушки, хлопушки, всякие штуки, производящие гром, шум, рев, стук, звон, свист, визг, писк, треск. Вдруг у вас под ногами взрывается шутиха и, как лягушка, начинает прыгать по мостовой среди общего переполоха. Встречный фант подносит руку к губам, надувает щеки — и вдруг из его руки вытывает наполненная воздухом длинная-длинная бумажная колбаса и с жалобным писком шлепается вашей даме в лицо. И так далее в этом роде; все очень глупо и удивительно забавно. И я все это в свое время проделывал самым точным, самым набожным образом. Так как я не итальянец, то и в юности не умел веселиться так беззастенчиво, как они, и мне минутами надоедало швыряться конфетти и размахивать трещоткой. Но я держал себя в руках и добросовестно старался не отстать от людей, быть как все, дошалить до конца, пока не начнут расходиться.

Кроме того, у римлян есть еще один шумный праздник, и тоже такой, до которого мне, собственно, не было никакого дела: Сан-Джованни — Иваново ночь. Они тогда собираются на громадной площади перед Латеранским собором и тут уже, пользуясь летним временем, кутят и веселятся всю ночь напролет. Приезжают целые семьи в каких-то рыдванах дикого обличья или просто на тачках; иногда в тачку запрягают вола и в таком виде странствуют по площади. Звонят в глиняные колокола, бьют в барабаны; один раз на подводе от мебели въехали на площадь двенадцать господ, все с контрабасами. Это был концерт! Даже лошади путались. Должен признаться, что в числе этих двенадцати был я. Играть на контрабасе я не умею, но это и требовалось. Мои спутники, закончив концерт, сели закусывать улитками. Это специальное лакомство Ивановой ночи. Они называются lumache; они в сваренном виде красные, толстые, как сосиски, и плавают в сладком жиру. Это ужасно. Но я не отстал от приятелей и проглотил порцию улиток. Все во славу Сан-Джованни! Конечно, у меня и тогда уже была своя, совсем не католическая точка зрения на событие 29 августа 32 года, на Иоанна, Иродиаду и Саломею, а потому, значит, и на дату 24 июня. Но я тогда умел все это отбрасывать, а считался только с одним: у людей праздник, людям весело, ну и пусть; я за них очень рад и буду веселиться с ними. Когда у соседа горе, надо с ним погрузиться, когда радость — порадоваться.

Все наше поколение было так настроено, по крайней мере, то, которое выросло и воспиталось в нашем городе. Одесса очень своеобразный город; один из главных элементов ее своеобразия — отсутствие того, что называют "устоями". Это город новоселов, здесь очень трудно найти человека, чей отец и дед родились в Одессе; коренного населения здесь почти нет, поэтому не может быть и традиций, сложившегося быта, прочных привычек. В таком городе люди всегда несколько легкомысленны, поверхностны, несколько более гибки и покладисты, чем подобает джентльмену; правда, у них нет предрассудков, но зато нет и убеждений; душевный грунт у них очень рыхлый, не за что уцепиться, не в чем укрепить корни. У жителей такого города не может быть даже настоящего темперамента. На вид они как будто и горячие южане, кричат, размахивают руками, но, в сущности, кровь у них жидкая, они вспыльчивы, не обидчивы, не злопамятны, не умеют долго ненавидеть и не теряют головы, когда влюблены. С широкой социальной точки зрения, это не очень доброкачественный сорт людей, но для обиходного соседства он довольно удобен и, по моему, даже симпатичен. С такими людьми нетрудно ладить; даже если вчера вы их под пьяную руку поколотили, завтра можно будет помирились, достаточно поманить пальцем. Они по природе ласковы, как ласковое теля, и, право, не из расчета или подхалимства, а просто так — за отсутствием сильных, поглощающих всю душу, ревнивых переживаний.

Но теперь еще примите во внимание ту эпоху, когда воспитывалось и формировалось поколение, о котором я говорю. Это была первая половина девяностых годов. Мы как раз тогда выходили из отрочества. Стоял апогей безвременья, не было ничего яркого ни в жизни, ни в литературе. Ничего похожего на общественное движение. Что-то делалось глубоко в подполье, но мы о том ничего не слышали; да здесь на юге и подполье в те годы опустело. Было так тихо и так скучно, что скука и тишина, в конце концов, даже хорошо действовали на нервы. В особенности на детские нервы. Наше поколение росло сравнительно спокойно, не зная никаких высших томлений духа. Мало читали, и читали все больше беллетристику. Кружков самообразования почти совсем не было; те, что возникали, скоро сами собою распадались. Зато подростки обоего пола охотно играли в фанты с поцелуями или просто в поцелуи без фантов. Это никогда не принимало болезненных форм. "Огарков" тогда не знали. Просто позволяли себе вольности, без дурного умысла, без жадности, не придавая всему этому большого значения. Словом, учились жить легко, без записки, не вкладывая души ни во что слишком глубоко. Такова была атмосфера. Были в ней, пожалуй, и свои хорошие стороны. Теперь об этом трудно беспристрастно судить, потому что мы невольно теперь все сравниваем с поганым кошмаром, среди которого живем, и прошлое кажется от контраста гораздо лучше. Но, во всяком случае, такая атмосфера и в таком городе должна была в результате дать поколение безбидных и добродушных людей, ласковых на все стороны и готовых праздновать с кем угодно его праздники.

Так мы относились и к русской Пасхе. Тогда племенная рознь культивировалась официально, но в обществе она дремала так же мирно, как и все прочие социальные импульсы. Даже начальство, заезавшись, иногда забывало о ней. У нас в прогимназии я числился дискантом и пел в хоре все молебны, в том числе и на Пасхе. До сих пор еще помню, как нас учили петь по-гречески: "анести эк некрон, фанато фанатон патисас ке тис эн тис мнимаси зонин харисаменос". И это никого не

смущало — ни инспектора, ни хормейстера, бывшего семинариста Прошку, ни других дискантов, ни меня. Евреи приносили в класс на Пурим полные ранцы гаменаухи, на свою Пасху — мацу — и угощали русских; зато один соученик всегда сберегал для меня кусок кулича и приносил после каникул в класс (теперь он жандармский ротмистр). И долго еще после того я любил, когда случалось быть весною в Одессе, потолкаться в пасхальную ночь на Соборной площади. Так приятно было чувствовать, что у многих тысяч людей легко и светло на душе, что они идут домой совершать хорошие, красивые, наивные, чистые, глубокие обряды; забывалось, что это не мои обряды, вообще не шла в голову мысль о моем и твоём. Им радостно? И слава Богу, я тоже за них рад. Как теперь помню это ощущение, хотя уже давно его не переживал и никогда больше не испытаю. В последний раз это было ровно десять лет тому назад, весною 1902 года. Через год после того, в ночь на 7-е апреля в 1903 году, я уже не пошел на Соборную площадь. На другой день к вечеру стали приходить телеграммы из Кишинева.

С тех пор все пошло по-другому. Профессор Сикорский, ученый из Киева, произвел химический анализ мацы и установил, что в состав этого продукта входит кровь православных малышей. Состав гаменаухи профессор еще не установил, но если прикажут — не замедлит, и невозможно предугадать, какие тогда откроются горизонты. Во всяком случае, мне говорили знакомые гимназисты, что товарищи-христиане из маленьких теперь не только не просят у них мацы, но и брать не хотят, а косятся и отплевываются. Перед еврейской Пасхой в Киеве распространяют специальное воззвание: Христиане, такого-то числа начинается ихний Песах — берегите своих детей! И, должно быть, не одна молодая мешанка, нянча на груди первое дитя, в святой простоте своей верит и содрогается: как бы не влез ночью в окошко некто черный, горбоносый, пейсатый в белом талесе, не украд бы ее сокровище, не унес бы в свой вертеп, чтобы там замучить и выпедить кровь... О, святая простота! Это о тебе сказано мудрое слово, что ты "хуже воровства" — опаснее всякого злодеяния. А с другой стороны, когда подходит русская Пасха, начинают дрожать евреи. В эту форму вылилось теперь у нас участие в праздниках друг друга. Весело!

Жаль ясного прошлого, сказал бы я, если бы слово "жалею" не потеряло смысла. Так случилось, что сложилось, значит, иначе нельзя. Люди умнеют, по крайней мере, в том смысле, что становятся все больше себе на уме; это называется прогресс, и это совершается само собою, неудержимо, непреодолимо. Вымирает святая простота — но не та, которая верит в бабай и в черных пейсатых кровоедов, а та, которая лежит в основе широкой натуры и любит целоваться добродушно с другом и с недругом. Радоваться празднику соседа — собственно, ведь и это была святая простота. Это было неумение дифференцировать, отграничивать, отличать, свойственное детям и диаркам. Так, говорят, старый бур Крюгер, наполювину дитя, наполювину дикарь, пришел освятить синагогу в Иоганнесбурге, снял шляпу и сказал: во имя святой Троицы освещаю эту синагогу. И никто не рассердился, все поняли, что синагога действительно освещена, ибо что более свято, чем вера дикаря и ребенка? Но дикари цивилизуются, а дети вырастают, и это называется прогресс. Лучше ли от того становятся те и другие, это вопрос старый, премудрый и бесполезный. От Руссо до Толстого никто не мог его решить. Бросим его. Нет никакого "лучше", ни "хуже", нечем радоваться и не о чем жалеть. Все равно как не повторяется школьная дружба и первая любовь, так не вернется простодушное, беззлобное чувство ясной радости за ближнего, у которого праздник.

Или, быть может, оно еще вернется — когда-нибудь, через много лет, когда мир и эта земля будут переустроены по-новому. Тогда вымрет давно поколение ласковых, безбидных, добродушных людей, готовых улыбаться от чистого сердца на все стороны. Но здесь будут жить тогда гордые, суровые, ревнивые народы; каждый из них будет строить свою башню и зорко сторожить свое богатство, и будут они уважать и бояться друг друга, и оттого будут доверять друг другу, как в старину доверяли один могучий рыцарь другому. В их среде не будет старшего и младшего, но каждый из них будет в собственных глазах старшим, избранным народом. И тогда, быть может, они снова научатся веселиться на празднике соседа, но не как ласковые телята, и не как хлебники чужой культуры, у которых ничего своего за душой не осталось, а как важные, почетные, желанные гости, которые явились почтить своим приходом чужую радость и через час уйдут к себе, под собственную кровлю, и в свой праздник будут ждать ответного визита.

Ваш покорный слуга тоже любит помечтать, и тоже на тему о братстве и мире. Только по-другому.

17 марта 1905 года

ВСКОЛЬЗЬ III.

Два предателя

На суд Господу привели ангелы двоих смертных, которые были когда-то людьми на земле.

Один из них был ростом мал и тщедушен видом, и глаза его тревожно посматривали туда и сюда; другой же был сед и благообразен, и от лица его исходила спокойная кротость. Долго смотрел на обоих пронизающим взором Вседержитель, и потом повелел первому:

— Расскажи нам, как провел ты свои дни на земле.

Тогда повергся тщедушный у подножия Престола и бил себя в грудь, извиваясь, и возопил воплем одержимого:

— Я был доносчиком на Твоей земле, Господи! Я прятался под окнами и подслушивал голоса людей в те часы, когда они себя мнили наедине и открывали друг перед другом сердца; я передавал их речи врагам их, и многие через меня приняли крестную муку; а я получал за то серебреники, цену моего дела, и кормил этим серебром моих детей. Я был доносчиком, Господи!

И выль тщедушный, и корчился у подножия престола; а Всевышний отвратил взор от него и сказал:

— Имя тебе — предатель.

И обратился к другому. И повелел:

— Расскажи нам, как ты жил на земле.

И поник благообразный тихо и достойно, и был его голос полон скорби и кротости, и отвечал он:

— Я прожил свой век на земле Твоей, Господи, и никому не сотворил зла.

Тогда потемнел лик Всевышнего, и раздалось его слова:

— Здесь ли, перед лицом ли Бога твоего хочешь ты лгать, дитя человека? Ибо вот ты говоришь: я прожил век и не сделал зла никому, — а я знаю, что не может ни один человек пригласовать вечер на земле, не сотворивши злого дела в течение дня. Я Бог твой, Судия и Ревнитель, но и Я тоже, если бы сошел человеком на землю, не сохранился бы чист от зла; как же ты, смертный, кишься безгрешностью перед очами Повелителя?

Было кротко и скорбно лицо благообразного, и в голосе его звучала покорность и достоинство, и он ответил:

— Истинно говорю Тебе, Владыка, я прожил век и никому не сотворил зла на Твоей земле.

И вновь стали пасмурны взоры Божьи, — и, обратясь к ангелам, так повелел Господи:

— Вы, посланники, ведущие книгу жизни этого человека, выступите и уличите.

Но выступили ангелы, и преклонились у подножия Престола, и сказали:

— Прав этот смертный, Господи, ибо нет за ним злого дела в книге жизни его.

И возгласил Всевышний:

— Дивно!

И, по недолгом молчании, обратился к отвечающему и повелел:

— Расскажи нам о жизни твоей на земле.

И так повествовал человек:

— Во всю жизнь мою, Господи, я не знал ни мгновения мира; гнали и мучили меня близкие и далекие, но я никому из них не пожелал зла. Когда ввергли меня безвинно в темницу, я укрепил сердце мое надеждою на твое милосердие и никого не проклял; когда ограбили меня, я протянул руку во имя Твое за подаванием — и никого не проклял; когда посетил меня гнев молнии небесной, я горько заплакал над пожаром моего дома и над холодными трупами детей — и никого не проклял. И вчера, когда я умирал, голодный, под забором, вокруг пировали и ругались надо мною притеснявшие меня; но и тогда я никому не пожелал зла и умер, никого не проклиная.

Долго молчал после того Всевышний и долго смотрел в кроткие и скорбные глаза старца, и многое таинственное было тогда написано во взоре Повелителя.

И прозвучало затем слово Господа:

— Имя тебе — предатель.

Тогда побледнело лицо того человека, и впервые загорелась искра негодования в глазах его; и, отступив, он возопил:

— Как, о Господи? Я безмолвно томился на земле, как убийца на пытке, ибо я верил, что Царь мой на небе воздаст мне за все мои муки единым словом благоволения; Ты же клеймишь меня позорнейшим из имен. Во всю жизнь мою не познал я чувства гнева, Господи, но ныне трепещу гневом у подножия Твоего престола!

Был темен и полон пламени взор Вседержителя, и загремел голос его, подобно гулу многих землетрясений:

— Имя тебе — предатель. Вот лежит рядом с тобою брат твой, предававший за деньги, и корчится, и воеет неподобно человеку; ты же стоишь, кичливый и благообразный, и у Меня, у Царя над царями, требуешь ответа и отчета.

Владимир Тарасов. "Риголетто".

Недавно наш театр широко и успешно был представлен длительными гастролями в Англии, и я с интересом пролистал фотографии спектаклей, сделанные за неполные пять лет. Вот фрагменты балетов и опер. Вот артисты титулованные и не очень. Неверно было бы назвать их рядовыми — столько души и сердца вкладывают они в свой труд.

Если в съемке оперы ищешь выразительность портрета, то в балете пробуешь выхватить законченность и грацию движения. И то, и другое страшно интересно, но балет много сложнее для снимающего.

Люблю этих людей, живущих в искусстве, живущих в волшебных стенах нашего театра. Полюбуйтесь и вы на них. И приходите в театр. Как не может быть писателя без читателя, так и не может быть спектакля без дружелюбных зрителей.

Не только архитектурой поражает наш театр.

Сергей КАЛМЫКОВ.
Фото автора.

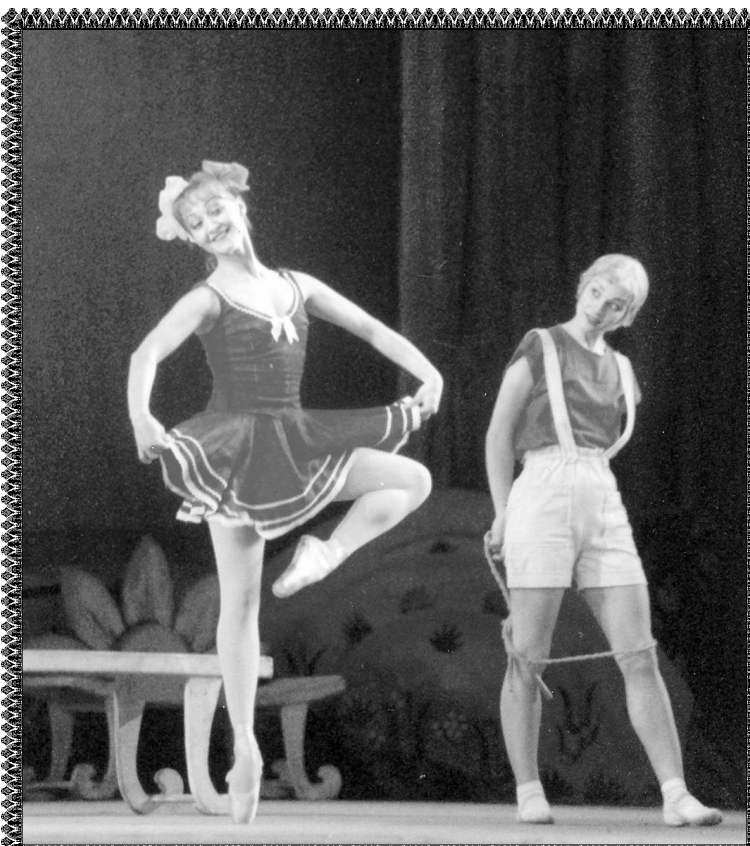
Оксана Демченко и Мурат Адырхаев. "Баядерка".

Ирина Красилина и Анатолий Капустин. "Мадам Баттерфляй".

Владислав Пьявко и Татьяна Спасская. "Кармен".

Лилия Борисова и Яна Киселева. "Доктор Айболит".

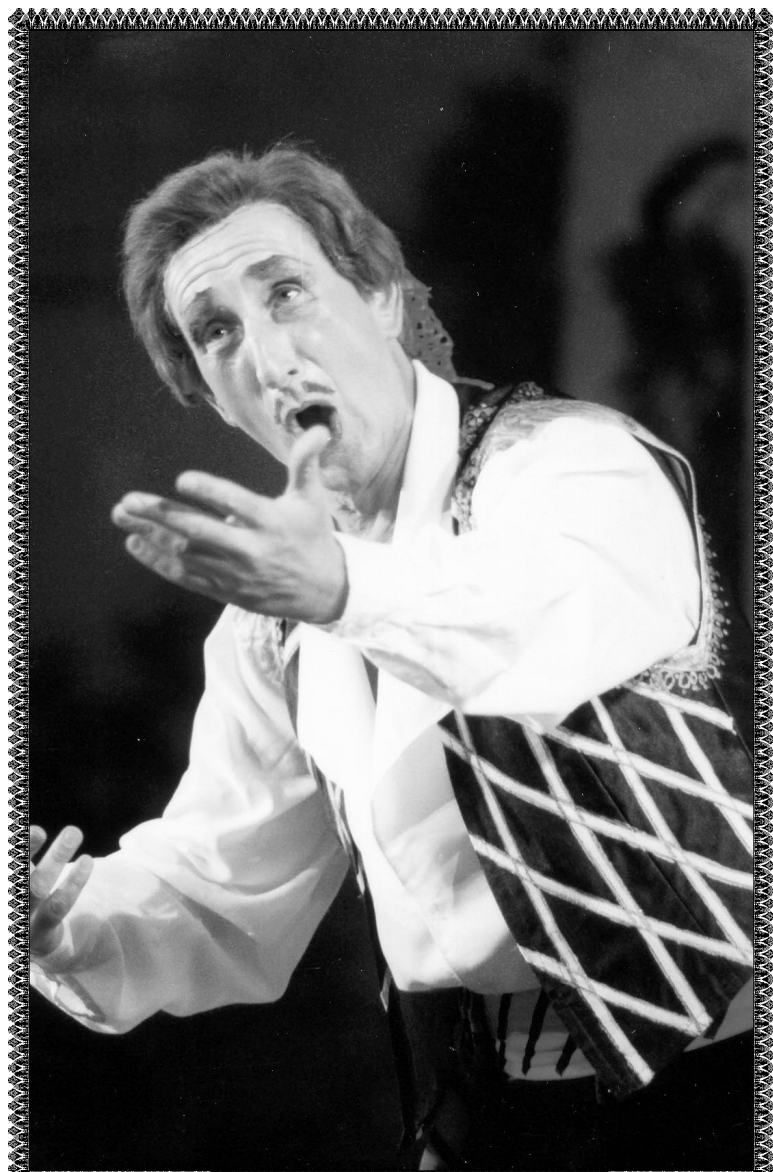
Шалва Лукерия. "Риголетто".

Кристина Балабан и Юрий Карлин. "Щелкунчик".

Наталья Задорожная и Владимир Борисов. "Павана мавра".

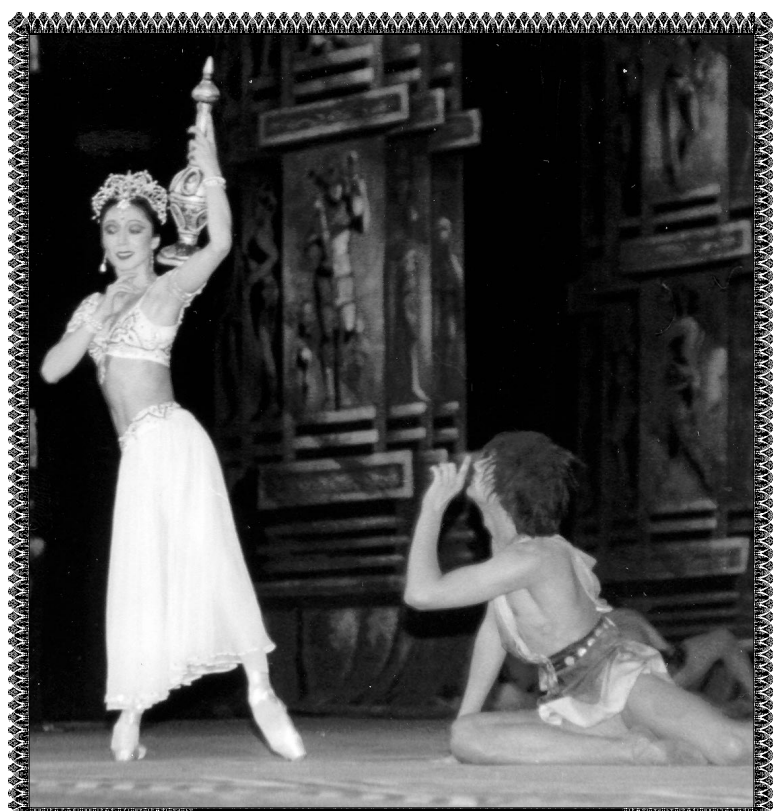
Александр Патрик. "Севи́льский цирю́льник".

Юрий Медведев и Стелла Чернова. "Кармен-сюита".

Наталья Ютеш и Валентина Васильева. "Иоланта".

Елена Каменских и Петр Маркишев. "Баядерка".

Людмила Ширина и Анатолий Соловьяненко. "Сельская честь".

Татьяна Анисимова. "Евгений Онегин".

Ольга Рожевич и Андрей Мусорин. "Лебединое озеро".

Владимир Тарасов. "Риголетто".

Недавно наш театр широко и успешно был представлен длительными гастролями в Англии, и я с интересом пролистал фотографии спектаклей, сделанные за неполные пять лет. Вот фрагменты балетов и опер. Вот артисты титулованные и не очень. Неверно было бы назвать их рядовыми — столько души и сердца вкладывают они в свой труд.

Если в съемке оперы ищешь выразительность портрета, то в балете пробуешь выхватить законченность и грацию движения. И то, и другое страшно интересно, но балет много сложнее для снимающего.

Люблю этих людей, живущих в искусстве, живущих в волшебных стенах нашего театра. Полюбуйтесь и вы на них. И приходите в театр. Как не может быть писателя без читателя, так и не может быть спектакля без дружелюбных зрителей.

Не только архитектурой поражает наш театр.

Сергей КАЛМЫКОВ.
Фото автора.

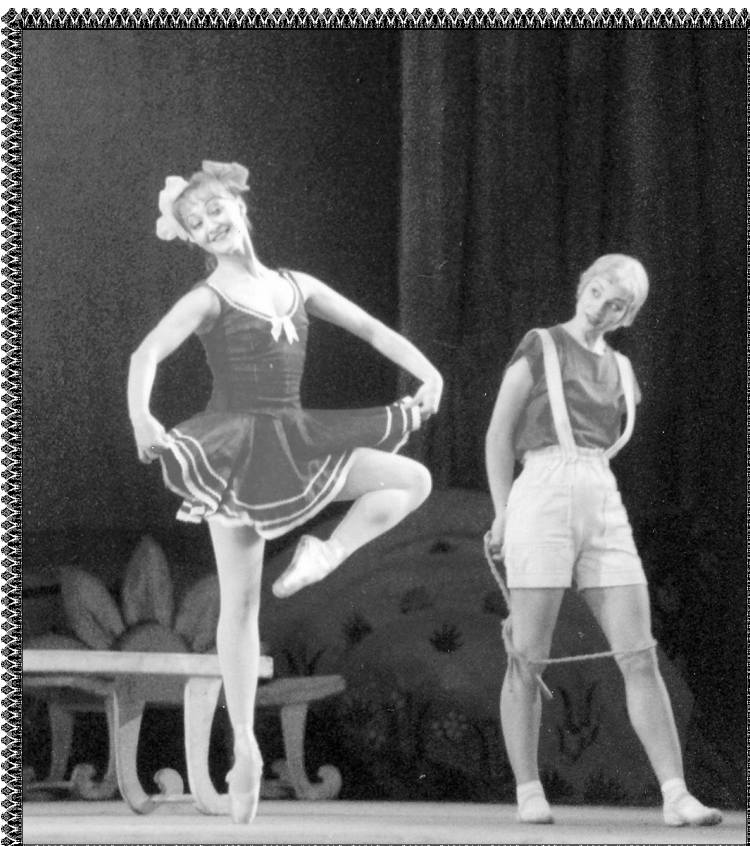
Оксана Демченко и Мурат Адырхаев. "Баядерка".

Ирина Красилина и Анатолий Капустин. "Мадам Баттерфляй".

Владислав Пьявко и Татьяна Спасская. "Кармен".

Лилия Борисова и Яна Киселева. "Доктор Айболит".

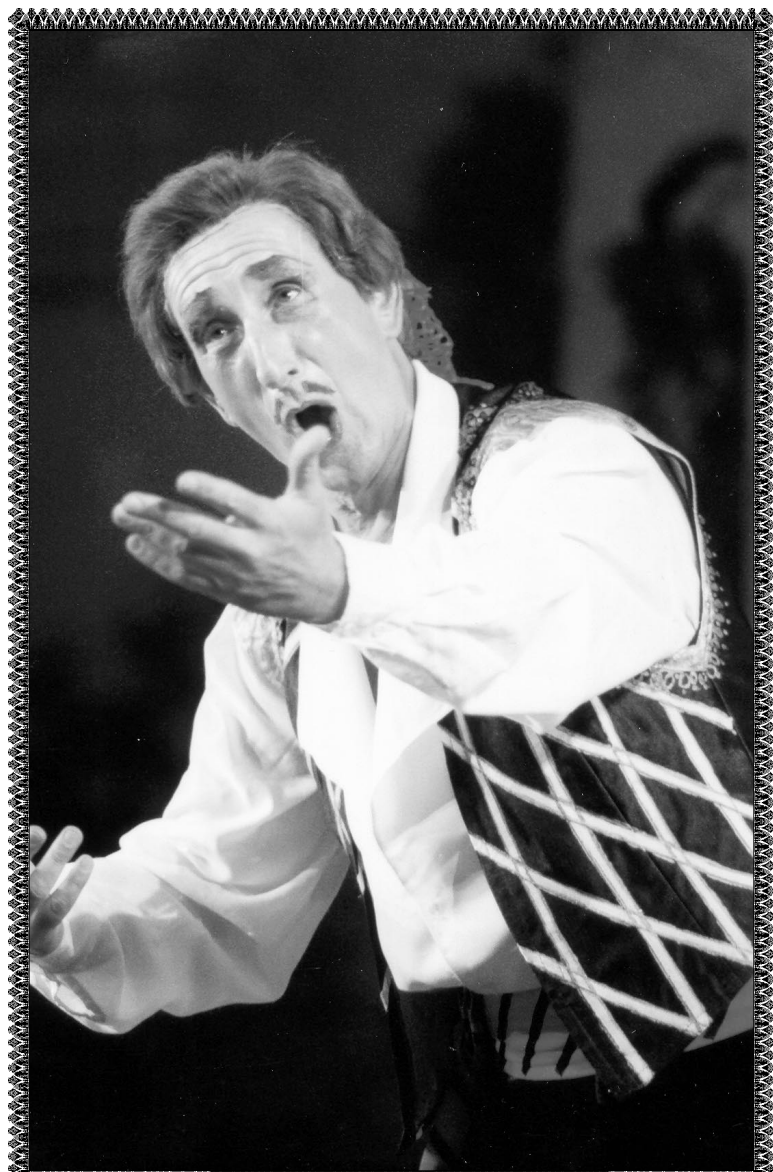
Шалва Лукерия. "Риголетто".

Кристина Балабан и Юрий Карлин. "Щелкунчик".

Наталья Задорная и Владимир Борисов. "Павана мавра".

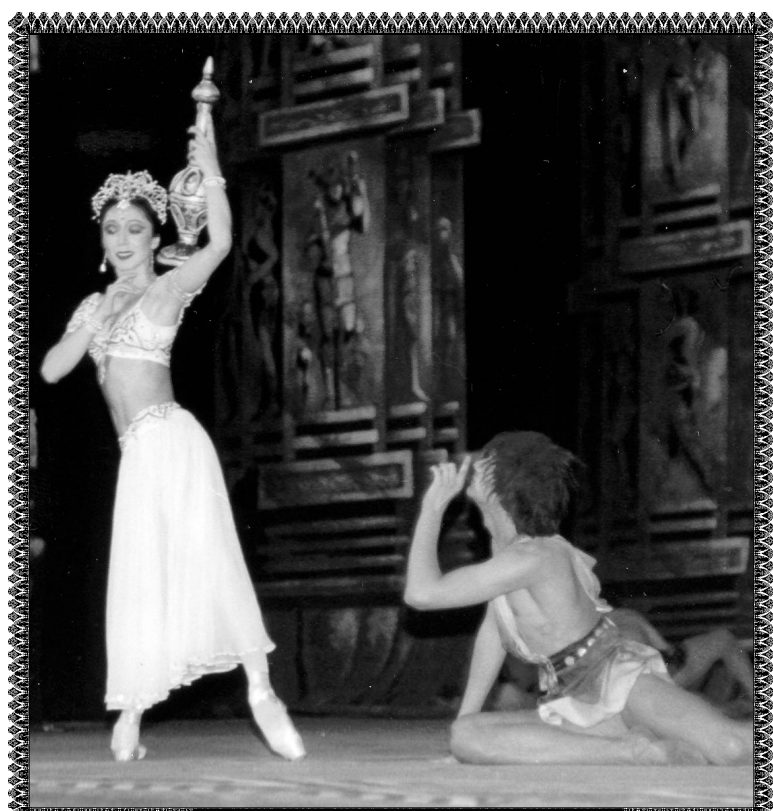
Александр Патрик. "Севильский цирюльник".

Юрий Медведев и Стелла Чернова. "Кармен-сюита".

Наталья Ютеш и Валентина Васильева. "Иоланта".

Елена Каменских и Петр Маркишев. "Баядерка".

Людмила Ширина и Анатолий Соловьяненко. "Сельская честь".

Татьяна Анисимова. "Евгений Онегин".

Ольга Рожевич и Андрей Мусорин. "Лебединое озеро".

Андрей НЕДЗВЕДСКИЙ

СЕМЕЙНАЯ ТЕТРАДЬ

(фрагменты)

Во мне течет столько кровей, сколько их может быть у коренного — четыре поколения по материнской линии — жителя южного приморского города.

Поляком и католиком был незнакомый мне прадед Антоний Недзведский, с которого я веду исчисление предков. Женат был Антоний Недзведский на украинке, и вот по этой прабабке я определил свою национальностью украинскую. Сын их, Василий Антонович — впоследствии многолетний ананьевский нотариус — был по законам того времени крещен в православную веру, что и определило его отход от польской национальности, где решающим был вероисповедный признак.

Так он оказался полуполяком, полу-украинцем. А затем женился на русской девушке Ольге Сиваевой, и их дети стали лишь на четверть своей крови поляками — в их жилах потекла и русская кровь.

Хорошо помню, что отец мой определял свою национальность, когда такой пункт стал фигурировать в анкетах при Советской власти, как украинскую.

Теперь обратимся к материнской линии. Здесь окажется, пожалуй, еще больший национальный конгломерат. Дед по матери — Михаил Лазаревич Маркович — был черноморцем. Родители его, подобно многим, эмигрировали на берега Черноморья. Дед очень гордился своей принадлежностью к маленькому, но храброму черноморскому народу, и эта гордость была тем более примечательна, что воспитывался он в сиротском доме без родителей, которые умерли один за другим, когда он был еще очень мал. Он ездил потом в Черногорию, где как подданный этой страны получил национальный паспорт — огромный, как дипломы ремесленников старого времени.

Когда пришла пора жениться, Михаил Маркович избрал своей спутницей Вареньку Урсати — кстати, гимназическую подругу другой моей бабушки Ольги Сиваевой. Фамилия Урсати была молдавской и содержала в себе нечто медвежье, как и Недзведский: и та, и другая могут быть переведены на русский язык как «Медведев».

В роду Урсати переплелись молдавская и украинская кровь. Украинская входила в этот род вместе с женщинами, а одна из прапрабабок была по фамилии Хаджили, то есть гречанкою. Но кухня у нас в семье была во многом молдавской. Это влияние было в быту, как видно, сильнее других, хотя все семейные предания и рассказы фигурировали в украинской речевой передаче.

Вот так встретились во мне кровь украинская, польская, русская, черноморская, молдавская, греческая.

Твердо, однако, я стою на том, что моя национальность — украинец. Ведь украинская кровь, пришедшая по отцовской линии от прабабки Недзведской, пополнилась еще и с материнской стороны.

Жизнь шла тем временем дальше. Я женился на девушке, которую годовалым ребенком родители привезли из белорусского села. И отец, и мать ее — коренные белорусы. Жена моя — Вера Милешко — выросла на Украине, любит Украину и украинское, как свое родное.

У нас две дочери. Каждая из них фактически наполовину белоруска, на другую половину приходится вся переданная им мною смесь национальностей.

В этом секторе еще вдвое по сравнению со мной уменьшился украинский элемент. Но каждая из дочерей по наследству определяет свою национальность как украинскую.

Когда-то Драгоманов говорил о себе как об украинце “со всечеловеческими тенденциями” — хочу думать, что это применимо и к нам...

Я родился в доме Больма на Кузнечной улице Одессы, кажется, это номер четырнадцатый. Но уже с двухлетнего возраста жил на Торговой, 16. Это огромный, выходящий на три улицы (Херсонская, 19 и Елисаветинская, 4) трехэтажный дом из 64 квартир. Он имел три двора с тенистыми палисадниками и колодцем дождевой воды. Это дом моей молодости, в котором я прожил до 25-летнего возраста, с которым и дальше не порывал связи, потому что там оставалась жить мать, а теперь живут сестра с зятем.

Оживленно было на нашей улице. На углу Торговой и Херсонской располагался винно-гастрономический магазин грека Кутуллы. Сравнительно неподалеку, на Дерибасовской, находились, конечно, лучшие магазины с большим выбором товаров, но он был незаменным, когда в вечернюю пору появлялись гости. Тогда к Кутулле командировалась наша Ксеньюшка для срочной закупки гастрономии.

В магазине Кутуллы была большая по тем временам редкость — телефон. Сюда тоже командировалась Ксеньюшка для срочных приглашений гостей. “Леонтий Иванович! — говорила она, отрекомендовавшись, папину двоюродному брату. — Вас с Антониной Михайловной наши просят сегодня на чай...”

Дальше вниз по Торговой была кондитерская тихой и скромной женщиной Ивановой. Кондитерская была явно третьеразрядной, пирожные обычно покупались у Печеского или у Фанкони, но бабушка, когда гуляла со мной, неизменно останавливалась и толковала с Ивановой “за жизнь”. Один из сыновей Ивановой был горбун и калека, которого долго возили в коляске — было о чем матери погоревать, а доброй соседке посочувствовать. Другой из сыновей (гораздо старше меня по возрасту), с которым я как-то разговорился в 1944 году, оказался неожиданным для меня проникнут украинскими симпатиями. Тихо и незаметно, как и жили, все они ушли из жизни.

Соседом “кондитерши”, как величали между нами Иванову, был мужской портной Аппой, у которого росла дочка Броня. Она была старше меня на несколько лет и в какие-либо контакты со мной не вступала. Впрочем, портной Аппой прославился не своей дочкой и не сшитыми им костюмами, а тем, что в 1917 году, примкнув не знаю уж, к какой партии, стал домовым комиссаром нашего огромного дома, с большим рвением выполняя свои новые обязанности.

Позже другие лица возглавляли это “самоуправление” — существовал целый домовый комитет. Его возглавлял некто Зайдлер, живший в первом дворе, и я постоянно бегал к нему (уже позже, в девятнадцатом, двадцатом годах) свидетельствовать различные справки, без которых и дня нельзя было прожить в ту беспокойную пору. Зайдлер принимал меня, несмотря на мои одиннадцать лет, на полном се-

рье, и я потому охотно брал от родных поручения по связи с домовым комитетом.

Уже впоследствии, в 30-е годы, я встречался с сыном Зайдлера Мишей, заведовавшим отделом в обкоме комсомола, очень приличным молодым человеком, вежливостью своей похвалившись на отца. Мне всякий раз было приятно с ним общаться, невольно вспоминая более ранние годы и свои посещения домового комитета. Очень было жаль Мишу Зайдлера, который погиб в 1937 году...

Вернемся к фасаду нашего дома.

Вслед за заведением Аппоя следовало ателье (хотя такого слова тогда не употребляли) часового мастера Авербуха. Так как первый этаж постепенно по направлению к Елисаветинской поднимался, то к часовому мастеру, в витрине которого всегда было “точное время”, вела лестничка в четыре или пять ступеней. Напротив, под акациями, стояла скамейка, а на спинке ее рекламировался часовый мастер Авербух.

Квартиры Авербуха и наша на третьем этаже выходили на один черный ход, и я часто встречал его дочь — девушку с большой рыжеватой косой. Прошло много лет, и я встретился с ней в нашем Доме печати как с женой рабкора Маргулиса. Как ни втолковывал ей, кто я, втолковать не мог. С высоты пяти — шестилетней разницы в возрасте вспомнить соседского мальчика она не могла. Потом мы увиделись снова, когда минуло, пожалуй, еще три десятка лет. Была встреча выпускников Одесского инархоза 1930 года, на которую пришли и некоторые выпускники более ранних лет. Оказалось, что мы учились в одном институте, хотя и не знали этого — она окончила инархоз ранее меня. И снова с признанием соседства оказалось трудновато.

Торгово-ремесленные точки далее прерывались рядами жилых окон и двумя выходящими на улицу парадными ходами. А в самом конце дома перед поворотом на Елисаветинскую улицу шло большое “дело” — мебельное предприятие братьев Дрешер. Его вели двое братьев и муж сестры, вели, очевидно, неплохо, ибо всегда здесь былолюдно, а в годы НЭПа оно опять на несколько лет возобновилось.

Части дома, выходящие на Херсонскую и Елисаветинскую, не были так насыщены торговыми “делами”, но все же главным среди них был фруктовый магазин, который держал хозяин-армянин, рядом с воротами, выходящими на Херсонскую улицу, точнее, рядом с соседствовавшим с ними парадным ходом.

Многое можно было приобрести для жизни в своем же доме. Колбасу и ветчину, вина и водку, кондитерские изделия и фрукты, мебель и часы...

Принадлежал дом наследникам Перкеля. Один из них был врачом, другой инженером, а третий — не знаю кем. На дочку одного из них — Зиночку Перкель, розовощекую, румяную блондинку — заглядывались все мы, мальчишки принадлежавшего ей в каких-то долях домовладения. Не помню уж, в каком разговоре и с какими москвичами возникло имя Зиночки Перкель, теперь проживающей в Москве...

Впрочем, из наследников Перкеля мы имели дело только с одним — мужем одной из дочерей-наследниц Исааком Григорьевичем Рашковичем, жившим с нами на одной площадке. Ему дед вручал квартирную пла-

ту, обращался к нему как к домовладельцу.

Крупный добродушный мужчина, приятно рокопавший чуть картающим баском, Исаак Рашкович был крупным специалистом по морским перевозкам и в этой отрасли работал вплоть до 1937 года, когда был арестован, в чем-то обвинен и погиб. Судьба небольшой семьи Рашковичей сложилась трагично. Сын Владимир был призван в армию и не вернулся с Великой Отечественной войны, жена Полина Давыдовна забрана фашистами в гетто и погибла.

Самым большим, наверное, событием моего детства, надолго его заполнившим беспокойным содержанием, был пуск в Одессе электрического трамвая, сменившего конную тягу или, попросту говоря, конку. А самое главное заключалось в том, что одна из линий трамвая под номером один (Ришельевская — Херсонская) прошла мимо нашего дома!

Сворачивая с Херсонской улицы, трамвай пробегал чуть-чуть, как говорится, с горки, маленький квартал по Торговой улице, делал остановку и двигался затем по Елисаветинской. А трамвай с Елисаветинской, там остановившись, медленно и тяжело поднимался по Торговой мимо нашего дома, нашего балкона.

Это было для меня незабываемым зрелищем, которое я готов был предолго наблюдать. Я изучил затем все трамвайные маршруты города, которых набралось в конечном счете тридцать три. Даже сейчас, когда со времени прокладки трамвайных путей прошло почти семь десятков лет, я смог бы выйти на экзамен и безошибочно ответить все маршруты. Причем ответить даже “в динамике”, поскольку на протяжении десятилетий маршруты, конечно, видоизменялись, а мой интерес к трамвайному движению, раз возникнув, продолжал теплиться.

Профессия трамвайного кондуктора долгие годы представлялась мне самой интересной, самой увлекательной, и на традиционно задаваемый детям вопрос: “Кем ты хочешь быть?” — я решительно отвечал:

— Трамвайным кондуктором!

Конечно, странно было слышать такое от ребенка из обеспеченной, интеллигентной семьи, но меня это не смущало.

Все приходящие в дом, а летом приезжавшие на дачу родственники и знакомые были обязаны принести с собой трамвайные билеты. Ах, как интересно было их собирать! Ведь в ту пору для каждой трамвайной линии печатались свои билеты, где были указаны номер линии и ее название — начальные улицы маршрута. А на каждой линии были четыре рода билетов: прямые по 5 копеек и пересадочные (одеситы говорили: “с пересадкой”) по 6 копеек; льготные ученические по 3 копейки и снова таки пересадочные по 4 копейки.

Пересадочный билет — хотя это, наверное, и так ясно — давал право пересесть на любую другую, с этим маршрутом пересекающуюся, линию. Все четыре сорта билетов кондуктор держал перед собой на металлической дощечке, причем они отличались по цвету и формату: пересадочные были длиннее прямых.

То же было на других линиях: можно себе представить, какую радугу являли собранные воедино билеты различных маршрутов. А восемнадцатый, большефонтанский маршрут — какое разнообразие билетов существовало здесь! Одни продавались до 4-й станции Фонтана, другие до середины маршрута (кажется, до 10-й), третьи — до конца. Наряду с общими были ученические. Это многообразие просто казалось волшебством — только успевай собирать. А ведь так же было на Хаджибеевском маршруте, на Куяльницком!

Конечно, у меня были свои противники, портившие жизнь, срывавшие мое коллекционирование. Это были трамвайные контролеры. По хорошо мне известной инструкции они, проверяя билеты, должны были их прокалывать щипчиками, которые и носили в большинстве своем на браслетке и цепочке на правой руке. Так полагалось. Но многие вместо этого просто отрывали кусок от билета.

Поэтому по мере приближения в вагоне контролера я краснел, бледнел и мог разреваться разом, когда он отрывал кусок билета. Родители наперед торопились уговорить контролера:

— Вы уж, пожалуйста, не рвите билет. Ребенок их собирает. Пожалуйста...

Иногда это действовало, иногда нет. Был один контролер, который сочувственно относился к моим увлечениям. Он уже знал нас, здоровался с моими родителями. Был он маленького роста, я не знал его фамилии и про себя величал его “Маленький”. Познакомились мы с ним на Хаджибеевской линии, когда летом жили на лимане, и я оживал, когда на проверку билетов приближался Маленький. Он долго работал на трамвае, и я встречал его, когда уже повзрослел, но, к сожалению, не догадался спросить его фамилию, хотя этот человек, бережно относясь к моим билетам, приносил мне столько радости.

Я был искренне огорчен, когда как-то на лето отец приобрел постоянный трамвайный билет (по тогдашним порядкам — с фотографической карточкой). Я понимал уже очень хорошо, что так экономится какая-то сумма: вокруг растет дороговизна, и с этим надо считаться. И все же было жалко, что от меня ускользает немалое количество билетов, которые мне мог бы сдавать отец.

Озадачивала меня и учительница французского языка мадемуазель Адель Порре, занимавшаяся со мной на дому. Она тоже, конечно, должна была, приезжая, сдавать билеты. Но вот один, другой, третий раз она приезжала без билетов. Выходя из вагона, она отдавала их безбилетным пассажирам — солдатам, едущим дальше по маршруту (хотя время было военное, солдаты, даже раненые, не пользовались никакими трамвайными льготами). Немного смущаясь, она сообщала, что отдала билет “бедному солдату” (“au pauvre soldat”)...

Вот тут и возникало испытание для моего патриотизма: с одной стороны, я ведь сизмальства читал газеты, следил за военными событиями и не мог не сочувствовать солдатам, вчера пришедшим или завтра идущим в окопы. А с другой стороны, моя коллекция терпела явный урон... Все же благоразумие брало верх, и я смирялся с тем, что на этот раз коллекция не получала пополнения.

Конечно, эта коллекция могла бы вырасти до необъятных размеров, если бы не мама. Время от времени она ласковым голосом предлагала мне совместно заняться сортировкой билетов. Не предполагая каверзы, я соглашался. Обычно приглашался еще кто-либо третий, и мы в шесть рук приступали к делу. Сортировка (как мне об этом рассказывалось впоследствии) шла таким образом, что количество билетов уменьшалось то ли вдвое, то ли вчетверо. До следующей сортировки с таким же эффектом.

По этой причине ничего от моей трамвайной коллекции не осталось. А такое собрание билетов (по одному каждого образца), наверное, могло бы представлять интерес для истории города.

Все детство прошло под одним знаком:

— Хочу быть трамвайным кондуктором!

В 1918 году в Одессу впервые приехал на гастроли "Молодой театр", которым руководил великий украинский режиссер Лесь Курбас. Для одесситов это было открытием новой театральной эстетики, которая, в отличие от традиционного героико-романтического и реалистического украинского театра, предполагала глубокое интеллектуальное постижение явлений и характеров. Театр Курбаса — это театр философской мысли, облеченной в оригинальные поэтические формы.

К сожалению, деятельность выдающегося украинского режиссера-новатора длилась недолго. Его художественное кредо, как и кредо Мейерхольда, Таирова, некоторых других ярких театральных деятелей послереволюционной эпохи, не совпадало с "генеральной линией". Курбаса сначала лишили театра, затем уничтожили физически. Многие годы это имя было вычеркнуто из украинской художественной культуры XX века. Лишь после хрущевской "оттепели" оно вновь было возвращено истории, чему мы в немалой степени обязаны ученику Курбаса, выдающемуся украинскому режиссеру Василию Василько.

А в 1988 году, в бурную эпоху так называемой перестройки, во Львове родился театр имени Леся Курбаса. Сегодня это — один из самых известных коллективов не только в Украине, но и далеко за ее пределами. За четырнадцать лет им осуществлено 24 постановки. Театр участвовал в более чем сорока всеукраинских и международных фестивалях, получил 22 почетные награды.

На гастроли в Одессу львовский коллектив приехал впервые. Были сомнения: как своеобразная одесская театральная публика отреагирует на творческие эксперименты курбасовцев? Отреагировала, надо сказать, замечательно! И вот почему.

"...А я из тех, кто выбирает сети, когда идет бессмертье косяком" — это строки из известного стихотворения Арсения Тарковского. Я вспомнил их, глядя на гастрольную афишу львовян. Не суетное сегодня, а вечное повеяло с нее. Платон и Леся Украинка — каково?

Вспомнились пьесы Эдварда Радзинского "Беседы с Сократом", написанная в семидесятые годы уже прошлого века. Опираясь на наследие ученика Сократа Платона (в основном — на "Апологию Сократа"), современный драматург создал произведение о том, насколько несовместимы понятия "нравственность" и "равнодушие", "гражданская позиция" и "конформизм". Читая пьесу, а затем обсуждая спектакли — лучшее прочтение "Бесед" было в Рижской драме и Московском академическом театре имени В. Маяковского, — мы восхищались тем, насколько глубоко "видели" античные мыслители природу человека и общества, насколько точны и универсальны были их оценки. Мы не подозревали тогда, что Платона можно "сыграть" без посредничества драматурга — правда, это во много раз труднее. Выбрать нужное из его диалогов, придумать характеры, создать действо... К этому пришел Львовский театр имени Леся Курбаса — безусловно, один из самых интересных творческих коллективов Украины.

Ученик Сократа Платон обратился к философской деятельности в зрелом возрасте, имея к тому времени опыт в области художественной литературы, музыки и живописи. Впоследствии свои щедрые художественные дарования он поставил на службу философии, создавая труды в форме диалогов. Часть из них написана с драматической живостью, и их вполне можно считать не только философскими, но и законченными литературными произведениями. "Пир", без сомнения, одно из лучших творений великого античного философа и художника. Его фрагменты разыгрывают львовяне в диалоги "Слава Эросу" и "Silenus Alcibiadis". Но слово "фрагменты" здесь применимо только к первоисточнику, потому что оба спектакля отличает драматургическая выстроенность, четкий темпоритм, выверенная пластика, точно найденное музыкальное решение.

Как и в предыдущих своих работах, режиссер Владимир Кучинский предельно чутко к слову. Актеры его театра воспитаны на уважении к авторской мысли. Интерпретируя текст, они обогащают его теми характерными особенностями, которые присущи персонажу. Благодаря этому длительные по времени монологи (до 10 — 15 минут) воспринимаются с неослабевающим интересом, концентрируют внимание зрителя. Очень важно и то, что постановщик и актеры не "канонизируют" платоновский текст. Они ерничают, шутят, иронизируют друг над другом и над собой. Скабрзность, шутовство, почти "капустный" юмор, частые обращения к залу способствуют непринужденному тону бесед и при этом нисколько не отвлекают от главного — от смысла. Здесь слиты воедино яркая об-

разность сценического действия, режиссерская изобретательность, поэтическая метафоричность и гротесковая смелость. А главное, все это отвечает содержанию платоновских диалогов.

В первом спектакле "Хвала Эросу" мы становимся свидетелями философской беседы с участием Федра (арт. Андрей Водичев), Агатона (Денис Полищук), Эриксиаха (Алексей Кравчук), Аристофана (Олег Цюона), Павсания (Марианна Подоляк). Сократ (Олег Стефан), спровоцировавший эту дискуссию, выступает лишь ее своеобразным катализатором.

Беседа периодически прерывается неожиданными событиями, которые подчеркивают смысл сказанного: погонями, вмешательством богов, сатиров, гуляк и т. д. И все же в центре — участники дискуссии, каждый из которых в полифонии спектакля уверенно ведет свою тему и делает это поистине мастерски. Это — высокий класс актерской игры, опирающийся на глубоко продуманное режиссерское решение спек-

"КОГДА ИДЕТ БЕССМЕРТЬЕ КОСЯКОМ"

такля. Здесь вполне уместно назвать тех, кто составлял "команду" постановщика: великолепно переводчика Ульяну Головач, сценографа Александра Оверчука (его образное решение спектакля точно и лаконично), художника по костюмам Ольгу Баклан, музыкального консультанта Наталью Половинку, завлита Юлию-Анну Франко.

Выйдя из театра после просмотра спектакля "Хвала Эросу", публика долго не расходилась. На улице, у входа в ТЮЗ, где работали львовяне, возникали споры о том, каким быть современному украинскому театру. Практически все сходились на том, что ему не хватает той интеллектуальной наполненности, к которой всегда стремился гениальный реформатор Лесь Курбас. И было радостно, что театр, носящий это имя, помнит о заветах Мастера.

И вот — второй спектакль по "Пир" Платона. Кстати, это была премьера. Теперь слово Сократу, учителю, непрекращаемому авторитету, о том, чем в его представлении является Эрос. Сократ признается, что к пониманию Эроса он пришел благодаря чужестранке Диотиме.

На сцене появляется колесница, на которой — три женщины. Кучинский, выстраивая сценическое действие, на наш взгляд, поступил абсолютно верно, выведя в качестве собеседниц Сократа трех Диотим. Благодаря этому диалог оживает, становится более динамичным. В нем находит выражение центральная мысль платонова "Пира". Прекрасное есть и предмет любви, и условие совершенного творчества. Любовь стремится к обладанию благом и бессмертию. Источник бессмертного, вечного — рождение. Диотима утверждает, что зачатие и рождение — божественный акт. Стоит он в том, что в смертном живом существе есть бессмертная часть. Но акт зачатия и рождения не может совершаться в существе, к тому не приспособленном. К этому приспособлено только прекрасное, а безобразное "не приспособлено ни к чему божественному". Любовь к прекрасному сродни с восхождением. Его первая ступень — влечение к телу. Затем предпочтение отдается не телесной, а духовной красоте. Следующая степень "эротического" восхождения к прекрасному — это постижение красоты знания. И вершина — созерцание прекрасного в себе, или идеи прекрасного. "Кто, правильно руководимый, достиг такой степени познания любви, тот в конце этого пути увидит вдруг нечто удивительно прекрасное по природе", — утверждают Диотимы. И Сократ безоговорочно принимает эту точку зрения.

В спектакле "Silenus Alcibiadis" ярко раскрылось актерское дарование Олега Стефана. Мудрость его Сократа — в том, что он не перестает совершенствоваться как личность. Он не изрекает, не поучает, не ищет подобострастных слушателей. Он — беседует. Высказывая свои мысли, он не столько рассуждает на реакцию собеседников, сколько выверяет выношенное им в сознании и в душе. Он ироничен, жизнерадостен,

что называется, "от мира сего" — и одновременно непостижимо велик глубинным зрением, проникающим в суть вещей и явлений. Достойные партнеры О. Стефана — Диотимы: артистки Татьяна Каспрук, Наталья Половинка и Оксана Цимбал. Женская мудрость — явление сложное. Она может заслонить в женщине женщину, лишить ее природной привлекательности. А может наоборот: обострить привлекательность. Это "наоборот" доминирует в спектакле Кучинского. Ведь, поклоняясь Эросу, мы поклоняемся не только телу, но и душе, уму, великой красоте, в которых — бессмертное начало.

Во втором спектакле по "Пир" меньше внешней эффектности, что объяснимо содержанием. Но, словно не доверяя слову, пластике и музыке, режиссер сопровождает диалоги видеопроекцией античных памятников. Честно говоря, мне этот прием показался излишним, не более чем иллюстративностью, которая относит суть диалогов к прошлому, в то время как по содержанию они — современные, сегодняшние.

И вновь размышления о судьбе наших театров после спектакля львовян. Многие из них словно не доверяют зрителю. Дескать, сложная драматургия, высокая литература вообще ему не по зубам. А значит, если и ставить что-то глубокое, то непременно упрощать до схематичности. И тогда появляются спектакли-комиксы, где с первых минут все ясно. Нужны ли они зрителю? Ответ однозначен: нет.

Но чтобы последовательно обращаться к серьезной литературе, к сложным вещам и достойно их интерпретировать, театру нужен лидер. Имя ему — Режиссер. Главный. Он — проводник репертуарной политики. Он отвечает за художественное качество спектаклей. С него спрос. Ни одно судно не выйдет в океан без штурмана. А в театральной практике это, оказывается, возможно. Для каботажного плавания наемный штурман (режиссер на постановку) всегда найдется. А вот если в дальнейшем...

Львовянам повезло: у них есть художественный лидер. Владимир Кучинский. Он ведет театр — как нам кажется, по правильному пути.

* * *

Английский театр невозможно представить без Шекспира, французский — без Мольера. Украинский — без Леся Украинки, потому что в отечественной драматургии — это знаковая фигура. По количеству и качеству драматургии Украина по праву может занимать почетное место в ряду самых театральных наций. Тобилевич, Старицкий, Кропивницкий, Кулиш, Винниченко... И все же в этом перечне Леся Украинка — явление особое. Ее драматургия — основа украинского интеллектуального театра.

Ставить пьесы Леся дерзает далеко не каждый режиссер, и включают их в репертуар украинские театры нечасто. Наверное, потому что эти пьесы не выдерживают поверхностного взгляда, ординарного прочтения, отсутствия мощной сверхзадачи. Если спектакль по Леся Украине не будоражит разум, не волнует, он — провальный. Середины здесь не дано.

Львовский театр имени Леся Курбаса показал в Одессе свои "Апокрифы": две драматические поэмы Леся Украинки — "На полі крови" и "Йоганна, жінка Хусова". Созданные на евангельские темы (в их ряду и драматическая поэма "Одержима"), они менее всего обращены в прошлое. Это размышления о категориях вневременных: о чести и бесчестии, о вере и безверии, о сиюминутном и вечном. "Апокрифы" — абсолютно точное название спектакля: ведь апокриф — это жанр, не претендующий на точность в изложении эпохальных событий и поэтому позволяющий автору (в том числе и автору спектакля) свободно трактовать их. Следуя за Лесей Украинкой, режиссер-постановщик Владимир Кучинский стремится к обобщенно-поэтическому воплощению ее драматургии. Действие разворачивается на открытой площадке в присутствии сидя-

щих по бокам людей. Они и зрители, и участники того, что происходит на сцене.

В драматической поэме "На поле крови" Кучинский раздвигает рамки повествования. Диалог, который у Леся Украинки происходит между двумя персонажами — Иудой и Путником, в спектакле ведут пять человек: двое за Иуду и трое за Путника. Психологическая палитра обогащается множеством оттенков. Грубый и категоричный Иуда (арт. Олег Цюона) и Иуда размышляющий, который пытается найти весомые аргументы в оправдание своего поступка (арт. Андрей Водичев) — две грани личности, просящая человечеством. Существование двух Иуд на сцене нисколько не противоречит литературному материалу, наоборот — рельефнее его проявляет.

Образ Путника, который создают три женщины (артистки Оксана Цимбал, Наталья Половинка и Татьяна Каспрук), также благодаря этому приобретает больший психологический объем. Этот прием усиливает эмоциональное восприятие исповеди Иуды: ведь женщина способна в значительной мере глубже, чем мужчина, воспринять нюансы поведения Иуды, глубже ощутить степень его нравственного падения.

Как всегда, Кучинский точен в музыкальном оформлении спектакля, в тех элементах пластической выразительности, которые помогают проявлению характеров.

В "Йоганне, Хусовой жене" режиссер выдвигает на первый план чрезвычайно современную проблему: что определяет в человеке личность?

В небольшой по объему драматической поэме гениальной поэтессы есть все: острый конфликт, разнообразие характеров, переплетение корыстных интересов — и страдания, духовно стоящая неизмеримо выше других. Для Хусы вождельны богатство и власть. Тем не менее, это не холодный и бесчувственный человек. Когда-то он был влюблен в женщину, ставшую его женой, но не сумел сохранить эту любовь, поскольку погнался за успехом для него значила больше. И Йоганна ушла от него к Тому, Кто сумел пробудить в ней духовное начало, открыл ценности, по сравнению с которыми золото, дворцы, виллы — это ничто. Ушла не за плотским — за духовным. Она была с Ним до Его последней минуты и лишь потом вернулась в свой дом. Ей не нужны ни прощение, ни роскошь. Она готова получить "разводное письмо" и прожить остаток жизни так, как учил Тот, безвинно распятый на кресте. Но в доме Хусы ее ждет еще одно жестокое нравственное испытание...

Артистке Наталье Половинке, играющей Йоганну, удалось создать на редкость глубокий образ. В этой женщине поражают духовная цельность, удивительная искренность в выражении эмоций. Ее страдания естественны и не могут не вызывать сопереживания. Ее нравственная победа над Хусой, над знатными римлянами Публием и Марцией, трудна, но бесспорна. Это образ яркий, многоплановый, на наш взгляд, в полной мере отвечающий авторскому замыслу.

Хуса в исполнении Олега Стефана — распространенный во все времена тип человека, для которого успех, выражающийся в материальном благополучии и покровительстве власти, определяет смысл жизни. Не будь их — существование для таких людей утрачивает всякий смысл. Поэтому Хуса и готов на все, чтобы угодить Публию и Марции. На пути к вождельной цели жертвы неизбежны, и Хуса готов принести их — будь то щедрые дары или даже его расчетливая наложница Сабина (арт. Оксана Цимбал), к которой хозяин питает искренние чувства. Кстати, великолепно режиссерская находка: в финале спектакля Сабина оказывается рядом с Публием как один из "даров" Хусы.

Жизнь духа и жизнь без духа, когда ради материальных благ человек готов на все, когда право силы определяет превосходство одних над другими, когда смерть слабого или принесенного в жертву невинного — не что иное, как развлечение для патрициев... Об этом в спектакле Кучинского сказано остро, точно и современно. Самодовольные Публий (Андрей Водичев) и Марция (Татьяна Каспрук) олицетворяют грубость и бездуховность "хозяев жизни", которым ничего не стоит переступить через чью-то судьбу, чью-то любовь, чью-то верность...

Леся Украинка открывается тем, кто приходит к ней, наполненный творческими идеями, глубоким и ясным мировоззрением и знанием путей воплощения своего замысла. Такой она открылась в спектакле "Апокрифы".

В заключение нельзя не выразить огромную благодарность Одесскому филиалу Греческого фонда культуры, который пригласил львовский театр имени Леся Курбаса в наш город.

Роман БРОДАВКО.

Алексей ГРИШИН

ОДЕССКИЙ ТРАМВАЙ

Одесский трамвай — лучший в мире транспорт, сопоставимый разве что с трамваем евпаторийским или лиссабонским. Он идет медленно, без рывков. Никакой "Мерседес", а "жигуленок" — тем более — ему не конкуренты. И он это знает и спокойно показывает сидящим в нем зрителям старое, но постоянно новое кино: "Большой фонтан", "Даму на балконе". Немного наискосок (потому что на повороте) проплывает в каменных рыцарских доспехах "Приморская готика" на сюжет Французского бульвара. И никуда не деться от черно-белой ретроспективы неореализма, пытающегося упаковать сразу всю тяжесть жизни в подлинность непридуманной детали.

А деталь — вороненая створка ворот. Кружевная. По корням — итальянка, она очень хочет попасть хотя бы в короткометражку. И попадает. Причем чуть ли не на главную роль. Кованая? Или литая? Не разглядеть сквозь наслоения краски. Но загаданная загадка застывает крупным планом, уводит в далекую историю, поставившую этот фильм.

Город возник из росчерка пера: вначале был рескрипт поклонники Вольтера, хотя и не вольтерьянки — слово письменное. Строился с нуля — адмиралом под присмотром фельдмаршала и — в силу всех этих причин — быстро и расчетливо. Того же требовал и более широкий контекст — дух эпохи, заканчивавшийся век просвещения и классицизма. Строительство закрепляло итог сразу нескольких военных кампаний, в ходе которых огромная империя, находившаяся на подъеме, реализовала идею "окна в Европу" на юго-западном направлении. И рескрипт недвусмысленно предписывал: устроить... военную гавань купно с пристанью для купеческих судов.

Отсюда — дихотомия (врожденная) в характере города, приморского и заморского

одновременно, переселенческого, стремящегося через проливы в южные моря.

Зрители выходят — каждый на своей остановке. Кинотеатр на железных колесах заполняется новыми людьми. И недвижность снова начинает двигаться, обнаруживая неповторимое своеобразие стиля: в каждый проект вложено столько труда и индивидуализма, что гармония полифонии складывается не за счет формальных признаков, например, декора на фасаде, а гарантируется лишь талантом архитектора.

Протяженность маршрута позволяет, глядя на фриз и карнизы, консоли и аркатуру, играть в интересную игру, определяя их возрастные параметры и географические привязки. Получается любопытная кардиограмма. И возникает вопрос: если бы Дюк (француз), устав смотреть на Потемкинскую лестницу, решил размять ноги и прогуляться по центральной одесской улице — испанской (де Рибас Осип Михайлович — Хосе де Рибас, испанец по происхождению), сколько немцев и англичан, служивших на Черноморском флоте, встретилось бы ему по пути — на улице Пушкинской, символизирующей присутствие русской культуры? Сколько чиновников из иностранцев, добывавших успех по службе в его губернаторской канцелярии, сняли бы перед ним шляпу? Сколько преподавателей созданного им лицея на чистейшем французском поприветствовали бы его? Сколько иностранцев, привезших товар на продажу и оставшихся здесь навсегда, посмотрели бы ему вслед молча — по причине незнания ими языка, на котором к нему следовало бы обратиться? Наконец, сколько греков он насчитал бы на Греческой площади, от которой уже и до Молдаванки рукой подать?

Конечно, его прогулка могла состояться лишь в XIX веке. А на вопрос, обращенный в прошлое, ответ может быть

лишь приблизительным. Зато кардиограмма, о которой шла речь выше, точно показывает: каждый встречный, строя для себя дом, руководствовался своим собственным, включающим этнографическую составляющую, пониманием красоты.

Но есть и еще одна особенность в городском пейзаже, точнее — в его ритме: он не отделен от движения и внешнего вида средства передвижения, являющего собой материализованную в металле метафору вечного возвращения. По вдавленным в брусчатку рельсам, продолжающимся за горизонтом нормальной человеческой памяти, трамвай выкатывается в Одессу бунинскую, в окаймленные дни... и в воздухе вдрог повисает золотое перо автоматической ручки, направленной зелеными чернилами, и наяву, а не в литературных мемуарах, терпит крушение двухэтажный особняк, к массивной двери которого прикреплен кнопками листок бумаги — охранный грамота?

А чуть дальше (по той же колее), отгородившись кремовыми шторами от холодной темноты улицы, несколько интеллигентов участвуют (иллюзион прежней жизни) в литературном вечере, предварительно расклеив афиши и дав объявления в газетах. Пришли только устроители. И, тем не менее, автор читает... "Сны Чанга". А на одной из афишек набрано: "Сны Чашка". В этой подробности так много Одессы, что достоверность происходящего не вызывает сомнений.

День сегодняшний возвращается через Куликово поле — по костям, мимо одинокого здания власти (теперь — тоже прежней). Метаморфоза ампирического монументализма — сталинского, оно изолировано от жилого массива санитарной зоной заасфальтированного пустыря. И вся эта зона спрятана за деревьями — чтобы с глаз долой.

А "памятник" времени, которое еще только начинает

обретать прозрачность, напирает и выпирает, как обжора, нахальным животом — банкнувориш, не осиливший небоскреба и ограничившийся малоразмерной постройкой. Эту не обидеешь и не спрячешь. Но, в целом, в мое отсутствие город не перестраивался и не перекраивался, а отстраивался заново — по краям. А в центр вернули цвет и свежесть линий. И отреставрированные дома стали похожими на резные шкапулки. Плотность рафинированно-интеллигентной архитектуры здесь так велика, что инородные вкрапления оказались просто невозможными. Конечно, были тому и другие причины, не видимые через трамвайное стекло. Какие из них главней (видимые или невидимые) спорить бесполезно: получится спор о курице и яйце.

В ликах города отражается архитектура его души — той самой (не каменной), которая обязана трудиться. Она и трудится. И не всегда (по профессии) в библиотеке. А тем, кому именно в библиотеке по профессии трудиться положено, не всегда хочется туда идти. Но на улицу приходится выходить ежедневно всем. И видимое неизбежно вступает во взаимодействие с невидимым, внешнее — с внутренним: сухие тени акаций, солнце, кожа каштанов, похожая на морских ежей, откровенно здоровый загар молодых одесситов, приобретенный в какой-нибудь Аркадии, трамвай, традиции общения едущих в нем людей...

Ветер перемен, по всей вероятности, скоро должен подвергнуть испытанию на прочность стены сотен доходных и не доходных (в любом случае, до сих пор — жилых) домов, построенных до 17 года. Пусть они не самые знаменитые (речь не о нескольких антикварных зданиях, судьба которых защищена от произвола законодательной базой), но, тем не менее, входят в культурный слой, определяющий облик

Одессы. Их ждут — наряду с реставрацией — реконструкция, ремонт и (при наличии веских оснований) снос. Начало этих работ выявит в полном объеме перенумерацию ступенек на социальной лестнице, состоявшуюся несколько лет назад, и сформулирует передел собственности в сфере недвижимости.

Жилье как таковое меня не интересует. Но мне интересно, поскольку... о культурном слое, как ответили бы градостроители и отцы города на вопрос: что такое культура? Теоретически все мыслимые формулировки имеют право на существование. И если кто-то скажет, что культура — это все, что находится вокруг человека — к чему он вольно или невольно (но не бесследно) присосался, я соглашусь. Но справедлива и другая формулировка: культура насковзь аристократична, и (следовательно) все, что окружает человека (трансформировано его деятельностью) и находится в нем самом, нужно делить на культуру и бескультурие. И вопрос в том, кто в данном конкретном случае будет отвечать за деление? Какая концепция с точки зрения охраны памятников культуры заложена в градостроительных планах? Кто их составлял? И сохранилось ли в результате их проведения в жизнь (это и будет характеризовать их эффективность и продуманность) музыкальное училище, в котором Бунин читал свой рассказ — "Сны Чанга"?

Прежде чем положить перед собой чистый лист бумаги, прошу одессита, пишущего — стихи и прозу: напиши об Одессе! Загораются, собирается, но... не пишет.

А трамвай останавливается не только на остановках — бывает, что на разветвлении путей нужно перевести стрелку вручную. Так подвозят породистые часы. Поэтому — вагон трогается и отправляется на новый круг.

(Москва.)

Всеволод ЛЮМКИС

ПАПА СИМА

По паспорту его зовут Иегошуа Ицкович Симаров-Хусид. В разговоре его уважительно называют Симон Исаевич. А за глаза, но при этом не менее уважительно — Папа Сима.

Когда-то, еще до войны, Папа Сима пел в Одессе куплеты. Но к тому времени, когда мне повезло с ним познакомиться, он давно уже сменил одну уникальную профессию — куплетиста — на другую, не менее уникальную — прокатчика. Нет, нет, он не прокатывал сталь или трубы, он прокатывал артистов — организовывал их гастроль. А ведь времена были еще глубоко советские.

С кем он только не работал! Как-то раз при мне на старческую грудь к Папе Симе бросилась София Ротару, вся в слезах от радости встречи. "Соня, ну не надо! Ну, будет, Соня!" — успокаивал ее Симон Исаевич.

За нас он взялся после телевизионного успеха нашей команды КВН Одесского университета. А прокатчиком он был экстраклас-

са! Организация гастролей происходила примерно так: "Куда мы едем? В Нижневартовск?". Тут же снималась телефонная трубка и набирался Нижневартовск. "Алло, Ньюма? Там к тебе приедут ребята..." И дальше все шло уже само собой. Причем своей знакомый Ньюма был у Папы Симы в каждом Нижневартовске!

Или могло быть так: "Какой Кокчетав? Никакого Кокчетав! Вы не знаете их Кокчетавской филармонии! С ними нельзя иметь дело! Нет, если вы так уже хотите в Кокчетав, я сейчас позвоню Фиме в Кустанай, и он вам сделает и Кустанай, и Кокчетав!".

При этом в свои "за семьдесят" Папа Сима категорически отказывался быть стариком. Вот, например, прибыв в Махачкалу, мы стояли у окошка гостиничного администратора и с раскрытыми паспортами заполняли анкеты для поселения в гостиницу. Слева от Симона Исаевича стоял Вова Авербух (или просто Бух), как все мы его звали, а справа вста-

ла заполнять свой бланк Наташа Прудовская. И тут Папа Сима зашипел Буху страшным шепотом: "Вова, иди, стань от меня с той стороны!". Бух сначала не понял, потом удивился. "Вова, я тебе говорю — перейди от меня на ту сторону!". Пожав плечами, Бух встал между Папой Симой и Наташей. Через минуту, когда Наташа отошла, Папа Сима бросил Буху: "Просто я не хотел, чтобы она видела, что я 13-го года рождения".

В другой раз, в Архангельске, тогда еще молодой, горячий и не очень умный, но зато, как теперь говорят, "продвинутый" Эдик Неделько решил пошутить и вызвал в гостиничный номер к Папе Симе каких-то проституток. Девочки пришли. Эдик стоял в коридоре в предвкушении скорой и скандальной развязки. Ждать пришлось долго. Часа полтора — два. Наконец, девочки вышли. Папа Сима, улыбаясь, проводил их до лифта. При этом явно довольные остались все стороны, кроме

проторчавшего два часа в коридоре разочарованного Эдика.

Итак, Папа Сима старался не обращать внимания на свой почтенный возраст, но на это всеми силами обращала внимание его семья. Жена, дочь, зять и более дальние родственники считали, что Папе Симе давно пора отдохнуть, что в таком возрасте хватит уже разъезжать по этой стране от Ужгорода до Петропавловска-Камчатского, а давно уже надо ехать в другую страну и брать при этом билеты только в один конец. Папа Сима протестовал, но, в первых, их было больше, а во вторых, вода камень точит.

И вот мы уже провожаем Папу Симу на одесском вокзале. Какие-то немолодые дамы вопят: "Симаров, как же мы тут без вас!". Жена шепчет Папе Симе на ухо: "Опять эти твои поклонницы!". И Папа Сима вместе с поездом в несконечный, но теперь уже, наверное, в последний раз трогается из родной Одессы. Трогается в Нью-Йорк, на пенсию.

...И вот семья уже какое-то время живет в Нью-Йорке. И вот уже зять Папы Симы Эдик Каменецкий — известный раньше в Одессе автор и исполнитель — имеет в Америке хорошую работу. И даже решает вместе с приятелями организовать свой самодельный театр для эмигрантов. Для будущего театра зака-

зываются костюмы. И Папа Сима просит зятя: "Эдик, пошей мне тоже костюм!" — "Симон Исаевич, зачем вам?" — "Ну, пошей!". Старик долго настаивал, и костюм был сшит.

Идет время. Сурова американская действительность. И не всегда у Эдика так хорошо с работой. И все реже вспоминает он об идее театра. Зато уехавший в Америку на отдых Папа Сима в новом концертном костюме выступает перед пожилыми одесситами эмигрантами практически регулярно. Выступает, собственно, перед теми, перед кем выступал всю жизнь. И, как и всю жизнь, неплохо кормит семью.

Как-то и нашей команде КВН довелось побывать в США. Конечно же, мы пригласили на наш концерт и Папу Симу. Прошел концерт замечательно, наши эмигранты — вообще очень благодарная публика.

После концерта Папа Сима пришел к нам за кулисы и молча сел на стул. Повисла пауза, которую он выдержал профессионально. "Ну что, Симон Исаевич, что вы скажете?" — не выдержали мы. "Что я скажу? — медленно повторил Папа Сима. — Вас еще можно прокатывать". И это было для нас самым высшим из всех возможных комплиментов, рецензий и оценок!

ХРИСТИАН БЕЙТЕЛЬСПАХЕР

Христиан Готлибович Бейтельспахер (Christian Beutelspacher: 1864 — 1929 г. г.) — один из талантливых представителей немецкой диаспоры в Одессе, воспитанник саксонской школы архитектуры. Его деятельность в Одессе в период с 1900 по 1914 г. г. хорошо известна как специалистам в области архитектуры и строительства, так и всем, кто интересуется историей Одессы и Причерноморья; однако, значительная часть биографии Х. Бейтельспахера оставалась неизвестной до настоящего времени.

В специальной литературе по архитектуре и строительству, а также в краеведческих справочниках подробно описывается лишь одесский период жизни Х. Бейтельспахера. В этих источниках отсутствуют данные о месте рождения, детских, юношеских годах, работе в немецких колониях, последних годах жизни архитектора.

Автор статьи "Христиан Бейтельспахер" Валентин Пилявский довольно подробно описывает "одесский" период творчества архитектора, отмечая, что он был "выпускником Дрезденской королевской академии", приехавшим в Одессу в 1900-х годах и покинувшим город "с другими специалистами-немцами в 1914 году".

В библиографическом указателе "Причерноморские немцы" (Одесса, 1999 г.) также указывается, что "Христиан Бейтельспахер — архитектор, представитель саксонской школы, приехал в Одессу в начале 1900-х годов".

Работа с немецкими источниками, в том числе и архивными, дала возможность утверждать, что Х. Бейтельспахер, известный архитектор, по проекту которого строились многие доходные дома и промышленные предприятия Одессы, был отнюдь не иностранцем, приехавшим работать в Одессу, а выходцем из немецкой колонии Одесского уезда, получившим образование в Германии и впоследствии ставшим жителем нашего города.

Христиан Готлибович Бейтельспахер родился 13 ноября 1864 года в немецкой колонии Нойбург — Neuburg (Владимировка, Новоградовка) Либентальского округа Одесского уезда. В автобиографии, любезно предоставленной нам архивом Дрезденского технического университета, Христиан Бейтельспахер пишет (здесь и далее перевод с немецкого авторов): "До 12 лет, т. е. до 1876 г., я воспитывался в отчем доме. В ноябре 1876 г. отец привез меня в Гросс-Либенталь близ Одессы, в Центральную школу. Эту школу я окончил спустя четыре с половиной года, т. е. в июне 1881 г. В августе того же года по желанию родителей я поступил в III класс Немецкого реального училища им. Св. Павла в Одессе на основании моего свидетельства об окончании школы".

В июне 1885 г. Христиан сдает выпускной экзамен в реальном училище и возвращается в Нойбург. Позже он вспоминал: "В связи с тем, что я хотел стать механиком, я вернулся к родителям на полгода, чтобы приобрести знания и опыт в этой области".

В октябре 1885 г. Христиан уходит добровольцем в армию, но служит там недолго — до мая 1886 года. Затем вновь возвращается к родителям, чтобы они окончательно взвесили все "за" и "против" его учебы. "Часть времени в ожидании решения родителей я потратил на то, чтобы на практике

ознакомиться с механической стороной работы машин, а другую часть времени я провел, работая домашним учителем в семье (нойбургского) пастора". В это же время Х. Бейтельспахер самостоятельно изучает латынь, немецкий язык и литературу, экстерном сдает экзамен за гимназический курс. Получив, наконец, согласие родителей на продолжение образования, он отправляется в Германию.

В апреле 1887 г. Х. Бейтельспахер поступает на механическое отделение Дрезденского Королевского Саксонского политехникума. В 1888 году он переводится на строительный факультет по специальности "архитектура". Изучает аналитическую и начертательную геометрию, математику, механику, топографию, технологию строительства, химию и черчение от руки, успешно сдает 9 октября 1889 г. предварительный экзамен по специальности "архитектура" и аттестуется по всем вышеуказанным предметам.

Параллельно с 1890 года Х. Бейтельспахер обучается в Королевской Саксонской Высшей технической школе Дрездена, где изучает строительные конструкции, строительство общественных зданий и промышленных предприятий, историю строительного искусства, отопление и вентиляцию, стилистику технического искусства и выполняет домашнее задание — эскиз герцогского замка.

27 октября 1891 г. он сдает дипломные экзамены в Королевской Саксонской технической школе по специальности "архитектура" и одновременно оканчивает политехникум.

В течение года (1891 — 1892) Х. Бейтельспахер работает архитектором в магистрате Магдебурга, затем 4 года (1892 — 1896) — архитектором в главном техническом бюро железной дороги в Дрездене.

Этот же факт подтверждается справкой вышеупомянутого архива, где сказано, что "Христиан Бейтельспахер работал в техническом бюро в Дрездене (Генеральная дирекция железной дороги в Саксонии)". В справке указывается и место проживания архитектора: Дрезден, Шорнштрассе, 64/1.

В отечественных источниках указывается, что Х. Бейтельспахер приехал в Одессу в начале 1900-х годов. Однако, учитывая тот факт, что он работал в Дрездене до 1896 года, думается, что это произошло несколько раньше. В книге Йозефа Шнурра "Кирхи и религиозная жизнь российских немцев", изданной в Штуттгарте, указывается, что Х. Бейтельспахер отправился в Санкт-Петербург, где подтвердил диплом архитектора, местом же постоянного проживания выбрал Одессу. Имеются и другие данные, свидетельствующие о пребывании Х. Бейтельспахера в Одессе до 1900 г. За несколько лет до работы в самом горо-

де он реконструирует и строит ряд церквей в немецких колониях. В 1898 году по его проекту перестраивается евангелическо-лютеранская кирха в Александровке (Доброолександровка) Мариинской (быв. Гросс-Либентальской) волости Одесского уезда. Она была построена в 1858 г. в классическом стиле. Здание было односторонней "зальной" церковью. Х.Г. Бейтельспахер перестроил ту часть, где были алтарь, эмпоры и боковые галереи с колоннами. Это дало возможность увеличить число посадочных мест, была достроена наружная апсида. Христиан Готлибович принял довольно оригинальное решение: построенная по его проекту апсида как бы состояла из двух последовательно идущих апсид: во внутренней находился алтарь, а во внешней —

Ворота пробково-линолеумного завода "Викандер и Ларсон" (ныне завод "Большевик") на Пересыпи, Балтская дорога, 42).

ризница. На постройку затратили 9000 руб.

В это же время Х. Бейтельспахер перестраивает кирху, построенную в Глюкстале (Глинная) Глиннской волости Тираспольского уезда Херсонской губернии в 1845 г. Здание было большим и красивым, славилось органом фирмы "Братья Ригер". Оно сохранилось и до сегодняшнего дня.

Но больше всего любви и труда архитектор вложил в проектирование и строительство новой кирхи в своем родном Нойбурге (Владимировка, Новоградовка) Мариинской волости Одесского уезда. Х. Бейтельспахер строит новую кирху в 1903 г. Церковь была освящена 10 октября 1904 года. Построенная в неоготическом стиле, она была длиной 35,5 м, шириной 14,5 м и высотой 17 м. Трансепт (поперечный неф) кирхи был длиной 19 м. Высота башни — 35 м. Здание состояло из нефа, трансепта, хоров, двух ризниц, апсиды. Построено оно было из желтого песчаника, а окна были обрамлены контрастирующим со стенами красным кирпичом, крыша была покрыта зеленым листовым железом. Стоимость постройки, нового органа с установкой составила 34 тысячи рублей. Три резонансные отверстия одинаковых размеров (в каждом — по два колокола) выходили на восток, юг и север, а четвертое, расположенное ниже, на запад.

В своей верхней части башня была украшена четырьмя маленькими башенками, фризам в романтическом стиле и стилизованным под античность фронтоном; далее шли острокопечный шпиль и зеленая крыша из листового железа.

Маленькие стрельчатые окна в готическом стиле, карнизы и розетки, скаты кровли придавали зданию утонченный, изысканный вид.

Однако Х.Г. Бейтельспахер прославился не только проектированием церковных зданий. Начиная с 1900-х годов, он проектирует ряд доходных домов в стиле эклектики. В это же время он работает в одесской уездной зем-

ской управе, выполняя заказы по реконструкции, ремонту больничных и школьных зданий.

В 1901 г. Х. Бейтельспахер проектирует одно из зданий Стурдзовской общины сердобольных сестер (Базарная, 2).

В период с 1902 по 1903 г. по проекту Х. Бейтельспахера строится доходный дом А.Е. Гагарина (Екатерининская, 2), отличающийся пышной пластичной фасадом. Нельзя не согласиться с мнением известного архитектора В. Пилявского о том, что "без преувеличения шедевром этого десятилетия (1900 — 1910 г. г. — прим. авторов статьи) стало здание ресторана У. Сигала в Аркадии" (сейчас ресторан "Южная Пальмира"). В. Пилявский отмечает, что в интерьере здания переплетены декоративные приемы ренессанса и модерна, и подчеркивает, что "исключительную роскошь придавали ему огромные зеркала на западной глухой стене, плафон с росписью на темы аркадийских пасторалей. До нашего времени чудом сохранились четыре большие печи по углам зала, лепное убранство стен и потолка. Весьма выразительно решены фасады, главным мотивом которых стали большие проемы с разными заполнениями и декоративные башни-пилоны, увенчанные гротиками из камня-дикяра. Особый колорит экстерьеру придавали нештукатуренные поверхности кладки из блоков ракушечника и красного кирпича... Архитектура ресторана на десятилетия определила характер окружающей застройки. Ей подчинены были павильоны на террасах склонов, станция трамвая и мост через балку, ограды пляжей". В мае 1990 г. здание вошло в список памятников архитектуры Одессы.

В 1910-е годы Христиан Бейтельспахер проявил себя, главным образом, в области промышленного зодчества. В 1911 г. он проектирует мастерские и ворота пробково-линолеумного завода "Викандер и Ларсон" (завод "Большевик" на Пересыпи, Балтская дорога, 42), в 1912 г. — магазин этой же фирмы (службы ОГТС по ул. Ришельевской, 26), в 1913 г. — конторское здание Русского Черноморского канатного завода по ул. Водопроводной, 16 (с 1911 г. владельцем завода было Швейцарское акционерное общество).

У Йозефа Шнурра находим также указание на то, что Х. Бейтельспахером в Одессе были построены здания филиалов фирм "Скорход" и "Треугольник", а также дом И. Гена на Маразлиевской. Этот же автор отмечает, что Х. Бейтельспахер принимал участие в строительстве Одесского главпочтамта, основной проект которого выполнен архитектором В.Ф. Харламовым. Здание было завершено в 1898 г. и освящено 22 мая 1898 года.

Х. Бейтельспахер занял также видное место среди архитекторов, проектировавших доходные дома. В. Пилявский перечисляет следующие здания: 1912 г. — доходный дом И. Роглера (Ольгевская, 8), 1913 г. — дом П. Гершеневского (Белинского, 22), дом по ул. Дерибасовской, 18, дом по ул. Екатерининской, 3. Первые два дома были построены, а последние два реконструированы по проекту Х. Бейтельспахера.

В 1914 г. с началом первой мировой войны Х. Бейтельспахер уезжает в Германию, в Дрезден, где выполняет проекты различных зданий в городах Саксонии, Тюрингии и соседней Австрии.

Христиан Готлибович Бейтельспахер умер 29 ноября 1929 года в Германии, в городе Германштадт, в возрасте 65 лет.

Судьба талантливого архитектора интересна не только тем, что он был известен в свое время как замечательный специалист, творчество которого характеризовалось сочетанием архитектурных традиций саксонской школы, русского модерна и эклектики. Х. Бейтельспахер, выходец из причерноморских немецких колоний, был одним из тех, кто содействовал поддержанию постоянных культурных связей между Россией и Германией.

В заключение выражаем благодарность немецкому историку Генриху Гейдербрехту и работникам архива Дрезденского технического университета за оказанную помощь в написании этой статьи.

Вадим ВАСИЛЕНКО,
Эльвира ПЛЕССКАЯ-ЗЕБОЛЬД
(Одесса).

Конторское здание Черноморского канатного завода (ныне ПО "Стальканат", ул. Водопроводная, 16).

ИСПОВЕДЬ КАПИТАНА ТЕПЛОХОДА "ШОТА РУСТАВЕЛИ"

Об одессите Саше Назаренко я услышал много лет назад, но познакомился с ним под Новый год в веселой компании художников и скульпторов. Мы уже были прилично навеселе, когда он поднял рюмку и сказал:

— Зай гезунд!

Только еврей мог так произнести эти слова, как произнес их Саша. Я поразился.

— *Саша, ты — еврей?*

— Я, парень, чистых украинских кровей. Как говорят, родился и умер в Одессе. Я люблю ее очень. У меня на втором христианском кладбище двадцать восемь родных могил. Такое невозможно забыть...

Александр Назаренко. 65 лет. Бывший капитан флага Черноморского пароходства "Шота Руставели". Украинец. Судим. 11 лет назад вместе с "пятидесятиниками" уехал с Родины в США.

— *Как я понимаю, Саша, жизнь у тебя была по первому разряду: круизы, иностранные порты, валюта... С чего бы вдруг покидать Родину?*

Назаренко долго молчал.

— Во-первых, не вдруг. А во-вторых... даже не знаю, с чего начать. Ну, хорошо, начну с детства. Себя я помню с самых малых лет. Папа с мамой говорили: "Сашенька, все, что ты слышишь дома, не дай тебе Бог рассказать во дворе".

Мои родители были глубоко верующими людьми, а тут еще голод, холод. Конечно, родители возмущались...

С детства я мечтал о море, знал, что буду моряком. Мальчишкой бегал на Крымско-Кавказский причал. Смотрел на корабли. Закончил я седьмой класс и подал документы в мореходку. Ответа не получил. Через год снова подал. Вызвали меня на мандатную комиссию. Председатель — мордворот такой, из азиатов — задает вопрос:

— Почему ты рвешься в мореходку?

Говорить ему, что каждый одесский мальчишка хочет в море? Бессмысленно.

— Почему, — снова спрашивает он, — твой отец остался в оккупации? Туберкулезом, говоришь, болел? Ему надо было убить себя и семью. Ты никогда не будешь советским моряком.

И они меня не взяли. Пришлось пойти в училище технического флота. А это значило работать на черпаках. Но я стал моряком. И неплохим, назло всем этим б...м. Такое вот детство запало мне в душу на всю жизнь...

Когда, в конце концов, стал я плавать и дорос до капитана одного из самых крупных пассажирских судов на Черном море, то должен был общаться с иностранными пассажирами: французами, итальянцами, австралийцами. И я стал переживать. Мне было обидно за русских, за советских людей. Я понял, что все они опутаны глубокой, злой ложью.

— *Мало ли чем, Саша, нас опутывала советская власть... Это еще не аргумент.*

— А ты, парень, представь. Я — капитан, у которого 350 человек экипажа и 800 пассажиров на борту. Ответственность, сам понимаешь, какая. За жизнь их, за сервис. Ведь это не только валюта, это еще и престиж советского флота. Приходит приказ, я хорошо его помню: "Капитан не имеет права разговаривать с иностранцем, если рядом нет свидетеля из числа членов экипажа", то есть замполита. И вот лоцман, который вынужден вывести мое судно из зарубежного порта, хорошо меня знающий, поднимается на борт и, естественно, идет ко мне в каюту. За пятнадцать минут до отхода. Приветствует:

— Кэптен, хавар ю!

А я, как припоцанный, должен молчать. Инструкция. И я начинаю лихорадочно набирать номер телефона замполита. А его в каюте нет. Ищу других, чтоб с тем лоцманом начать разговор. И когда кто-то ко мне в каюту приходит, я начинаю с лоцманом говорить. А он смотрит на меня, как на идиота, и не понимает, что происходит...

Или еще. По договору с компанией, которая нас фрахтует, я должен присутствовать на прощальном вечере после фрахта. Иду. И обязательно с замполитом. А там, парень, молодая симпатичная женщина. Зовет меня танцевать. Боюсь, но иду. Во время танца она говорит:

— Капитан, я хочу посмотреть вашу каюту.

— Извините, — говорю, — спешу на мостик.

И когда такое повторяется в третий раз, вижу, что на лице дамочки написано: "А ведь ты, капитан, гомосексуалист". Она не понимает, что, если я провожу ее до каюты, завтра меня спишут на берег...

...В молодости у автора этих строк был приятель Володя Хачатуров. Прекрасный журналист, ныне покойный. Володя настолько презирал советскую власть, что из принципиальных соображений работал только в многотиражках. Как-то раз он приобрел туристическую путевку в ГДР и в первый же день в Восточном Берлине, когда группа спустилась поужинать в ресторан, пригласил на танец симпатичную немочку. Когда он вернулся к столу, руководитель группы зашипел:

— Танцевать надо со своими, а не с иностранками.

Володя ответил какой-то грубостью, снова пригласил немку на танец, а потом и вовсе с ней исчез. Пересчитав перед сном туристов по головам и не досчитавшись Володи, руководитель запаниковал. Группа ему говорит: "Не нервничайте, Володя где-то здесь, близко". Но ретивый руководитель, не дождавшись Хачатурова, под утро позвонил в советское посольство: так, мол, и так, пропал, говорит, турист из группы...

Когда утром Володя появился на завтраке, разразился скандал. Хачатуров послал беспокойного руководителя на три буквы. А уже дома его вызвали в КГБ и сказали, что он уронил достоинство советского человека. На это Володя возразил: "Я поднял это достоинство на недосягаемую для вас высоту..."

В ответ Хачатуров услышал, что за границу он больше не поедет.

— Когда Мишка выпустил свою книгу, — продолжает Назаренко, — ему разрешили выступать в Одессе перед публикой.

— *Саша, какому Мишке запретили приезжать в Одессу?*

— Как — какому? — удивился в свою очередь Назаренко. — Мишке Жванецкому. Его же лишили возможности выступать в Одессе перед публикой. А он — творческий работник — должен общаться со зрителями. И как только началась перестройка, Мишка стал "выездным" в Одессу. Он приехал к нам и дал 10 концертов на стадионе "Черноморец". 40 тысяч одеситов приходили на каждый его концерт. И на каждом концерте он упоминал мое имя. И имя Феликса Дашкова, другого капитана, которого власти тоже морально уничтожили.

— *Причина?*

— Та, что и у меня. Недоверие со стороны родной коммунистической партии, которая меня, в конце концов, и поса-

дила. Я и раньше не молчал, а тут началась перестройка, и я заговорил. И "органы" стали меня доставать. Вы же слушали Мишку?! Он же сквозь слезы смеется. Я ему часто рассказывал, как люди живут за границей. И он мне симпатизировал. А о Володе Высоцком и говорить нечего. Он тоже меня очень любил, но общаться с ним было нелегко. Впускал он к себе в душу только избранных. Не скрою, я был туда вхож. Мне он позволял. Может быть, не совсем до конца. Помню, как-то снимался в Одессе фильм. Высоцкий ходил в форме поручика белой армии. Не помню, как фильм назывался...

— *"Служили два товарища"?*

— Может быть. Я тогда был капитаном "Аджарии", маленького пассажирского теплохода. Каждое лето Володя плавал со мной. И не только он. Жванецкий, Карцев, Ильченко, Винокур... Все они были нищими. А заслужили быть людьми обеспеченными. Я говорил Высоцкому: "Володенька, вот тебе харч. Какой хочешь. С какими хочешь друзьями. Будешь за моим столом. Каюта люкс. Пожалуйста, только один или два раза выступи перед пассажирами". И он, конечно же, выступал. А это престиж судна, престиж пароходства. Его ж любила вся страна. Пока ему не разрешили выезжать

к Марине, он каждое лето отдыхал у меня. Ведь я давал ему возможность по-человечески отдохнуть. Он же не мог платить деньги за билет. Да и достать билеты тогда на теплоход было невозможно...

— *Он пил на судне?*

— Иногда. Но когда с ним была Марина — не пил. Володя был тяжелым человеком. Мрачным. Никогда не был душой компании. Уговорить его спеть тоже было трудно.

— *А как к тебе относилась Марина Влади?*

— Как, как... С виду — нормально. С чисто европейской улыбкой... Это не наша улыбка. Это больше любезность. Французская. Володя много меня расспрашивал о быте и работе моряков, об их элементарных правах.

— *Написал ли он хотя бы одну песню, где сюжетом был твой рассказ?*

— Он посвятил мне даже две песни. В книге Высоцкого "Нерв" есть одна из них.

...Лошадей двадцать тысяч
в машины зажаты,
И режут табуны,
стервенея внизу...
На глазах от натуги
худеют канаты,
На причал из себя
выжимая слезу.

Вторая песня:
Был шторм,
канаты рвали кожу с рук,

и якорная цепь
визжала чертом,
пел песню ветер дьявола,
и вдруг
раздался голос:
человек за бортом...

Сюжетом для этих песен стали мои устные рассказы, которые Высоцкий внимательно слушал. Мне повезло: я наблюдал, как он работал над своими песнями. Писал он тяжело. Черновиков было много. Однажды мне захотелось взять один из них себе на память. Он даже испугался.

— Не бери! — кричит. — Вот тебе оригинал.

Чтобы написать несколько строк, он мог просидеть с гитарой до утра. Текст в начале работы и близко не напоминал песню. Небо и земля...

— *Одесситы, которые тебя знают и помнят, мало знают о том, что произошло с тобой в середине и в конце 80-х годов. Знают только, что у тебя были неприятности.*

— Это точно. Когда КГБ стал закручивать гайки, министр Луженко, он меня очень любил, предложил переехать на Дальний Восток. "Поезжай, говорит, Александр Николаевич, на Камчатку. Там есть три наших судна. Там и пересидишь это время". Переехал я переживать. И сел. Ведь я и там не молчал. Говорил и о гибели "Нахимова". На нем было 12 человек

УКРАЇНСЬКА МОВА — РУССКИЙ ЯЗЫК

Размышления художника

“Що маємо — те маємо” — на эту аксиому с удовольствием ссылаются видные украинские политики, как бы призывая рядовых сограждан смириться с существующей реальностью. Но ведь наша двомовность, двуязычие, с которым сроднилось не одно поколение, — тоже реальность. Есть ли необходимость отказываться от этого факта действительности, от этой реальности? Не станем ли мы свидетелями очередной ошибки, очередной потери в государственном масштабе?

Политиков, которые хотели бы законодательным путем искоренить русский язык из земли украинской, можно называть, с одной стороны, патриотами. Ведь они обещают освободить грядущие поколения от ненужных знаний, от изучения постороннего, т. е. русского языка, к тому же сэкономить значительные средства, необходимые для переиздания учебников, для оплаты труда преподавателей русского языка и литературы. Но, с другой стороны, таких “благодетелей” можно назвать и лжепатриотами, лукавыми мудрецами, потому что они отрицают очевидную истину: свободное владение двумя языками есть преимущество, бесценный багаж, передающийся от поколения к поколению, и, наконец, — жизненный шанс.

Кстати говоря, этим шансом воспользовались буквально все корифеи нынешней политической сцены Украины. Знание двух языков, украинского и русского, не помешало им получить образование в престижных вузах, в том числе российских, и занять заветное место на политическом Олимпе. Отсюда, с вершины родного Олимпа, ортодоксальные теории во всеуслышание трактуют присутствие русского языка в Украине, как ущемление национального достоинства украинцев. Думается, такую точку зрения пропагандируют те, для кого русский язык — альтернатива украинскому языку, кто считает несовместимыми две родственные культуры — украинскую и русскую, кто хочет отучить наших детей читать в оригинале творения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова...

Нередко можно слышать “каверзный” вопрос: по какому праву русский язык прижился в Украине, стал в некоторых регионах практически вторым родным языком? На этот вопрос есть простой ответ: русский и украинский языки — родом из одних и тех же мест, колыбельной песней для наших народов был древнерусский язык, древнерусская мова. Какой национальности был автор “Слова о полку Игореве” — русский или украинец? На эту тему ведут нескончаемый спор ученые, литературоведы Украины и России.

По разному сложились судьбы наших языков на пути к самосовершенствованию и самоутверждению. Безусловно, доля украинского языка — более драматична, несмотря на то, что он никогда не покидал родные места. Русский же язык, распространившись далеко на Север, оставил часть своей души здесь, в Украине, жил и развивался рядом с украинским языком.

Если оглянуться назад, в сравнительно недалеком прошлом, когда Украина входила в состав царской России, нельзя не согласиться с тем, что знание русского языка было условием выживания для многих народов, населявших огромную Российскую империю.

Советская империя, наследница Российской, не могла обойтись без русского языка. Начиная со времен ликбеза, два языка — национальный и русский — изучали на всех территориях бывшего СССР, за исключением России. Таким образом, россияне остались “одноязычными”, наверное, потому, что даже из пролетарской солидарности не могли выучить четырнадцать языков братских республик, и мы, которым в наследство досталось знание двух языков, можем им посочувствовать. Больше того, мы можем наказать своих гордых соседей, забыть их язык и вынудить их общаться с нами при помощи словарей и переводчиков. Правда, и мы не обойдемся без этих же атрибутов. Вряд ли такая перспектива пойдет на пользу нашим деловым, культурным и личным связям.

Размышляя на тему взаимоотношений наших народов и, соответственно, двух языков, нельзя не вспомнить о тех обидах, которые выпали на долю украинской мовы, родной сестры русского языка. Было время, когда ей, подобно Золушке, не было позволено появляться на людях, когда в родном доме ее оскорбляли и унижали, называли мужиким языком, диалектом, карикатурой на русский язык. В те годы, когда, казалось, нельзя было не услышать голос выдающегося украинского поэта, философа, просветителя Григория Сковороды, когда Иваном Котляревским были созданы шедевры “Наталка-Полтавка”, “Энеида”, впитавшие в себя всю соль украинской земли, когда в расцвете был гений Шевченко, — лишь немногие в России, в Украине понимали украинский язык.

Не потому ли “Тарас Бульба” — былинная повесть о героизме украинского народа, “Вечера на хуторе близ Диканьки” — яркие сцены из жизни украинцев, были обращены к русскоязычному читателю, что принесло им огромную популярность сразу же после выхода в свет. Гоголь — великий русский писатель, уроженец Полтавщины, русским языком пригласил читателя в край, который не спутаешь ни с каким другим местом на земле. Здесь все украинское: и природа, и персонажи, и быт, и комические ситуации, и жуткие истории, и наивная вера в чудеса, и чертовщина, которая исчезает с первыми лучами солнца. “Знаете ли вы украинскую ночь?...”, “Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои...” — эти русские слова восхищения украинской природой также искренни и прекрасны, как раскаты шевченковские: “Реве та стогне Дніпр широкий...” — или убаюкивающие строчки того же Кобзаря: “Тихесенько вітер віє, степи, лани мріють...”,

“Садок вишневий коло хати, хрущі над вишнями гудуть...”, “І досі сниться: під горою, меж вербами та над водою, біленька хаточка...”.

В наше время, когда Украина стала независимым государством, на вопрос: быть или не быть украинскому языку? — есть только один ответ: быть, служить надежным хранителем народной мудрости, радовать богатством красок и проявлений — в устной речи, литературе, песенном творчестве... По многим признакам украинская культура вступает в пору своего расцвета. Воскрешены, казалось бы, навсегда вычеркнутые из жизни произведения украинских писателей; на поэтическом небосклоне Украины заблистали имена выдающихся современных поэтов: это и Лина Костенко, и Винграновский, и Рымарук, и Драч, и многие другие; по национальному радио и телевидению мы слышим красивую, грамотную украинскую речь, звучат песни всенародно признанных авторов и исполнителей: Нины Матвиенко, Назария Яремчука, Тараса Петриненко, Василя Зинкевича, Валентины Степовой и др. Вдохновляющую перспективу открывают роскошные детские книги, выпускаемые в свет издательством “А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА” под редакцией Ивана Малковича. Вот одна из этих книг — “Улюблені вірші” — изысканный подбор стихотворений для детей, великолепные иллюстрации. Книгу сопровождает кассета, озвученная трогательными голосами талантливых украинских детей.

На вопрос: быть или не быть русскому в Украине? — есть три ответа: первый — быть тщательно, требовательно изучаемым, с первых классов в школе, наряду с украинским языком; второй ответ на непростой вопрос — изучать русский язык и литературу в разделе зарубежного языка и литературы; и, наконец, третий ответ — вообще исключить русский язык из школьных программ — пусть доживает свой век в Украине в виде полуграмотной разговорной речи, русско-украинского диалекта в стиле популярной Верки Сердючки.

Не о таком языке идет речь в известном стихотворении Ивана Сергеевича Тургенева, посвященном русскому языку: “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! ... Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!”.

Как известно, Тургенев был полиглотом: свободно общался с французами на французском, с итальянцами на итальянском, с немцами на немецком языке. Но, если бы Иван Сергеевич владел украинским языком, если бы мог в оригинале прочесть “Энеиду” Котляревского, творения Тараса Шевченко, возможно, из-под его пера родились бы подобные строчки: “У дні сумнівів, у дні тяжких роздумів про долю моєї Батьківщини — ви обидві мені підтримка і опора, мої рідні, такі схожі, такі різні, такі ширі і величні — українська і російська мови (або навпаки: російська та українська мови). Але не можна вірити, щоб такі мови не були надані великим народам!”.

Те, кто с детских лет изучал русский и украинский языки, украинскую и русскую литературы, хотя бы в рамках хрестоматийной классики, кто может судить о нюансах в сходстве и различии наших языков, не может не признать: украинский и русский языки — близкие родственники, родные, но не близнецы, рідні, але не близнюки.

В Украине, где все население в большей или меньшей степени владеет двумя языками, изучение их не представляет особой трудности для детей. У нас разработана и широко практикуется методика подготовки педагогов, которые блестяще владеют обоими языками.

Иначе дело обстоит в России, где обучение украинскому языку нужно начинать с нуля. Здесь не обойтись без кропотливой работы диаспоры, без пожертвований богатейших соотечественников, которые объявляют себя патриотами. Неплохо было бы взять пример с еврейских общин, которые всем миром, в буквальном смысле этого слова, открыли еврейские школы во многих точках земного шара, в том числе и в Украине. В этих школах, в частности, у нас, в Одессе, дети обязаны изучать четыре языка, как минимум: украинский, русский, еврейский, английский.

Вернувшись к основной теме — українська мова и русский язык, представим себе, что мы полностью отлучили наших детей от русского языка. Кто при этом пострадает: наши дети или русский язык? Безусловно — наши дети станут вдвое беднее. Русский же язык не пострадает, не прекратит свое существование. Свое бессмертие он обрел в творениях Толстого, Достоевского, Чехова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Блока, Ахматовой...

Сегодня можно слышать раздраженные голоса: мы, жители Украины, не обязаны знать русский язык, потому что в России не изучают наш, украинский. На это можно ответить: Бог с ними, россиянами! Возможно, они, действительно, не могут одолеть наш язык, и это, как говорится, их российские проблемы. Наша же проблема состоит в ином — сохранить традиции овладения двумя родственными языками. Пусть каждый из них, украинский и русский, в полную силу трудится на благо независимой Украинской державы, как и подобает языкам государственной важности.

Что касается полюбовившегося афоризма: “Що маємо — те маємо” — то, произнося его, мы не станем вздыхать и разводить руками. Мы сможем заменить его другим, сходным по звучанию, но имеющим другой, оптимистический смысл: “Що маємо — те не втрачаємо”.

Тамара ШЕЛЮТО-ЛИТВИНЕНКО.

моего экипажа. И мне было все известно. “Нахимов” опоздал в рейс на 15 минут. А это всегда опасно. Капитан ждал, когда прибудет важный пассажир — начальник КГБ Одесской области. А его самолет задерживался. Если бы не это, корабли бы разошлись и не столкнулись.

Как, говоришь, им удалось меня посадить? Подсылают ко мне как-то одного парня. Было это на Камчатке в 1987 году. И он мне заливал, что окончил в Одессе мореходку технического флота. “Там, — говорит, — в училище ваш портрет висит. Все вас там любят и уважают. Меня, — говорит, — за границу не пускают. Отец был в оккупации”. Короче, расположил он меня, и взял я его к себе на корабль. Однажды он приходит и просит краску: “Я только приехал, даже двери нечем покрасить”. Дал ему килограммов 12 краски, а может, меньше. Через пять минут они пришли и меня забрали. Три месяца просидел в тюрьме. Приговор: “За хищение государственной собственности”. Но тут, на мое счастье, Горбачев объявил амнистию. Уже не помню, к какому празднику. Помню, что я все время задавал комитетчикам вопрос: “За что же вы меня, ребята, посадили?”. И доводился. Как-то в Петропавловске-Камчатском, на улице Советской, около меня останавливается машина, выходят два парня и говорят: “Садись”. Спрашиваю: “Что случилось?”. “Садись, — говорят, — поедем”.

Приезжаем в четырехэтажный дом. Оказалось — психиатрическая больница. У всех дверей ручки есть только снаружи, а внутри их нет. Диагноз — психопат. Фамилию врача я где-то записал. “Вы, — говорит, — больной”. “С чего вы это?” — спрашиваю. “Вы, — говорит, — недовольны советской властью. Миллионы людей счастливы, а вы — нет. А это уже ненормально, болезнь это”. Стали мне делать уколы, таблетки давать. Благодарен я этому врачу по гроб жизни. Спасло меня то, что в Союз приехал Рейган и потребовал от Горбачева, чтобы всех недовольных не считали психами и всех из “психушек” выпустили. “Иначе, — говорит Рейган, — я вам хлеба не дам. И валюты”.

Меня выпустили, и я приехал в Одессу. До Камчатки у меня на судне плавал один парень. Был он “пятидесятником”. Часто рассказывал мне о Боге, о христианстве. Встретил я его в Одессе уже после “психушки”, и он меня увез в Таллинн. Там свел с местными верующими. Они оказались сильно религиозными и упрямыми. Железные люди. Стали водить меня в церковь. Но я к Богу так и не прикипел. Но они были снисходительны ко мне. Я с ними открыл в Пирита, на таллиннском пляже, кафе, где каждый верующий мог бесплатно поест. Музыка была только церковная, кресты и прочее. К этому времени все мои “пятидесятники” получили разрешение на выезд. Как-то раз повели они меня в ОВИР и говорят начальнику:

— Нас 120 семей. У нас есть разрешение на выезд, но если вы не выпустите нашего брата Сашу, мы никуда не поедem, будем рассказывать о нем и молиться на всех площадях Таллинна.

Это было время, когда кагэбешники уже такого боялись.

Так я с женой и дочкой выехал вместе со своими “пятидесятниками”. Попали мы с женой во Флориду, в Джексонвилл. С начала 90-х плаваю. Раньше — под багамским флагом, помощником капита-

на. Сейчас плаваю старшим матросом на американском судне. А до этого был продавцом, “Тойотами” торговал. Всякое бывало. Теперь уже все в порядке.

— А что делает старший матрос?

— В основном находится на навигационном мостике.

— А как дочка?

— Ане 17 лет. Она прекрасно учится. За это я купил ей лошадь. За обслуживание лошади плачу ежемесячно 400 долларов. Аннета занимает первые места в выездке и соревнованиях с препятствиями.

— Прекрасно! А какие отношения у тебя, Саша, с Богом? Ведь ты ходил в Таллинне в церковь.

— Своих “пятидесятников” я потерял. Все они уехали в Сиэтл. Но с Богом отношения хорошие. Живу по совести, ничего плохого себе не позволяю. Стараюсь быть честным и порядочным человеком. Скажу тебе правду. В церковь не хожу, да и нет в Джексонвилле православного прихода. Поэтому и разговариваю с Богом мысленно, но зато часто. А американские церкви... Не нравятся мне там разговоры. Все кончается словами: “Дайте еще денег”. А я не могу совмещать одно с другим. Но это так, между прочим...

Ты спрашиваешь, скучаю ли я? Это не то слово. По Одессе скучаю страшно. Уже был там. Встречался с друзьями. Они смотрели на меня и крестились: “Мы, — говорят, — Саша, давно тебя похоронили”.

Налаживаю понемножечку бизнес через своих бывших моряков. А многих уже нет в живых. Мне рассказывали, что капитан-наставник, ныне покойный, про меня статью как-то написал: мол, загубили, гады, капитана... Но я выжил.

На днях меня допустили до экзаменов на лиценс капитана. Даст Бог, сдам, получу корабль, погуляю...

А по Одессе все же скучаю...

“Дорогому капитану Назаренко А. Н. и его экипажу, и судну его посвящаю”.

НА ОТХОД И ПРИХОД

*“Все свободны!”
Конец всем вопросам.
“Кроме важных —
всем отдыхать!”
Но пустуют каюты,
матросам*

*К ТОЙ СВОБОДЕ
ЕЩЕ ПРИВЫКАТЬ.*

*КАПИТАН,
ЧУТЬ УЛЫБАЯСЬ,
ДУМАЛ: “ВЕРНО!
МОЛОДЦЫ!
ОТ ЗЕМЛИ
ОСВОБОЖДАЯСЬ,
НЕЛЕГКО
РУБИТЬ “КОНЦЫ”.*

В. Высоцкий

Написал эту песню поэт в 1971 году на бланке Черноморского пароходства. Под песней Высоцкий нарисовал море и берег. На берегу — небоскребы “Эмпайр стейт билдинг”. Нагадал бард Сашке Америку.

Между прочим, сегодня нет уже Саши Назаренко. Есть гражданин США Александр Н. Николсон.

— Это чтобы проблем было меньше. Николсон в переводе с английского — сын Николая. Ведь я — Николаевич...

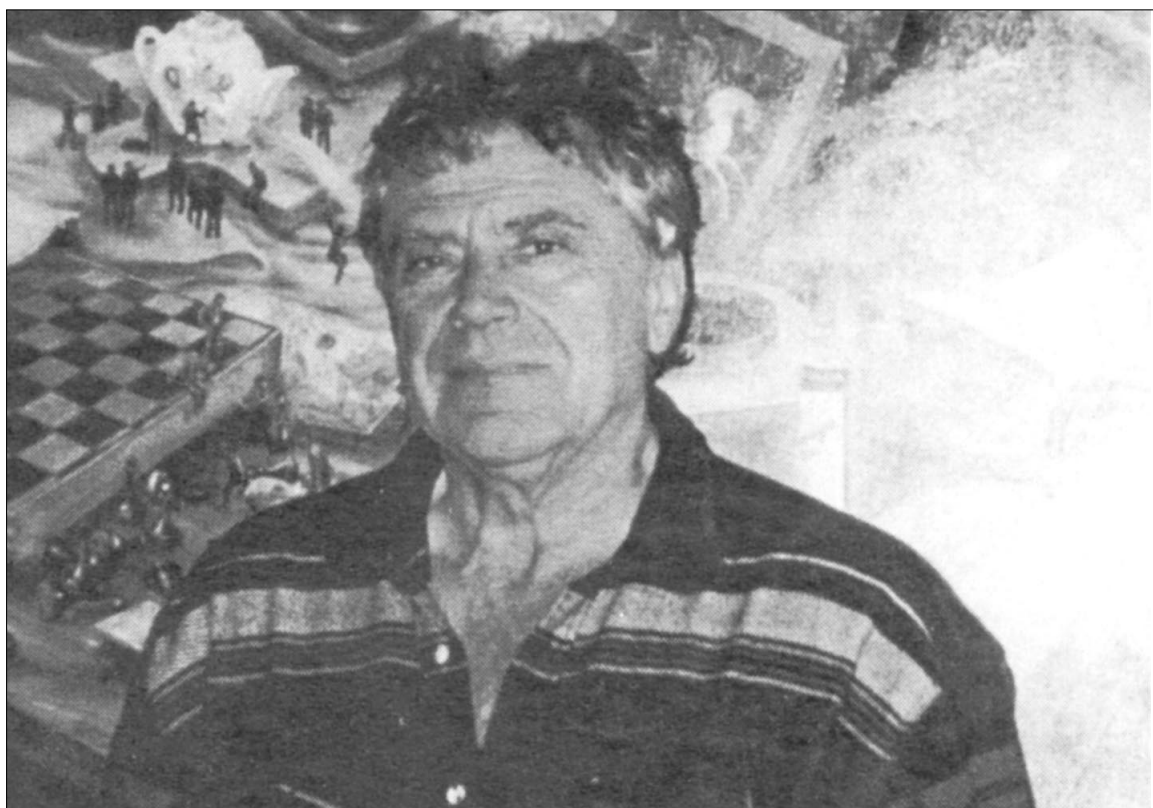
Многие лета тебе, капитан, моряк, человек Александр Николсон!

Быть посему!
Аминь!

Александр МАЛИЕВСКИЙ.

(Из газеты “Одесса-на-Гудзоне” (Нью-Йорк), 04.26.2002.)

ИСПОВЕДЬ КАПИТАНА ТЕПЛОХОДА "ШОТА РУСТАВЕЛИ"

Об одессите Саше Назаренко я услышал много лет назад, но познакомился с ним под Новый год в веселой компании художников и скульпторов. Мы уже были прилично навеселе, когда он поднял рюмку и сказал:

— Зай гезунд!
Только еврей мог так произнести эти слова, как произнес их Саша. Я поразился.

— *Саша, ты — еврей?*

— Я, парень, чистых украинских кровей. Как говорят, родился и умер в Одессе. Я люблю ее очень. У меня на втором христианском кладбище двадцать восемь родных могил. Такое невозможно забыть...

Александр Назаренко. 65 лет. Бывший капитан флага Черноморского пароходства "Шота Руставели". Украинец. Судим. 11 лет назад вместе с "пятидесятиниками" уехал с Родины в США.

— *Как я понимаю, Саша, жизнь у тебя была по первому разряду: круизы, иностранные порты, валюта... С чего бы вдруг покидать Родину?*

Назаренко долго молчал.
— Во-первых, не вдруг. А во-вторых... даже не знаю, с чего начать. Ну, хорошо, начну с детства. Себя я помню с самых малых лет. Папа с мамой говорили: "Сашенька, все, что ты слышишь дома, не дай тебе Бог рассказать во дворе".

Мои родители были глубоко верующими людьми, а тут еще голод, холод. Конечно, родители возмущались...

С детства я мечтал о море, знал, что буду моряком. Мальчишкой бегал на Крымско-Кавказский причал. Смотрел на корабли. Закончил я седьмой класс и подал документы в мореходку. Ответа не получил. Через год снова подал. Вызвали меня на мандатную комиссию. Председатель — мордворот такой, из азиатов — задает вопрос:

— Почему ты рвешься в мореходку?

Говорить ему, что каждый одесский мальчишка хочет в море? Бессмысленно.

— Почему, — снова спрашивает он, — твой отец остался в оккупации? Туберкулезом, говоришь, болел? Ему надо было убить себя и семью. Ты никогда не будешь советским моряком.

И они меня не взяли. Пришлось пойти в училище технического флота. А это значило работать на черпалках. Но я стал моряком. И неплохим, назло всем этим б...м. Такое вот детство запало мне в душу на всю жизнь...

Когда, в конце концов, стал я плавать и дорос до капитана одного из самых крупных пассажирских судов на Черном море, то должен был общаться с иностранными пассажирами: французами, итальянцами, австралийцами. И я стал переживать. Мне было обидно за русских, за советских людей. Я понял, что все они опутаны глубокой, злой ложью.

— *Мало ли чем, Саша, нас опутывала советская власть... Это еще не аргумент.*

— А ты, парень, представь. Я — капитан, у которого 350 человек экипажа и 800 пассажиров на борту. Ответственность, сам понимаешь, какая. За жизнь их, за сервис. Ведь это не только валюта, это еще и престиж советского флота. Приходит приказ, я хорошо его помню: "Капитан не имеет права разговаривать с иностранцем, если рядом нет свидетеля из числа членов экипажа", то есть замполита. И вот лоцман, который вынужден вывести мое судно из зарубежного порта, хорошо меня знающий, поднимается на борт и, естественно, идет ко мне в каюту. За пятнадцать минут до отхода. Приветствует:

— Кэптен, хавар ю!

А я, как припоцанный, должен молчать. Инструкция. И я начинаю лихорадочно набирать номер телефона замполита. А его в каюте нет. Ищу других, чтоб с тем лоцманом начать разговор. И когда кто-то ко мне в каюту приходит, я начинаю с лоцманом говорить. А он смотрит на меня, как на идиота, и не понимает, что происходит...

Или еще. По договору с компанией, которая нас фрахтует, я должен присутствовать на прощальном вечере после фрахта. Иду. И обязательно с замполитом. А там, парень, молодая симпатичная женщина. Зовут меня танцевать. Боюсь, но иду. Во время танца она говорит:

— Капитан, я хочу посмотреть вашу каюту.

— Извините, — говорю, — спешу на мостик.

И когда такое повторяется в третий раз, вижу, что на лице дамочки написано: "А ведь ты, капитан, гомосексуалист". Она не понимает, что, если я провожу ее до каюты, завтра меня спишут на берег...

...В молодости у автора этих строк был приятель Володя Хачатуров. Прекрасный журналист, ныне покойный. Володя настолько презирал советскую власть, что из принципиальных соображений работал только в многотиражках. Как-то раз он приобрел туристическую путевку в ГДР и в первый же день в Восточном Берлине, когда группа спустилась поужинать в ресторан, пригласил на танец симпатичную немочку. Когда он вернулся к столу, руководитель группы зашипел:

— Танцевать надо со своими, а не с иностранками.

Володя ответил какой-то грубостью, снова пригласил немку на танец, а потом и вовсе с ней исчез. Пересчитав перед сном туристов по головам и не досчитавшись Володи, руководитель запаниковал. Группа ему говорит: "Не нервничайте, Володя где-то здесь, близко". Но ретивый руководитель, не дождавись Хачатурова, под утро позвонил в советское посольство: так, мол, и так, пропал, говорит, турист из группы...

Когда утром Володя появился на завтраке, разразился скандал. Хачатуров послал беспокойного руководителя на три буквы. А уже дома его вызвали в КГБ и сказали, что он уронил достоинство советского человека. На это Володя возразил: "Я поднял это достоинство на недосягаемую для вас высоту..."

В ответ Хачатуров услышал, что за границу он больше не поедет.

— Когда Мишка выпустил свою книгу, — продолжает Назаренко, — ему разрешили выступать в Одессе перед публикой.

— *Саша, какому Мишке запретили приезжать в Одессу?*

— Как — какому? — удивился в свою очередь Назаренко. — Мишке Жванецкому. Его же лишили возможности выступать в Одессе перед публикой. А он — творческий работник — должен общаться со зрителями. И как только началась перестройка, Мишка стал "выездным" в Одессу. Он приехал к нам и дал 10 концертов на стадионе "Черноморец". 40 тысяч одеситов приходили на каждый его концерт. И на каждом концерте он упоминал мое имя. И имя Феликса Дашкова, другого капитана, которого власти тоже морально уничтожили.

— *Причина?*

— Та, что и у меня. Недоверие со стороны родной коммунистической партии, которая меня, в конце концов, и поса-

дила. Я и раньше не молчал, а тут началась перестройка, и я заговорил. И "органы" стали меня доставать. Вы же слушали Мишку?! Он же сквозь слезы смеется. Я ему часто рассказывал, как люди живут за границей. И он мне симпатизировал. А о Володе Высоцком и говорить нечего. Он тоже меня очень любил, но общаться с ним было нелегко. Впускал он к себе в душу только избранных. Не скрою, я был туда вхож. Мне он позволял. Может быть, не совсем до конца. Помню, как-то снимался в Одессе фильм. Высоцкий ходил в форме поручика белой армии. Не помню, как фильм назывался...

— *"Служили два товарища"?*

— Может быть. Я тогда был капитаном "Аджарии", маленького пассажирского теплохода. Каждое лето Володя плавал со мной. И не только он. Жванецкий, Карцев, Ильченко, Винокур... Все они были нищими. А заслужили быть людьми обеспеченными. Я говорил Высоцкому: "Володенька, вот тебе харч. Какой хочешь. С какими хочешь друзьями. Будешь за моим столом. Каюта люкс. Пожалуйста, только один или два раза выступи перед пассажирами". И он, конечно же, выступал. А это престиж судна, престиж пароходства. Его ж любила вся страна. Пока ему не разрешили выезжать

к Марине, он каждое лето отдыхал у меня. Ведь я давал ему возможность по-человечески отдохнуть. Он же не мог платить деньги за билет. Да и достать билеты тогда на теплоход было невозможно...

— *Он пил на судне?*

— Иногда. Но когда с ним была Марина — не пил. Володя был тяжелым человеком. Мрачным. Никогда не был душой компании. Уговорить его спеть тоже было трудно.

— *А как к тебе относилась Марина Влади?*

— Как, как... С виду — нормально. С чисто европейской улыбкой... Это не наша улыбка. Это больше любезность. Французская. Володя много меня расспрашивал о быте и работе моряков, об их элементарных правах.

— *Написал ли он хотя бы одну песню, где сюжетом был твой рассказ?*

— Он посвятил мне даже две песни. В книге Высоцкого "Нерв" есть одна из них.

...Лошадей двадцать тысяч
в машины зажаты,
И режут табуны,
стервеня внизу...
На глазах от натуги
худеют канаты,
На причал из себя
выжимая слезу.

Вторая песня:
Был шторм,
канаты рвали кожу с рук,

и якорная цепь
визжала чертом,
пел песню ветер дьявола,
и вдруг
раздался голос:
человек за бортом...

Сюжетом для этих песен стали мои устные рассказы, которые Высоцкий внимательно слушал. Мне повезло: я наблюдал, как он работал над своими песнями. Писал он тяжело. Черновиков было много. Однажды мне захотелось взять один из них себе на память. Он даже испугался.

— Не бери! — кричит. — Вот тебе оригинал.

Чтобы написать несколько строк, он мог просидеть с гитарой до утра. Текст в начале работы и близко не напоминал песню. Небо и земля...

— *Одесситы, которые тебя знают и помнят, мало знают о том, что произошло с тобой в середине и в конце 80-х годов. Знают только, что у тебя были неприятности.*

— Это точно. Когда КГБ стал закручивать гайки, министр Луженко, он меня очень любил, предложил переехать на Дальний Восток. "Поезжай, говорит, Александр Николаевич, на Камчатку. Там есть три наших судна. Там и пересидишь это время". Переехал я переживать. И сел. Ведь я и там не молчал. Говорил и о гибели "Нахимова". На нем было 12 человек

УКРАЇНСЬКА МОВА — РУССКИЙ ЯЗЫК

Размышления художника

“Що маємо — те маємо” — на эту аксиому с удовольствием ссылаются видные украинские политики, как бы призывая рядовых сограждан смириться с существующей реальностью. Но ведь наша двомовность, двуязычие, с которым сроднилось не одно поколение, — тоже реальность. Есть ли необходимость отказываться от этого факта действительности, от этой реальности? Не станем ли мы свидетелями очередной ошибки, очередной потери в государственном масштабе?

Политиков, которые хотели бы законодательным путем искоренить русский язык из земли украинской, можно называть, с одной стороны, патриотами. Ведь они обещают освободить грядущие поколения от ненужных знаний, от изучения постороннего, т. е. русского языка, к тому же сэкономить значительные средства, необходимые для переиздания учебников, для оплаты труда преподавателей русского языка и литературы. Но, с другой стороны, таких “благодетелей” можно назвать и лжепатриотами, лукавыми мудрецами, потому что они отрицают очевидную истину: свободное владение двумя языками есть преимущество, бесценный багаж, передающийся от поколения к поколению, и, наконец, — жизненный шанс.

Кстати говоря, этим шансом воспользовались буквально все корифеи нынешней политической сцены Украины. Знание двух языков, украинского и русского, не помешало им получить образование в престижных вузах, в том числе российских, и занять заветное место на политическом Олимпе. Отсюда, с вершины родного Олимпа, ортодоксальные теории во всеуслышание трактуют присутствие русского языка в Украине, как ущемление национального достоинства украинцев. Думается, такую точку зрения пропагандируют те, для кого русский язык — альтернатива украинскому языку, кто считает несовместимыми две родственные культуры — украинскую и русскую, кто хочет отучить наших детей читать в оригинале творения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова...

Нередко можно слышать “каверзный” вопрос: по какому праву русский язык прижился в Украине, стал в некоторых регионах практически вторым родным языком? На этот вопрос есть простой ответ: русский и украинский языки — родом из одних и тех же мест, колыбельной песней для наших народов был древнерусский язык, древнерусская мова. Какой национальности был автор “Слова о полку Игореве” — русский или украинец? На эту тему ведут нескончаемый спор ученые, литературоведы Украины и России.

По разному сложились судьбы наших языков на пути к самосовершенствованию и самоутверждению. Безусловно, доля украинского языка — более драматична, несмотря на то, что он никогда не покидал родные места. Русский же язык, распространившись далеко на Север, оставил часть своей души здесь, в Украине, жил и развивался рядом с украинским языком.

Если оглянуться назад, в сравнительно недалеком прошлом, когда Украина входила в состав царской России, нельзя не согласиться с тем, что знание русского языка было условием выживания для многих народов, населявших огромную Российскую империю.

Советская империя, наследница Российской, не могла обойтись без русского языка. Начиная со времен ликбеза, два языка — национальный и русский — изучали на всех территориях бывшего СССР, за исключением России. Таким образом, россияне остались “одноязычными”, наверное, потому, что даже из пролетарской солидарности не могли выучить четырнадцать языков братских республик, и мы, которым в наследство досталось знание двух языков, можем им посочувствовать. Больше того, мы можем наказать своих гордых соседей, забыть их язык и вынудить их общаться с нами при помощи словарей и переводчиков. Правда, и мы не обойдемся без этих же атрибутов. Вряд ли такая перспектива пойдет на пользу нашим деловым, культурным и личным связям.

Размышляя на тему взаимоотношений наших народов и, соответственно, двух языков, нельзя не вспомнить о тех обидах, которые выпали на долю украинской мовы, родной сестры русского языка. Было время, когда ей, подобно Золушке, не было позволено появляться на людях, когда в родном доме ее оскорбляли и унижали, называли мужиким языком, диалектом, карикатурой на русский язык. В те годы, когда, казалось, нельзя было не услышать голос выдающегося украинского поэта, философа, просветителя Григория Сковороды, когда Иваном Котляревским были созданы шедевры “Наталка-Полтавка”, “Энеида”, впитавшие в себя всю соль украинской земли, когда в расцвете был гений Шевченко, — лишь немногие в России, в Украине понимали украинский язык.

Не потому ли “Тарас Бульба” — былинная повесть о героизме украинского народа, “Вечера на хуторе близ Диканьки” — яркие сцены из жизни украинцев, были обращены к русскоязычному читателю, что принесло им огромную популярность сразу же после выхода в свет. Гоголь — великий русский писатель, уроженец Полтавщины, русским языком пригласил читателя в край, который не спутаешь ни с каким другим местом на земле. Здесь все украинское: и природа, и персонажи, и быт, и комические ситуации, и жуткие истории, и наивная вера в чудеса, и чертовщина, которая исчезает с первыми лучами солнца. “Знаете ли вы украинскую ночь?...”, “Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои...” — эти русские слова восхищения украинской природой также искренни и прекрасны, как раскаты шевченковские: “Реве та стогне Дніпр широкий...” — или убаюкивающие строчки того же Кобзаря: “Тихесенько вітер віє, степи, лани мріють...”,

“Садок вишневий коло хати, хрущі над вишнями гудуть...”, “І досі сниться: під горою, меж вербами та над водою, біленька хаточка...”.

В наше время, когда Украина стала независимым государством, на вопрос: быть или не быть украинскому языку? — есть только один ответ: быть, служить надежным хранителем народной мудрости, радовать богатством красок и проявлений — в устной речи, литературе, песенном творчестве... По многим признакам украинская культура вступает в пору своего расцвета. Воскрешены, казалось бы, навсегда вычеркнутые из жизни произведения украинских писателей; на поэтическом небосклоне Украины заблистали имена выдающихся современных поэтов: это и Лина Костенко, и Винграновский, и Рымарук, и Драч, и многие другие; по национальному радио и телевидению мы слышим красивую, грамотную украинскую речь, звучат песни всенародно признанных авторов и исполнителей: Нины Матвиенко, Назария Яремчука, Тараса Петриненко, Василя Зинкевича, Валентины Степовой и др. Вдохновляющую перспективу открывают роскошные детские книги, выпускаемые в свет издательством “А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА” под редакцией Ивана Малковича. Вот одна из этих книг — “Улюблені вірші” — изысканный подбор стихотворений для детей, великолепные иллюстрации. Книгу сопровождает кассета, озвученная трогательными голосами талантливых украинских детей.

На вопрос: быть или не быть русскому в Украине? — есть три ответа: первый — быть тщательно, требовательно изучаемым, с первых классов в школе, наряду с украинским языком; второй ответ на непростой вопрос — изучать русский язык и литературу в разделе зарубежного языка и литературы; и, наконец, третий ответ — вообще исключить русский язык из школьных программ — пусть доживает свой век в Украине в виде полуграмотной разговорной речи, русско-украинского диалекта в стиле популярной Верки Сердючки.

Не о таком языке идет речь в известном стихотворении Ивана Сергеевича Тургенева, посвященном русскому языку: “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! ... Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!”.

Как известно, Тургенев был полиглотом: свободно общался с французами на французском, с итальянцами на итальянском, с немцами на немецком языке. Но, если бы Иван Сергеевич владел украинским языком, если бы мог в оригинале прочесть “Энеиду” Котляревского, творения Тараса Шевченко, возможно, из-под его пера родились бы подобные строчки: “У дні сумнівів, у дні тяжких роздумів про долю моєї Батьківщини — ви обидві мені підтримка і опора, мої рідні, такі схожі, такі різні, такі ширі і величні — українська і російська мови (або навпаки: російська та українська мови). Але не можна вірити, щоб такі мови не були надані великим народам!”.

Те, кто с детских лет изучал русский и украинский языки, украинскую и русскую литературы, хотя бы в рамках хрестоматийной классики, кто может судить о нюансах в сходстве и различии наших языков, не может не признать: украинский и русский языки — близкие родственники, родные, но не близнецы, рідні, але не близнюки.

В Украине, где все население в большей или меньшей степени владеет двумя языками, изучение их не представляет особой трудности для детей. У нас разработана и широко практикуется методика подготовки педагогов, которые блестяще владеют обоими языками.

Иначе дело обстоит в России, где обучение украинскому языку нужно начинать с нуля. Здесь не обойтись без кропотливой работы диаспоры, без пожертвований богатейших соотечественников, которые объявляют себя патриотами. Неплохо было бы взять пример с еврейских общин, которые всем миром, в буквальном смысле этого слова, открыли еврейские школы во многих точках земного шара, в том числе и в Украине. В этих школах, в частности, у нас, в Одессе, дети обязаны изучать четыре языка, как минимум: украинский, русский, еврейский, английский.

Вернувшись к основной теме — українська мова и русский язык, представим себе, что мы полностью отлучили наших детей от русского языка. Кто при этом пострадает: наши дети или русский язык? Безусловно — наши дети станут вдвое беднее. Русский же язык не пострадает, не прекратит свое существование. Свое бессмертие он обрел в творениях Толстого, Достоевского, Чехова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Блока, Ахматовой...

Сегодня можно слышать раздраженные голоса: мы, жители Украины, не обязаны знать русский язык, потому что в России не изучают наш, украинский. На это можно ответить: Бог с ними, россиянами! Возможно, они, действительно, не могут одолеть наш язык, и это, как говорится, их российские проблемы. Наша же проблема состоит в ином — сохранить традиции овладения двумя родственными языками. Пусть каждый из них, украинский и русский, в полную силу трудится на благо независимой Украинской державы, как и подобает языкам государственной важности.

Что касается полюбовившегося афоризма: “Що маємо — те маємо” — то, произнося его, мы не станем вздыхать и разводить руками. Мы сможем заменить его другим, сходным по звучанию, но имеющим другой, оптимистический смысл: “Що маємо — те не втрачаємо”.

Тамара ШЕЛЮТО-ЛИТВИНЕНКО.

моего экипажа. И мне было все известно. “Нахимов” опоздал в рейс на 15 минут. А это всегда опасно. Капитан ждал, когда прибудет важный пассажир — начальник КГБ Одесской области. А его самолет задерживался. Если бы не это, корабли бы разошлись и не столкнулись.

Как, говоришь, им удалось меня посадить? Подсылают ко мне как-то одного парня. Было это на Камчатке в 1987 году. И он мне заливал, что окончил в Одессе мореходку технического флота. “Там, — говорит, — в училище ваш портрет висит. Все вас там любят и уважают. Меня, — говорит, — за границу не пускают. Отец был в оккупации”. Короче, расположил он меня, и взял я его к себе на корабль. Однажды он приходит и просит краску: “Я только приехал, даже двери нечем покрасить”. Дал ему килограммов 12 краски, а может, меньше. Через пять минут они пришли и меня забрали. Три месяца просидел в тюрьме. Приговор: “За хищение государственной собственности”. Но тут, на мое счастье, Горбачев объявил амнистию. Уже не помню, к какому празднику. Помню, что я все время задавал комитетчикам вопрос: “За что же вы меня, ребята, посадили?”. И доводился. Как-то в Петропавловске-Камчатском, на улице Советской, около меня останавливается машина, выходят два парня и говорят: “Садись”. Спрашиваю: “Что случилось?”. “Садись, — говорят, — поедем”.

Приезжаем в четырехэтажный дом. Оказалось — психиатрическая больница. У всех дверей ручки есть только снаружи, а внутри их нет. Диагноз — психопат. Фамилию врача я где-то записал. “Вы, — говорит, — больной”. “С чего вы это?” — спрашиваю. “Вы, — говорит, — недовольны советской властью. Миллионы людей счастливы, а вы — нет. А это уже ненормально, болезнь это”. Стали мне делать уколы, таблетки давать. Благодарен я этому врачу по гроб жизни. Спасло меня то, что в Союз приехал Рейган и потребовал от Горбачева, чтобы всех недовольных не считали психами и всех из “психушек” выпустили. “Иначе, — говорит Рейган, — я вам хлеба не дам. И валюты”.

Меня выпустили, и я приехал в Одессу. До Камчатки у меня на судне плавал один парень. Был он “пятидесятником”. Часто рассказывал мне о Боге, о христианстве. Встретил я его в Одессе уже после “психушки”, и он меня увез в Таллинн. Там свел с местными верующими. Они оказались сильно религиозными и упрямыми. Железные люди. Стали водить меня в церковь. Но я к Богу так и не прикипел. Но они были снисходительны ко мне. Я с ними открыл в Пирита, на таллиннском пляже, кафе, где каждый верующий мог бесплатно поест. Музыка была только церковная, кресты и прочее. К этому времени все мои “пятидесятники” получили разрешение на выезд. Как-то раз повели они меня в ОВИР и говорят начальнику:

— Нас 120 семей. У нас есть разрешение на выезд, но если вы не выпустите нашего брата Сашу, мы никуда не поедem, будем рассказывать о нем и молиться на всех площадях Таллинна.

Это было время, когда кагэбешники уже такого боялись.

Так я с женой и дочкой выехал вместе со своими “пятидесятниками”. Попали мы с женой во Флориду, в Джексонвилл. С начала 90-х плаваю. Раньше — под багамским флагом, помощником капита-

на. Сейчас плаваю старшим матросом на американском судне. А до этого был продавцом, “Тойотами” торговал. Всякое бывало. Теперь уже все в порядке.

— А что делает старший матрос?

— В основном находится на навигационном мостике.

— А как дочка?

— Ане 17 лет. Она прекрасно учится. За это я купил ей лошадь. За обслуживание лошади плачу ежемесячно 400 долларов. Аннета занимает первые места в выездке и соревнованиях с препятствиями.

— Прекрасно! А какие отношения у тебя, Саша, с Богом? Ведь ты ходил в Таллинне в церковь.

— Своих “пятидесятников” я потерял. Все они уехали в Сиеэтл. Но с Богом отношения хорошие. Живу по совести, ничего плохого себе не позволяю. Стараюсь быть честным и порядочным человеком. Скажу тебе правду. В церковь не хожу, да и нет в Джексонвилле православного прихода. Поэтому и разговариваю с Богом мысленно, но зато часто. А американские церквы... Не нравятся мне там разговоры. Все кончается словами: “Дайте еще денег”. А я не могу совмещать одно с другим. Но это так, между прочим...

Ты спрашиваешь, скучаю ли я? Это не то слово. По Одессе скучаю страшно. Уже был там. Встречался с друзьями. Они смотрели на меня и крестились: “Мы, — говорят, — Саша, давно тебя похоронили”.

Налаживаю понемножечку бизнес через своих бывших моряков. А многих уже нет в живых. Мне рассказывали, что капитан-наставник, ныне покойный, про меня статью как-то написал: мол, загубили, гады, капитана... Но я выжил.

На днях меня допустили до экзаменов на лиценс капитана. Даст Бог, сдам, получу корабль, погуляю...

А по Одессе все же скучаю...

“Дорогому капитану Назаренко А. Н. и его экипажу, и судну его посвящаю”.

НА ОТХОД И ПРИХОД

*“Все свободны!”
Конец всем вопросам.
“Кроме важных —
всем отдыхать!”
Но пустуют каюты,
матросам*

*К ТОЙ СВОБОДЕ
ЕЩЕ ПРИВЫКАТЬ.*

*КАПИТАН,
ЧУТЬ УЛЫБАЯСЬ,
ДУМАЛ: “ВЕРНО!
МОЛОДЦЫ!
ОТ ЗЕМЛИ
ОСВОБОЖДАЯСЬ,
НЕЛЕГКО
РУБИТЬ “КОНЦЫ”.*

В. Высоцкий

Написал эту песню поэт в 1971 году на бланке Черноморского пароходства. Под песней Высоцкий нарисовал море и берег. На берегу — небоскребы “Эмпайр стейт билдинг”. Нагадал бард Сашке Америку.

Между прочим, сегодня нет уже Саши Назаренко. Есть гражданин США Александр Н. Николсон.

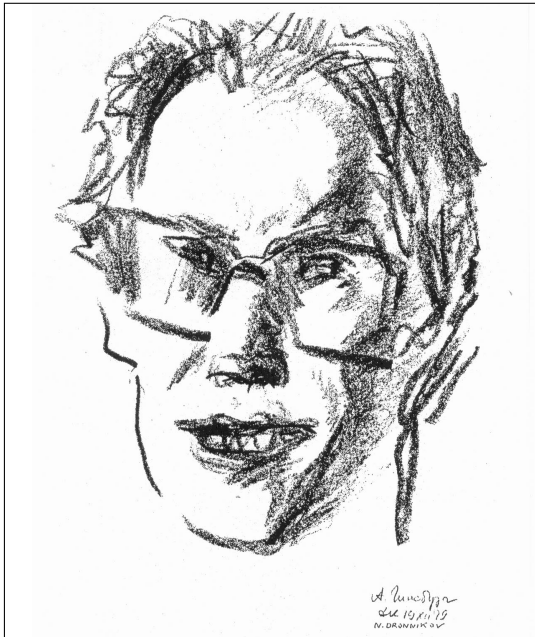
— Это чтобы проблем было меньше. Николсон в переводе с английского — сын Николая. Ведь я — Николаевич...

Многие лета тебе, капитан, моряк, человек Александр Николсон!

Быть посему!
Аминь!

Александр МАЛИЕВСКИЙ.

(Из газеты “Одесса-на-Гудзоне” (Нью-Йорк), 04.26.2002.)

УМЕР АЛЕКСАНДР ГИНЗБУРГ

Отсчет диссидентства на Руси можно начать с князя Курбского, Александра Радищева, Петра Чаадаева. Но мы живем в другие времена. И первый самиздатовский журнал в послевоенном Советском Союзе в 1958 году выпустил 22-летний москвич Александр Гинзбург. Тоненький, отпечатанный в нескольких экземплярах журнал "Синтаксис" знакомил читателей со свободной поэзией России. Одни имена уже были известны — например, Белла Ахмадулина, другие впервые запомнились: Игорь Холин, Владимир Уфлянд, Геннадий Айги. В этом не было вызова строю, политике, идеологии. Но тогда все, что делалось снизу, а не с дозволения власти, было вызовом. И первый суд. И первый срок.

Позднее Александр Гинзбург подготовил "Белую книгу" — подлинный отчет о процессе над Андреем Синявским и Юлием Даниелем. Власти вновь не ограничились статьями в "Правде" и "Крокодиле". Вновь были суд и суровый приговор. Гинзбург сидел, но не сгибался, не шел на сотрудничество. В конце концов, его "выменяли" на арестованных на Западе советских разведчиков. Начиналась новая полоса борьбы. В Париже, в "Русской мысли", он комментировал все, что происходило в политике, в культуре Советского Союза.

Александр Гинзбург не бывал в Одессе. Трижды судимый (третий раз как распорядитель Фонда А. Солженицына), он и в короткие передышки жил буквально под надзором чекистов. Но благодаря ему мы, одесситы, узнали "Синтаксис" и прозу Варлама Шаламова, познакомились с картинами художников-нонконформистов, слышали, видели Анатолия Марченко и Петра Якира, Ларису Богораз и Веру Лашкову...

Трудно представить, что Алик Гинзбург нет среди нас. У нас не будет возможности положить цветы к его могиле. Пусть эти несколько строк и лягут вместо цветов.

Валентина и Евгений ГОЛУБОВСКИЕ.
(газета "Ор Самеах").

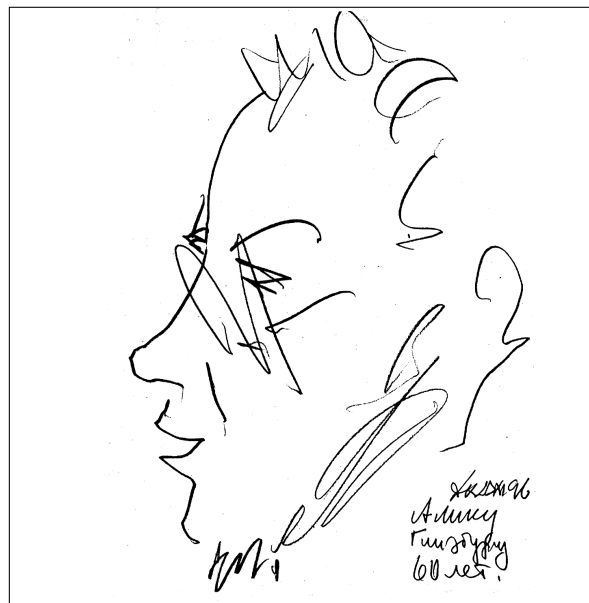
А спустя несколько дней — два письма из Парижа: художник Николай Дронников прислал свои рисунки, на которых А. Гинзбург запечатлен в разные годы, а писатель Виталий Амурский — стихотворение...

Виталий АМУРСКИЙ

Памяти Алика Гинзбурга

В парижском,
как и в любом, метро
Глаз примеривается не сразу
к наваливающейся темноте.
С кладбища возвращаясь
во внутренней немоте,
Воочию убеждаешься в перекличке подобной оптики
И тяги души к retro.
Где-то березы русские и ангелы
плачут по бывшему веку,
Но в состоявшейся жизни, как в шахматной партии,
не сделать уже рокировку.
Нырнув
в "Пер-Лашеза" подземку,
Не выехать на "Маяковку".

25 июля 2002 г.

Рисунки Николая Дронникова, Париж.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N . газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 249-080.